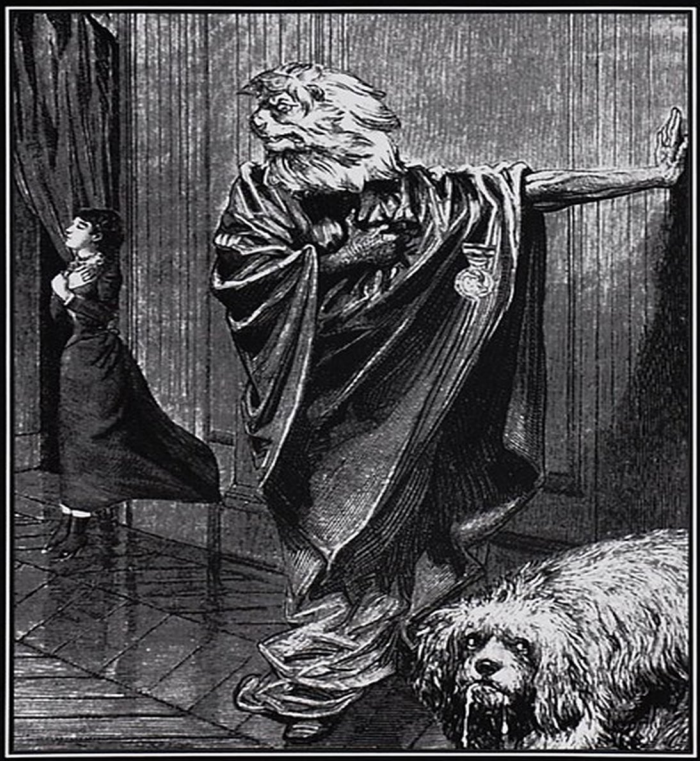
НОВЫЙ ДЕТЕКТИВЪ



Борис Акунин

СТАТСКИЙ СОВЕТНИК

Статский советник
Борис Акунин

Аннотация
Борис Акунин. Статский советник. (политический детектив)
Пролог
Глава первая,. в которой Фандорин попадает под арест
Глава вторая. Отдых стального человека
Глава третья,. в которой демонстрируются издержки двойной субординации
Глава четвертая. Нужны деньги
Глава пятая,. в которой Фандорин страдает от уязвленного самолюбия
Глава шестая. Экс
Глава седьмая,. в которой расследование оказывается у разбитого корыта
Глава восьмая. Купили порося
Глава девятая,. в которой много говорят о судьбах России
Глава десятая. Грину пишут
Глава одиннадцатая,. в которой Фандорин учится летать
Глава двенадцатая. Жирафы

Глава тринадцатая,. в которой, как положено, происходит несчастье
Глава четырнадцатая. Яма
Глава пятнадцатая,. в которой Фандорин учится гибкости
Глава шестнадцатая. Вспышка
Эпилог

Аннотация

«Статский советник» (политический детектив) — седьмая книга Бориса Акунина из серии «Приключения Эраста Фандорина».

1891 год. Брожение в умах, революционные идеи популярны среди молодёжи, повсюду возникают революционные кружки. Но не для всех это только мода.

Группа, называющая себя «Б. Г.», работает точно и дерзко. Убит сибирский генерал-губернатор, убийца — человек, предъявивший документы Эраста Фандорина. Эраст Петрович принимает вызов, и берется за расследование. Кто стоит за буквами «Б. Г.»? Что сделало их террористами? Ради чего они совершают свои кровавые преступления? В этой книге Фандорину приходится делать тяжёлый нравственный выбор, и он, как всегда, выбирает честь.

Среди реальных фигур российской истории, послуживших прототипами героев книги, известный мэтр политического сыска Зубатов, московские генерал-губернаторы князь Владимир Андреевич Долгоруков и Великий

князь Сергей Александрович, фабрикант Савва Морозов и многие другие.

Борис Акунин
Статский советник
(политический детектив)

Пролог

По левой стороне окна были слепые, в сплошных бельмах наледи и мокрого снега. Ветер кидал липкие, мягкие хлопья в жалостно дребезжащие стекла, раскачивал тяжелую тушу вагона, все не терял надежды спихнуть поезд со скользких рельсов и покатить его черной колбасой по широкой белой равнине — через замерзшую речку, через мертвые поля, прямиком к дальнему лесу, смутно темневшему на стыке земли и неба.

Весь этот печальный ландшафт можно было рассмотреть через окна по правой стороне, замечательно чистые и зрячие, да только что на него смотреть? Ну снег, ну разбойничий свист ветра, ну мутное низкое небо — тьма, холод и смерть.

Зато внутри, в министерском салон-вагоне, было славно: уютный мрак, подсиненный голубым шелковым абажуром, потрескивание дров за бронзовой дверцей печки, ритмичное звяканье ложечки о стакан. Небольшой, но отлично оборудованный кабинет — со столом для совещаний, с кожаными креслами, с картой империи на стене — несся со скоростью пятьдесят верст в час сквозь

пургу, нежить и ненастный зимний рассвет.

В одном из кресел, накрывшись до самого подбородка шотландским пледом, дремал старик с властным и мужественным лицом. Даже во сне седые брови были сурово сдвинуты, в углах жесткого рта залегла скорбная складка, морщинистые веки то и дело нервно подрагивали. Раскачивающийся круг света от лампы выхватил из полутьмы крепкую руку, лежавшую на подлокотнике красного дерева, сверкнул алмазным перстнем на безымянном пальце.

На столе, прямо под абажуром, лежала стопка газет. Сверху — нелегальная цюрихская «Воля народа», совсем свежая, позавчерашняя. На развернутой полосе статья, сердито отчеркнутая красным карандашом:

Палача прячут от возмездия

Редакции стало известно из самого верного источника, что генерал-адъютант Храпов, в минувший четверг отрешенный от должности товарища министра внутренних дел и командира Отдельного корпуса жандармов, в ближайшем времени будет назначен сибирским генерал-губернатором и немедленно от-

правится к новому месту службы.

Мотивы этого перемещения слишком понятны. Царь хочет спасти Храпова от народной мести, на время упрятав своего цепного пса подальше от столиц. Но приговор нашей партии, объявленный кровавому сатрапу, остается в силе. Отдав изуверский приказ подвергнуть порке политическую заключенную Полину Иванцову, Храпов поставил себя вне законов человечности. Он не может оставаться в живых. Палачу дважды удалось спастись от мстителей, но он все равно обречен.

Из того же источника нам стало известно, что Храпову уже обещан портфель министра внутренних дел. Назначение в Сибирь является временной мерой, призванной вывести Храпова из-под карающего меча народного гнева. Царские опричники рассчитывают открыть и уничтожить нашу Боевую Группу, которой поручено привести приговор над палачом в исполнение. Когда же опасность минует, Храпов триумфально вернется в Петербург и станет полновластным вре-

менщиком.

Этому не бывать! Загубленные жизни наших товарищей взывают о возмездии.

Не вынесшая позора Иванцова удавилась в карцере. Ей было всего семнадцать лет.

Двадцатитрехлетняя курсистка Скокова стреляла в сатрапа, не попала и была повешена.

Наш товарищ из Боевой Группы, имя которого хранится в тайне, был убит осколком собственной бомбы, а Храпов опять уцелел.

Ничего, ваше высокопревосходительство, как веревочке ни виться, а конца не миновать. Наша Боевая Группа отыщет вас и в Сибири.

Приятного путешествия!

Паровоз заполошно взревел, сначала протяжно, потом короткими гудками: У-у-у! У! У! У!

Губы спящего беспокойно дрогнули, с них сорвался глухой стон. Глаза раскрылись, недоуменно метнулись влево — на белые окна, вправо — на черные, и взгляд прояснился, стал осмысленным, острым. Суровый старик откинул плед

(под которым обнаружились бархатная курточка, белая сорочка, черный галстук), пожевал сухими губами и позвонил в колокольчик.

Через мгновение дверь, что вела из кабинета в приемную, открылась. Поправляя портупею, влетел молодцеватый подполковник в синем жандармском мундире с белыми аксельбантами.

— С добрым утром, ваше высокопревосходительство!

— Тверь проехали? — густым голосом спросил генерал, не ответив на приветствие.

— Так точно, Иван Федорович. К Клину подъезжаем.

— Как так к Клину? — засердился сидящий. — Уже? Почему раньше не разбудил? Проспал?

Офицер потер мятую щеку.

— Никак нет. Видел, что вы уснули. Думаю, пусть Иван Федорович хоть немножко поспят. Ничего, успеете и умыться, и одеться, и чаю попить. До Москвы еще час целый.

Поезд сбавил ход, готовясь тормозить. За окнами замелькали огни, стали видны редкие фонари, заснеженные крыши.

Генерал зевнул.

— Ладно, пусть поставят самовар. Что-то не проснусь никак.

Жандарм откозырял и вышел, бесшумно прикрыв за собой дверь.

В приемной горел яркий свет, пахло ликером и сигарным дымом. Подле письменного стола, подперев голову, сидел еще один офицер — белобрысый, розоволицый, со светлыми бровями и поросячьими ресницами. Он потянулся, хрустнул суставами, спросил у подполковника:

— Ну, что там?

— Чаю хочет. Я распоряжусь.

— А-а, — протянул альбинос и глянул в окно. — Это что, Клин? Садись, Мишель. Я скажу про самовар. Выйду, ноги разомну. Заодно проверю, не дрыхнут ли, черти.

Он встал, одернул мундир и, позванивая шпорами, вышел в третью комнату чудо-вагона. Тут уж все было совсем просто: стулья вдоль стен, вешалки для верхней одежды, в углу столик с посудой и самоваром. Двое крепких мужчин в одинаковых камлотовых тройках и с одинаково подкрученными усами (только у одного песочными, а у второго рыжими) неподвижно сидели друг напротив друга. Еще двое спали на сдвинутых стульях.

Те, что сидели, при появлении белобрысого вскочили, но офицер приложил палец к губам

— пусть, мол, спят — показал на самовар и шепотом сказал:

— Чаю его высокопревосходительству. Уф, душно. Выйду воздуха глотну.

В тамбуре вытянулись в струнку двое жандармов с карабинами. Тамбур не протапливался, и часовые были в шинелях, шапках, башлыках.

— Скоро сменяетесь? — спросил офицер, натягивая белые перчатки и вглядываясь в медленно наплывающий перрон.

— Только заступили, ваше благородие! — гаркнул старший по караулу. — Теперь до самой Москвы.

— Ну-ну.

Альбинос толкнул тяжелую дверь, и в вагон дунуло свежим ветром, мокрым снегом, мазутом.

— Восемь часов, а едва засерело, — вздохнул офицер, ни к кому не обращаясь, и спустился на ступеньку.

Поезд еще не остановился, еще скрипел и скрежетал тормозами, а по платформе к салон-вагону уже спешили двое: один низенький, с фонарем, второй высокий, узкий, в цилиндре и широком щегольском макинтоше с пелериной.

— Вот он, специальный! — крикнул первый (судя по фуражке, станционный смотритель),

оборотясь к спутнику.

Тот остановился перед открытой дверью, и спросил офицера, придерживая рукой цилиндр:

— Вы Модзалевский? Адъютант его в-высокопревосходительства?

В отличие от железнодорожника заика не кричал, однако его спокойный, звучный голос без труда заглушил вой пурги.

— Нет, я начальник охраны, — ответил белобрысый, пытаясь разглядеть лицо франта.

Лицо было примечательное: тонкое, строгое, с аккуратными черными усиками, на лбу решительная вертикальная складка.

— Ага, штабс-ротмистр фон З-Зейдлиц, отлично, — удовлетворенно кивнул незнакомец, впрочем тут же представившийся. — Фандорин, чиновник особых п-поручений при его сиятельстве м-московском генерал-губернаторе. Полагаю, вам обо мне известно.

— Да, господин статский советник, мы получили шифровку, что в Москве за безопасность Ивана Федоровича будете отвечать вы, но я полагал, что вы встретите нас на вокзале. Поднимайтесь, поднимайтесь, а то в тамбур заметает.

Статский советник на прощанье кивнул смотрителю, легко взбежал по крутым ступенькам

и захлопнул за собой дверь. Сразу стало тихо и гулко.

— Вы уже на т-территории Московской г-губернии, — объяснил чиновник, сняв цилиндр и стряхивая снег с тульи. При этом обнаружилось, что волосы у него черные, а виски, несмотря на молодость, совершенно седые. — Тут начинается моя, т-так сказать, юрисдикция. Мы простоим в К-Клину по меньшей мере часа д-два — впереди расчищают занос. Успеем обо в-всем договориться и распределить обязанности. Но с-сначала мне нужно к его высокопревосходительству, п-представиться и передать с-срочное сообщение. Где можно раздеться?

— Пожалуйте в караульную, там вешалка.

Фон Зейдлиц провел чиновника сначала в первую комнату, где дежурили охранники в цивильном, а после того, как Фандорин снял макинтош и бросил на стул подмокший цилиндр, и во вторую.

— Мишель, это статский советник Фандорин, — объяснил начальник охраны подполковнику. — Тот самый. Со срочным сообщением для Ивана Федоровича.

Мишель встал.

— Адъютант его высокопревосходительства

Модзалевский. Могу ли я взглянуть на ваши документы?

— Р-разумеется, — чиновник достал из кармана сложенную бумагу, протянул адъютанту.

— Это Фандорин, — подтвердил начальник охраны. — В шифровке был словесный портрет, я отлично запомнил.

Модзалевский внимательно рассмотрел печать и фотографию, вернул бумагу владельцу.

— Хорошо, господин статский советник. Сейчас доложу.

Минуту спустя чиновник был допущен в царство мягких ковров, голубого света и красного дерева. Он вошел, молча поклонился.

— Здравствуйте, господин Фандорин, — добродушно пророкотал генерал, успевший сменить бархатную курточку на военный сюртук. — Эраст Петрович, не так ли?

— Т-так точно, ваше высокопревосходительство.

— Решили встретить подопечного на дальних подступах? Хвалю за усердие, хоть и считаю всю эту суету совершенно излишней. Во-первых, мой выезд из Санкт-Петербурга был тайным, во-вторых, господ революционеров я нисколько не опасаюсь, а в-третьих, на все воля Божья. Раз

до сих пор уберег Господь Храпова, стало быть, еще нужен Ему старый вояка, — и генерал, который, выходит, и был тот самый Храпов, набожно перекрестился.

— У меня д-для вашего высокопревосходительства сверхсрочное и с-совершенно к-конфиденциальное сообщение, — бесстрастно произнес статский советник, взглянув на адъютанта. — Извините, п-подполковник, но такова п-полученная мною инструкция.

— Ступай, Миша, — ласково велел сибирский генерал-губернатор, названный в заграничной газете палачом и сатрапом. — Самовар-то готов? Как с делом покончим, позову — чайку попьем, — а когда за адъютантом закрылась дверь, спросил: — Ну, что там у вас за тайны? Телеграмма от государя? Давайте.

Чиновник приблизился к сидящему вплотную, сунул руку во внутренний карман касторового пиджака, но тут его взгляд упал на запрещенную газету с отчерченной красным статьей. Генерал перехватил взгляд статского советника, насупился.

— Не оставляют господа нигилисты Храпова своим вниманием. Нашли «палача»! Вы ведь, Эраст Петрович, тоже, поди, всякой ерунды про

меня наслушались? Не верьте, врут злые языки, всё шиворот-навыворот перекручивают! Не секли ее в моем присутствии до полусмерти звери-тюремщики, клевета это! — было видно, что злополучная история с повесившейся Иванцовой попортила его высокопревосходительству немало крови и до сих пор не дает ему покоя. — Я честный солдат, у меня два «Георгия» — за Севастополь и за вторую Плевну! — горячась, воскликнул он. — Я ведь девчонку, дуру эту, от каторги уберечь хотел! Ну, сказал ей на «ты», эка важность. Я же по-отечески! У меня внучка ее возраста! А она мне, старому человеку, генерал-адъютанту, пощечину — при охране, при заключенных! За это мерзавке по закону десять лет каторги следовало! А я велел только посечь и хода делу не давать. Не до полусмерти пороть, как после в газетках писали, а влепить десяток горячих, в полсилы! И не тюремщики секли, а надзирательница. Кто ж знал, что эта полоумная Иванцова руки на себя наложит? Ведь не дворянских кровей, мещаночка обыкновенная, а такие нежности! — генерал сердито махнул. — Теперь ввек не отмоешься. После другая такая же дура в меня стреляла. Я писал его величеству, чтоб не вешали ее, но государь был непреклонен.

Собственноручно на прошении начертал: «Кто на моих верных слуг меч поднимает, тому никакой пощады», — Храпов растроганно заморгал, в глазах блеснула стариковская слеза. — Устроили травлю, будто на волка. А ведь я как лучше хотел… Не понимаю, хоть режьте, не понимаю!

Генерал-губернатор сокрушенно развел руками, а брюнет с седыми висками внезапно сказал на это, причем безо всякого заикания:

— Где вам понять, что такое честь и человеческое достоинство. Ничего, вы не поймете, так другим псам урок будет.

Иван Федорович разинул рот и хотел приподняться из кресла, но удивительный чиновник уже достал из-под пиджака руку, и в руке этой была никакая не телеграмма, а короткий кинжал. Кинжал вонзился генералу прямо в сердце, и брови у Храпова поползли вверх, рот открылся, но не произнес ни звука. Пальцами генерал схватил статского советника за руку, причем снова блеснул давешний алмаз. А потом голова генерал-губернатора безжизненно откинулась назад, и по подбородку заструилась ленточка алой крови.

Убийца брезгливо расцепил на своем запястье пальцы мертвеца, нервным движением сорвал

приклеенные усики, потер седые виски, и они стали такими же черными, как остальные волосы.

Оглянувшись на закрытую дверь, решительный человек подошел к одному из слепых окон, выходивших на пути, и потянул ручку, но рама примерзла насмерть и не подавалась. Это, однако, ничуть не смутило странного статского советника. Он взялся за скобу обеими руками, навалился. На лбу вздулись жилы, скрежетнули стиснутые зубы и — вот чудо — рама заскрипела, поехала вниз. Прямо в лицо силачу хлестнуло снежной трухой, обрадованно заполоскались занавески. Одно ловкое движение — и убийца перекинулся через окаем, растворился в сереющих сумерках.

Кабинет преображался прямо на глазах: ветер, не веря своему счастью, принялся гонять по ковру важные бумаги, теребить бахрому скатерти, трепать седые волосы на голове генерала.

Голубой абажур порывисто закачался, световое пятно заерзало по груди убитого, и стало видно, что на костяной рукоятке основательно, до упора всаженного кинжала вырезаны две буквы: Б. Г.

Глава первая, в которой Фандорин попадает под арест

День не задался с самого начала. Эраст Петрович Фандорин поднялся ни свет ни заря, потому что в половине девятого ему надлежало быть на Николаевском вокзале. Проделал вдвоем с японцем-камердинером всегдашнюю обстоятельную гимнастику, выпил зеленого чаю и уже брился, одновременно производя дыхательные упражнения, когда зазвонил телефон. Оказалось, что статский советник проснулся в такую рань напрасно: курьерский поезд из Санкт-Петербурга ожидается с двухчасовым опозданием по причине снежных заносов на железной дороге.

Поскольку все необходимые распоряжения по обеспечению безопасности столичного гостя были отданы еще накануне, Эраст Петрович не сразу придумал, чем занять нежданный досуг. Хотел было выехать на вокзал пораньше, но не стал. К чему зря нервировать подчиненных? Можно не сомневаться, что полковник Сверчинский, исправлявший должность начальника

Губернского жандармского управления, в точности выполнил полученные указания: первая платформа, куда прибудет курьерский, оцеплена агентами в штатском, прямо у перрона дожидается блиндированная карета, и конвой отобран самым тщательным образом. Пожалуй, вполне достаточно будет приехать на вокзал за четверть часа — и то больше для порядка, нежели с намерением обнаружить упущения.

Задание от его сиятельства князя Владимира Андреевича получено ответственное, но нетрудное. Встретить важную персону, сопроводить к князю на завтрак, после — в тщательно охраняемую резиденцию на Воробьевых горах для отдыха, а вечером отвезти новоиспеченного сибирского генерал-губернатора к челябинскому поезду, к которому уже будет прицеплен министерский вагон. Вот, собственно, и всё.

Единственный трудный вопрос, терзавший Эраста Петровича со вчерашнего дня, заключался в следующем: подавать ли руку генерал-адъютанту Храпову, запятнавшему себя подлым или, по меньшей мере, непростительно глупым поступком?

С точки зрения службы и карьеры, конечно, следовало пренебречь чувствами, тем более что

знающие люди прочили бывшему командиру жандармов скорое возвращение к вершинам власти. Однако Фандорин решил не уклоняться от рукопожатия по совсем иной причине — гость есть гость, и оскорблять его невозможно. Достаточно будет держаться холодного, подчеркнуто официального тона.

Решение было правильным и даже неоспоримым, но все же у статского советника, что называется, на душе скребли кошки. А ну как все-таки сыграли роль карьерные соображения?

Вот почему внезапная отсрочка Эраста Петровича ничуть не расстроила — появилось дополнительное время, чтобы разрешить сложную моральную дилемму.

Фандорин велел камердинеру Масе заварить крепкого кофе, уселся в кресло и стал снова взвешивать все «за» и «против», непроизвольно то сжимая, то разжимая правую кисть.

Но долго размышлять не пришлось, потому что опять раздался звонок, на сей раз дверной. Из прихожей донеслись голоса — сначала тихие, потом громкие. Кто-то рвался войти в кабинет, а Маса не пускал и издавал шипяще-свистящие звуки, свидетельствовавшие о непреклонности и воинственном расположении духа бывшего

японского подданного.

— Маса, кто там? — крикнул Эраст Петрович и вышел из кабинета в гостиную.

Там он увидел нежданных гостей — жандармского подполковника Бурляева, начальника Московского охранного отделения, и с ним двух господ в клетчатых пальто, по виду филеров. Маса, растопырив руки, преграждал троице путь и явно намеревался в самом скором времени перейти от слов к действиям.

— Пардон, господин Фандорин, — смущенно пробасил Бурляев, снимая шапку и проводя рукой по жесткому бобрику волос цвета соли с перцем. — Тут какое-то недоразумение, но у меня телеграмма из Департамента полиции, — он взмахнул листком бумаги. — Сообщают, что убит генерал-адъютант Храпов, что… э-э-э… убили его вы… и что вас должно немедленно взять под стражу. Совсем с ума посходили, но приказ есть приказ… Вы уж утихомирьте своего японца, а то я наслышан, как бойко он ногами дерется.

В первый момент Эраст Петрович испытал абсурдное облегчение при мысли о том, что проблема с рукопожатием снялась сама собой, и лишь затем на него обрушился весь кошмарный смысл сказанного.

Подозрение с Фандорина снялось лишь после того, как прибыл запоздавший курьерский. Из министерского вагона, не дожидаясь остановки поезда, на перрон спрыгнул светловолосый жандармский штабс-ротмистр с перекошенным лицом и, сыпя страшными проклятьями, кинулся туда, где в окружении филеров стоял арестованный статский советник. Однако, не добежав нескольких шагов, штабс-ротмистр перешел на шаг, а затем и вовсе остановился. Захлопал белесыми ресницами, ударил себя кулаком по бедру.

— Это не он! Похож, но не он! Да не очень-то и похож! Только усики, и виски седые, а более никакого сходства! — ошеломленно пробормотал офицер. — Кого вы привели? Где Фандорин?

— Уверяю вас, г-господин фон Зейдлиц, что я и есть Фандорин, — с преувеличенной кротостью, словно обращаясь к душевнобольному, сказал статский советник и обернулся к Бурляеву, залившемуся багровой краской. — Петр Иванович, скажите вашим людям, что меня можно б-больше не держать за локти. Штабс-ротмистр, где подполковник Модзалевский и ваши люди из охраны? Я должен всех допросить и записать показания.

— Допросить? Записать показания?! — сипло крикнул Зейдлиц, воздев к небу сжатые кулаки. —

Какие к черту показания! Вы что, не понимаете? Он убит, убит! Боже, всему конец, всему! Надо бежать, надо поставить на ноги жандармерию, полицию! Если я не найду этого ряженого, этого мерзавца, этого… — он захлебнулся и судорожно икнул. — Но я найду, непременно найду! Я оправдаюсь! Я землю, небо переверну! Иначе остается только пулю в лоб!

— Хорошо, — все так же мирно произнес Эраст Петрович. — Пожалуй, штабс-ротмистра я допрошу попозже, когда он придет в себя. А сейчас начнем с остальных. Пусть нам освободят к-кабинет начальника вокзала. Господ Сверчинского и Бурляева прошу присутствовать при дознании. Затем я отправлюсь с докладом к его сиятельству.

— Ваше высокородие, а как быть с покойником? — робко спросил державшийся на почтительном отдалении начальник поезда. — Такая важная особа… Куда его?

— Как куда? — удивился статский советник. — Сейчас прибудет т-труповозка, и в морг, на вскрытие.

* * *

— …после чего адъютант Модзалевский, первым пришедший в себя, побежал на станцию «Клин-пассажирская» и отбил шифрованную телеграмму в Департамент п-полиции, — пространный рапорт Фандорина приближался к концу. — Цилиндр, макинтош и кинжал отданы на исследование в лабораторию. Храпов в морге. Зейдлицу сделан успокаивающий укол.

В комнате стало тихо, только тикали часы, да подрагивали стекла под напором буйного февральского ветра. Генерал-губернатор древней столицы, князь Владимир Андреевич Долгорукой, сосредоточенно пожевал морщинистыми губами, подергал себя за длинный крашеный ус и почесал за ухом, отчего каштановый паричок слегка съехал на сторону. Нечасто доводилось Эрасту Петровичу видеть полновластного хозяина первопрестольной в такой потерянности.

— А уж этого мне питерская камарилья нипочем не простит, — тоскливо сказал его сиятельство. — Не посмотрят, что Храпов этот чертов, царствие ему небесное, и до Москвы-то не доехал. Клин ведь тоже московская губерния… Как, Эраст Петрович, ведь, пожалуй, что конец?

Статский советник только вздохнул в ответ.

Тогда князь обернулся к ливрейному, стоявшему у дверей с серебряным подносом в руках. На подносе были какие-то склянки, пузырьки и вазочка с эвкалиптовыми лепешечками от кашля. Звали слугу Фролом Григорьевичем Ведищевым, занимал он скромную должность камердинера, но не было у князя советника преданней и многоопытней, чем этот высохший старик с лысым черепом, в преогромных бакенбардах и золотых очках с толстыми стеклами.

А больше в просторном кабинете никого не было — только эти трое.

— Что, Фролушка, — дрогнув голосом, спросил Долгорукой, — на свалку пора? Да без почета, без милости. Со скандалом…

— Владим Андреич, — плачущим голосом сказал камердинер. — Да ляд с ней, с государевой службой. Уж, слава Богу, послужили, ведь на девятый десяток пошло… Не рвите вы себе душу. Ну, царь не пожалует, так москвичи добрым словом помянут. Шутка ли, двадцать пять годочков об них заботились, ночей не досыпали. Поедем в Ниццу, к солнышку. Будем сидеть на крылечке, прежние времена вспоминать, чего еще в нашито годы…

Князь грустно улыбнулся:

— Не сумею я, Фрол, сам знаешь. Умру без службы, в полгода зачахну. Я потому и бодр пока, что Москва меня держит. И ладно бы хоть за дело, а то ведь ни за что погонят. В городе-то у меня все в полном порядке. Обидно…

У Ведищева в руках задребезжал поднос, по щекам обильно заструились слезы.

— Бог милостив, батюшка, может, пронесет. Чего только не было, а ведь выручал Господь. Эраст Петрович нам отыщет злодея, что генерала зарезал, государь и оттает.

— Не отта-а-ет, — уныло протянул Долгорукой. — Тут вопрос государственной безопасности. Когда власти страшно, она никого не жалеет. Надо на всех страху нагнать, и особенно на своих. Чтоб в оба смотрели и чтоб ее, власти, больше, чем убийц боялись. Моя территория, мне и отвечать. Об одном только Бога молю: сыскать бы преступника побыстрее, своими силами. Хоть уйду без срама. Красиво служил и красиво закончу, — он с надеждой посмотрел на чиновника особых поручений. — Как, Эраст Петрович, сумеете эту самую «БэГэ» отыскать?

Фандорин помедлил с ответом и заговорил тихо, неуверенно:

— Владимир Андреевич, вы меня знаете, я п-пустых обещаний давать не люблю. У нас ведь даже нет уверенности, что убийца после совершенного им злодеяния отправился в Москву, а не в Петербург… В конце концов, действия Боевой Группы направляются именно из Петербурга.

— Да-да, верно, — грустно покивал князь. — Что ж это я, в самом деле. Супостатов этих весь Жандармский корпус вкупе с Департаментом полиции выловить не могут, а я к вам. Россия большая, злодей мог куда угодно податься… Уж простите сердечно. Знаете, как тонуть начнешь, то и за соломинку ухватишься. Опять же выручали вы меня неоднократно из самых аховых положений…

Статский советник откашлялся, несколько покоробленный сравнением с соломинкой, и произнес загадочным тоном:

— И все же…

— Что «все же»? — встрепенулся Ведищев, отставил поднос, быстренько вытер большущим платком заплаканное лицо, подсеменил к чиновнику поближе. — Или есть зацепка какая?

— И все же попытаться можно, — задумчиво проговорил Фандорин. — Даже должно. Я, собственно, и сам собирался просить ваше высо-

копревосходительство о п-предоставлении мне соответствующих полномочий. Убийца воспользовался моим именем и тем самым бросил мне вызов. Я не говорю уж о тех к-крайне неприятных минутах, которые мне по его милости довелось провести сегодня утром. К тому же я все-таки полагаю, что преступник из Клина направился именно в Москву. Сюда от места убийства всего час езды на поезде, мы и хватиться бы не успели. А в обратную сторону, до Петербурга, девять часов, то есть он и сейчас еще находился бы в пути. Между тем с одиннадцати часов объявлен розыск, все станции перекрыты, железнодорожная жандармерия проверяет пассажиров на всех поездах в радиусе трехсот верст. Нет, не мог он в Петербург податься.

— А может, он вовсе железкой не поехал? — усомнился камердинер. — Сел себе на лошадку и потрюхал в какой-нибудь Замухранск — отсидеться, пока шум не поутихнет?

— Замухранск для того, чтоб отсидеться, никак не п-подходит. Там каждый человек на виду. Спрятаться проще всего в большом городе, где никто никого не знает, да и революционно-конспиративная сеть наличествует.

Генерал-губернатор испытующе взглянул на

Эраста Петровича и щелкнул крышечкой табакерки, что свидетельствовало о переходе от отчаяния к глубокой задумчивости.

Чиновник подождал, пока Долгорукой зарядит ноздрю и громогласно отпчихнется. Когда Ведищев тем же самым платком, которым только что вытирал слезы, промокнул своему сюзерену глаза и нос, князь спросил:

— А как искать станете, если он и здесь, в Москве? Ведь мильонный город. Я даже полицию с жандармерией вам подчинить не могу, разве что обязать к содействию. Сами знаете, голубчик, что мое прошение о назначении вас обер-полицеймейстером третий месяц в высших инстанциях плутает. Вы же видите, какой у нас по полицейской части Вавилон сделался.

Под Вавилоном его сиятельство имел в виду хаотическое положение, образовавшееся во второй столице после того, как был отставлен последний обер-полицеймейстер, слишком буквально трактовавший смысл понятия «неподотчетные секретные фонды». В Петербурге шла затяжная бумажная канитель: враждебная князю придворная партия никак не желала отдавать ключевую должность долгоруковскому выкормышу, но и навязать генерал-губернатору своего ставленни-

ка у недоброжелателей тоже сил не хватало. А тем временем жил огромный город без главного защитника и законоблюстителя. Обер-полицеймейстеру предписано возглавлять и объединять действия и городской полиции, и Губернского жандармского управления и Охранного отделения, теперь же выходил форменный табор: подполковник Бурляев из Охранного и полковник Сверчинский из Жандармского писали друг на друга кляузы, и оба дружно жаловались на наглую обструкцию со стороны зарвавшихся полицейских приставов.

— Да, ситуация для произведения согласованных действий неблагоприятна, — признал Фандорин, — но в д-данном случае разобщенность розыскных органов, пожалуй, даже кстати…

Гладкий лоб статского советника наморщился, рука как бы сама собой потянула из кармана нефритовые четки, помогавшие Эрасту Петровичу сконцентрировать мысль. Долгорукой и Ведищев, привычные к фандоринским повадкам, слушали, затаив дыхание, и выражение лиц у обоих стариков сделалось одинаковое, словно у детей в цирке, которые точно знают, что цилиндр фокусника пуст, и все же не сомневаются — сейчас ловкач вынет оттуда зайчика или голубку.

И чиновник вынул:

— Позвольте спросить, отчего преступнику столь б-блестяще удался его план? — начал Эраст Петрович и сделал паузу, будто и в самом деле ждал ответа. — Очень просто: он был в доскональности осведомлен о том, что полагалось знать весьма немногим. Это раз. Меры по обеспечению безопасности генерал-адъютанта Храпова при пересечении Московской г-губернии были разработаны не далее как позавчера при участии весьма ограниченного круга лиц. Это два. Кто-то из них, посвященный в мельчайшие подробности плана, выдал наш план революционерам — сознательно или бессознательно. Это три. Достаточно найти этого человека, и через него мы выйдем на Боевую Группу и самого исполнителя.

— Как это «бессознательно»? — прищурившись, спросил генерал-губернатор. — Ну, сознательно — понятно. И на государевой службе оборотни есть. Кто за деньги нигилистам тайны выдает, кто по бесовскому наущению. А бессознательно — это без сознания что ли? Спьяну?

— Скорее по неосторожности, — ответил Фандорин. — Чаще всего б-бывает так: должностное лицо проболтается кому-то из близких, кто связан с террористами. Сын, дочь, любовница. Но это

удлинит нашу цепочку всего на одно звено.

— Так, — князь снова полез за понюшкой. — Позавчера в секретном совещании по поводу приезда Ивана Федоровича (земля ему, грешнику, пухом) кроме меня и вас участвовали только Сверчинский и Бурляев. Даже полицию не привлекли — согласно указаниям из Петербурга. Так что ж, надо начальников Жандармского управления и Охранного отделения подозревать? Чудно что-то. А… а… апчхи!

— Дай Бог здоровьица, — вставил Ведищев и снова сунулся вытирать его сиятельству нос.

— И их тоже, — решительно заявил Эраст Петрович.

— Кроме того, следует выяснить, кто еще из чинов Жандармского и Охранки был посвящен в д-детали. Полагаю, это от силы три-четыре человека, никак не больше.

Фрол Григорьевич ахнул:

— Ос-поди, да ведь вам это плюнуть и растереть! Владим Андреич, право слово, погодите убиваться! Если уж службе конец, то по всей форме уйдете, красиво. Под белы рученьки проводют, а не пинком под зад! Эраст Петрович нам враз иуду этого высчитает. Скажет: «Это раз, это два, это три», — и готово.

— Не так все просто, — покачал головой статский советник. — Да, Жандармское управление — первая возможность утечки. Охранное отделение — вторая. Но есть, увы, и т-третья, расследовать которую я не смогу. Согласованный нами план мер по охране Храпова был отправлен шифрограммой на утверждение в Петербург. Там излагались данные и обо мне как о лице, ответственном за безопасность гостя, — с выпиской из служебного формуляра, словесным портретом, агентурным описанием и прочим. Одним словом, всё как полагается в подобных случаях. Зейдлиц потому и не усомнился в *лже*-Фандорине, что был доскональнейшим образом оповещен о моих приметах и даже моем з-заикании… Если источник утечки находится в Петербурге, я вряд ли смогу что-либо сделать. Как говорится, руки коротки… И все-таки два шанса из трех, что ниточка тянется из Москвы. Да и убийца, вероятнее всего, прячется где-то здесь. Будем искать.

Из генерал-губернаторского дома чиновник особых поручений прямиком отправился в Жандармское управление, на Малую Никитскую. Пока ехал в княжьем, обитом синим бархатом возке, размышлял, как вести себя с полковником Сверчинским. Конечно, гипотеза о том, что Ста-

нислав Филиппович, многолетний конфидент князя и Ведищева, связан с революционерами, требовала известной живости воображения, но воображением Бог статского советника не обделил, к тому же за богатую приключениями жизнь ему случалось сталкиваться с сюрпризами и позамысловатей.

Итак, что можно было сказать о полковнике Отдельного корпуса жандармов Станиславе Сверчинском?

Скрытен, хитроумен, честолюбив, но в то же время очень осторожен, предпочитает держаться в тени. Аккуратный службист. Умеет ждать своего часа и на сей раз, кажется, дождался: пока лишь исправляет должность начальника управления, однако по всей вероятности будет в этом качестве утвержден, и тогда перед ним откроются самые аппетитные карьерные перспективы. Правда, и в Москве, и в Петербурге известно, что Сверчинский — человек Володи Красно Солнышко. Если Владимир Андреевич отправится из древнепрестольной на свалку, в Ниццу, полковника могут в завидной должности и вовсе не утвердить. Получалось, что смерть генерала Храпова для карьеры Станислава Филипповича — событие огорчительное и, возможно, даже фатальное. Во всяком

случае, так представлялось на первый взгляд.

Ехать с Тверской до Малой Никитской было всего ничего, и, если б не ветер с косым снегом, Фандорин предпочел бы пройтись пешком — на ходу лучше думается. Вот и поворот с бульвара. Возок проехал мимо чугунной решетки дома барона Эверт-Колокольцева, где во флигеле квартировал Эраст Петрович, а еще через двести шагов из вьюжной пелены вынырнул и знакомый желто-белый особняк с полосатой будкой у подъезда.

Фандорин вылез наружу, придержал рванувшийся улететь цилиндр и взбежал по скользким ступеням. В вестибюле статскому советнику лихо откозырял знакомый вахмистр и, не дожидаясь вопроса, доложил:

— У себя. Ждут. Позвольте, ваше высокородие, шубу и головной убор. Отнесу в гардеробную.

Рассеянно поблагодарив, Эраст Петрович оглядел знакомый интерьер так, будто видел его впервые.

Коридор с чередой одинаковых клеенчатых дверей, скучные голубые стены с казенным белым бордюром, в дальнем конце — гимнастический зал. Возможно ли, чтобы в этих стенах таилась государственная измена?

В приемной дежурил адъютант управления поручик Смольянинов, румяный молодой человек с живыми черными глазами и лихо подкрученными усиками.

— Здравия желаю, Эраст Петрович, — весело приветствовал он привычного посетителя. — Какова погодка, а?

— Да-да, — покивал чиновник. — Я пройду?

И запросто, на правах старого сослуживца, а в скором будущем, возможно, и непосредственного начальника, вошел в кабинет.

— Ну что там в высших сферах? — поднялся ему навстречу Сверчинский. — Что Владимир Андреевич? Как действовать, что предпринимать? Просто места себе не нахожу, — и, понизив голос до страшного шепота: — Что думаете, снимут его?

— А это до некоторой степени б-будет зависеть от нас с вами.

Фандорин опустился в кресло, полковник сел напротив, и разговор сразу повернул в деловое русло.

— Станислав Филиппович, буду с вами откровенен. Среди нас — или здесь, в Жандармском, или в Охранном — есть п-предатель.

— Предатель? — полковник так тряхнул голо-

вой, что нанес некоторый ущерб идеальному пробору, делившему гладко зализанную прическу на две симметричные половины. — У нас?!

— Да, предатель или б-болтун, что в данном случае одно и то же.

И чиновник изложил собеседнику свои умозаключения.

Сверчинский слушал, взволнованно крутя ус, а дослушав, приложил руку к сердцу и проникновенно сказал:

— Совершенно с вами согласен! Убедительнейшие и справедливейшие суждения. Но мое управление от подозрения прошу освободить. Наша задача в связи с приездом генерала Храпова была самая простая: обеспечение мундирного конвоя. Я и мер никаких особенных не принимал — просто велел подготовить конный полувзвод, и дело с концом. И уверяю вас, почтеннейший Эраст Петрович, что из всего управления в подробности были посвящены только двое: я и поручик Смольянинов. Ему как адъютанту я должен был все объяснить. Но вы ведь его знаете, он юноша ответственный, смышленый и самого благородного образа мыслей, такой не подведет. Да и я, смею надеяться, известен вам как человек неболтливый.

Эраст Петрович дипломатично наклонил голову:

— Именно п-поэтому я первым делом отправился к вам и ничего от вас не утаиваю.

— Уверяю вас, это или питерские, или гнездниковские! — расширил красивые бархатные глаза полковник, под «Гнездниковскими» имея в виду Охранное отделение, расположенное в Большом Гнездниковском переулке. — Про питерских ничего сказать не могу, не располагаю достаточной полнотой сведений, а вот у подполковника Бурляева в помощниках швали довольно — и бывшие нигилисты, и всякие темные личности. Там бы и пощупать. Я, конечно, не смею обвинять самого Петра Ивановича, упаси Боже, но за негласное обеспечение безопасности отвечала его филерская служба, а значит, был какой-никакой инструктаж, разъяснение — перед изрядной группой весьма сомнительных субъектов. Неосмотрительно. И еще одно… — Сверчинский замялся, словно не зная, стоит ли продолжать.

— Что? — спросил Фандорин, глядя ему прямо в глаза. — Возможна еще какая-то версия, которую я упустил? Говорите, Станислав Филиппович, говорите. Мы с вами начистоту.

— Есть ведь еще тайные агенты, которых в

нашем ведомстве называют «сотрудниками». То есть те члены революционных кружков, которые идут на сотрудничество с полицией.

— Agents provocateurs?[1] — поморщился статский советник.

— Ну, не обязательно провокаторы. Иногда просто информанты. Без них в нашей работе никак невозможно.

— Откуда вашим шпионам знать подробности встречи секретного гостя, да еще вплоть до описания моей в-внешности? — сдвинул черные стрелки бровей Эраст Петрович. — Что-то не пойму.

Полковник был в явном затруднении. Он слегка покраснел, закрутил ус еще круче и доверительно понизил голос:

— Агенты бывают разные. И отношения у уполномоченных офицеров с ними тоже складываются по-разному. Иногда на основе совершенно приватных… м-м-м… я бы даже сказал, интимных контактов. Ну, вы понимаете.

— Нет, — вздрогнул Фандорин, глядя на собеседника с некоторым испугом. — Не понимаю и не желаю понимать. Вы хотите сказать, что

---

[1] Примечания: 1
Агенты-провокаторы. *(фр.)*

служащие жандармерии и Охранного отделения ради интересов дела вступают с агентами в м-му-желожеские отношения?

— Ах, ну почему же обязательно мужеложеские! — всплеснул руками Сверчинский. — Среди «сотрудников» достаточное количество женщин, причем как правило молодых и весьма недурных собой. Вы ведь знаете, как свободно нынешняя революционная и околореволюционная молодежь смотрит на вопросы пола.

— Да-да, — несколько сконфузился статский советник. — Приходилось слышать. Я и в самом деле не очень ясно представляю себе деятельность т-тайной полиции. Как-то до сих пор не приходилось заниматься революционерами, все больше убийцами, мошенниками и иностранными шпионами. Однако, Станислав Филиппович, вы явно подводите меня к кому-то из офицеров Охранки. К кому? Кто из них, по-вашему, имеет подозрительные связи?

Полковник еще с полминуты изображал всей физиономией нравственные терзания, потом, словно решившись, зашептал:

— Эраст Петрович, дорогой, тут, конечно, дело отчасти приватное, но, зная вас как человека исключительной щепетильности и широких

взглядов, не считаю себя в праве утаивать, тем более что дело особенной важности, пред которым блекнут все частные соображения, каковые… — тут, несколько запутавшись в грамматике, Сверчинский сбился и заговорил проще: — Я располагаю сведениями, что подполковник Бурляев поддерживает знакомство с некоей Дианой — это, разумеется, агентурная кличка. Очень таинственная особа, сотрудничающая с властями бескорыстно, из идейных соображений, и потому ставящая собственные условия. Например, мы не знаем ни ее настоящего имени, ни места проживания — лишь адрес конспиративной квартиры, которую Департамент для нее снимает. Судя по всему, это барышня или дама из очень хорошей семьи. Имеет широчайшие и полезнейшие знакомства в революционных кругах Москвы и Санкт-Петербурга, оказывает полиции поистине неоценимые услуги…

— Она любовница Бурляева, и он мог ей проговориться? — нетерпеливо перебил Сверчинского чиновник. — Вы на это намекаете?

Станислав Филиппович расстегнул тугой ворот, придвинулся ближе.

— Я… я не уверен, что она его любовница, но допускаю. Очень даже допускаю. А если так, то

Бурляев вполне мог наболтать ей лишнего. Понимаете, двойные агенты, да еще такого склада, мало предсказуемы. Сегодня сотрудничают с нами, а завтра дают задний ход…

— Хорошо, учту.

Эраст Петрович о чем-то задумался и вдруг сменил тему:

— Я полагаю, Фрол Григорьевич п-протелефонировал вам, чтобы вы оказывали мне всемерное содействие.

Сверчинский приложил руку к груди — мол, всем, чем только смогу.

— Тогда вот что. Для расследования мне понадобится толковый п-помощник, он же офицер связи. Не одолжите мне вашего Смольянинова?

* * *

Вроде бы недолго пробыл статский советник в желто-белом особняке, не более получаса, а когда снова вышел на улицу, город было не узнать. Ветру надоело гонять белую труху по кривым улицам, снег улегся на крыши и мостовые рыхлыми грудами, небо же, которого совсем недавно будто бы и вовсе не было, волшебным образом прояснилось. Оказалось, что оно вовсе не низкое и крупитчатое, а напротив, очень высокое,

радостно-синее и, как положено, увенчанное маленьким, но блестким, как империал, золотым кружком. Над домами откуда ни возьмись повылезали елочные шары куполов, заиграл радужными брызгами новорожденный снег, и Москва проделала свой любимый фокус — обратилась из лягушки такой царевной, что вдохнуть вдохнешь, а выдохнуть позабудешь.

Эраст Петрович посмотрел вокруг, да и остановился, несколько даже ослепнув от сияния.

— Красота какая! — воскликнул поручик Смольянинов, но застыдился чрезмерной восторженности и счел нужным снисходительно добавить. — Экие, право, метаморфозы… Мы сейчас куда, господин статский советник?

— В Охранное отделение. Погода и в самом деле славная. Д-давайте пройдемся.

Фандорин отпустил возок обратно в генерал-губернаторову конюшню, и пять минут спустя чиновник особых поручений и его румяный спутник шагали по Тверскому бульвару, где уже вовсю прогуливалась ошалевшая от нежданной природной амнистии публика, хотя дворники еще только начали расчищать аллеи от снега.

Эраст Петрович то и дело ловил на себе взгляды — то испуганные, то сочувственные, то просто

любопытствующие, и не сразу понял, в чем дело. Ах да, ведь сбоку и чуть сзади вышагивает молодец в синей жандармской шинели, при кобуре и шашке. Со стороны можно подумать, что приличного на вид господина в меховом плаще и замшевом цилиндре сопровождают под конвоем. Двое встречных студентов-технологов, Фандорину вовсе незнакомых, «арестанту» кивнули, а на «конвоира» посмотрели с ненавистью и презрением. Эраст Петрович оглянулся на поручика, но тот был все так же улыбчив и враждебности молодых людей, похоже, не заметил.

— Смольянинов, вы, очевидно, несколько дней проведете со мной. Не носите мундир, это может повредить делу. Ходите в штатском. И кстати, давно хотел вас с-спросить… Как получилось, что вы оказались в Жандармском корпусе? Ведь ваш отец, кажется, тайный советник? Могли бы служить в г-гвардии.

Поручик воспринял вопрос как приглашение сократить почтительную дистанцию, в один прыжок догнал чиновника и зашагал с ним плечо к плечу.

— Да что там хорошего в гвардии, — охотно откликнулся Смольянинов. — Парады да попойки, скука. А в жандармском служить одно

удовольствие. Секретные задания, выслеживание опасных преступников, бывают и перестрелки. В прошлом году анархист в Новогирееве на даче засел, помните? Целых три часа отстреливался, двоих наших ранил. Меня тоже чуть не задел, пуля совсем близко от щеки вжикнула. Еще бы полдюйма, и шрам остался.

Последние слова были произнесены с явным сожалением об упущенной возможности.

— А не задевает вас то… неприязненное отношение, с к-которым к синим мундирам относятся в обществе, особенно в кругу ваших сверстников?

Эраст Петрович посмотрел на спутника с особенным интересом, но взгляд Смольянинова был по-прежнему безмятежен.

— Я на это внимания не обращаю, потому что служу России и совесть моя чиста. А предубеждение против чинов Жандармского корпуса рассеется, когда все поймут, как много мы делаем для зашиты государства и жертв насилия. Вы ведь знаете, что эмблема, назначенная Корпусу императором Николаем Павловичем — белый платок для утирания слез несчастных и страждущих.

Такой простодушный энтузиазм заставил статского советника вновь взглянуть на поручика, и тот заговорил еще горячее:

— Нашу службу считают зазорной, потому что о ней мало знают. А между прочим, попасть в жандармские офицеры совсем непросто. Во-первых, принимают только потомственных дворян, потому что мы — главные защитники престола. Во-вторых, отбирают самых достойных и образованных из армейских офицеров, только тех, кто закончил училище не ниже, чем по первому разряду. Чтоб ни одного пятнышка по службе и упаси боже никаких долгов. У жандарма должны быть чистые руки. Знаете, какие экзамены мне пришлось выдержать? Ужас! Я за сочинение на тему «Россия в XX веке» высший балл получил, а все равно почти год очереди на курсы дожидался, и после окончания курсов еще четыре месяца вакансии ждал. В Московское управление меня, правда, папа устроил…

Этого Смольянинов мог бы и не добавлять, так что Эраст Петрович оценил честность молодого человека по достоинству.

— Ну и какое же будущее ожидает Россию в XX веке? — спросил Фандорин, покосившись на защитника престола с явной симпатией.

— Самое великое! Нужно только перенаправить настроение просвещенной части общества от разрушительности к созиданию, а непросве-

щенную часть общества следует образовывать и постепенно воспитывать в ней чувство самоуважения и достоинства. Это самое главное! Если этого не сделать, то Россию ожидают самые чудовищные испытания…

Однако какие именно испытания ожидают Россию, Эраст Петрович так и не узнал, потому что уже свернули в Большой Гнездниковский, и впереди показался неприметный двухэтажный дом зеленого цвета, в котором располагалось Московское охранное отделение.

Человеку, не сведущему в хитросплетениях ветвей древа русской государственности, непросто было бы разобраться, в чем состоит различие между Охранным отделением и Губернским жандармским управлением. Формально первому надлежало заниматься розыском политических преступников, а второму — дознанием, но, поскольку в секретных расследованиях розыск от дознания бывает неотделим, оба ведомства делали одну и ту же работу: истребляли революционную язву всеми предусмотренными и непредусмотренными законом способами. И жандармы, и «охранники» были людьми серьезными, многократно проверенными, допущенными к сокровеннейшим тайнам, однако же Управление

подчинялось штабу Отдельного жандармского корпуса, а Отделение — Департаменту полиции. Путаница усугублялась еще и тем, что руководящие чины Охранного нередко числились по Жандармскому корпусу, а в жандармских управлениях служили статские чиновники, вышедшие из Департамента. Очевидно, в свое время кто-то мудрый, опытный, придерживающийся не слишком лестного мнения о людской природе, рассудил, что одного надзирающего и приглядывающего ока для беспокойной империи маловато. Ведь недаром и человекам Господь выделил не по одной зенице, а по две. Двумя глазами и крамолу выглядывать сподручней, и риска меньше, что одинокое око слишком много о себе возомнит. Поэтому по давней традиции отношения между двумя ответвлениями тайной полиции складывались ревнивые и неприязненные, что свыше не только дозволялось, но даже, пожалуй, и поощрялось.

В Москве извечная вражда между жандармами и «охранниками» до некоторой степени смягчалась единоначалием — и те, и другие подчинялись городскому обер-полицеймейстеру, — но здесь у обитателей зеленого дома имелось некоторое преимущество: обладая более

мощной агентурной сетью, они лучше, чем их синемундирные коллеги, были осведомлены о жизни и настроениях большого города, а для начальства кто осведомленней, тот и ценнее. О некотором превосходстве Охранного косвенно свидетельствовала и сама дислокация Отделения — в непосредственной близости от резиденции обер-полицеймейстера, только пройти закрытым двором из одного черного хода в другой, а с Малой Никитской до полицмейстерова дома на Тверском бульваре было не менее четверти часа быстрого ходу.

Однако из-за затянувшегося отсутствия главного полицейского начальства хрупкое равновесие между Малой Никитской и Гнездниковским нарушилось, о чем Эрасту Петровичу было хорошо известно. Поэтому инсинуации Сверчинского в адрес подполковника Бурляева и его подчиненных следовало воспринимать с известной долей осторожности.

Фандорин толкнул неказистую дверь и оказался в темноватой передней с низким, потрескавшимся потолком. Не задерживаясь, статский советник кивнул молчаливому человеку в штатском (тот ответил почтительным поклоном) и по старинной витой лестнице поднялся на второй этаж.

Смольянинов, придерживая шашку, грохотал следом.

Наверху обстановка была совсем иная: широкий светлый коридор с ковровой дорожкой, деловитый стук пишущих машин из-за обитых кожей дверей, на стенах бонтонные гравюры с видами старой Москвы.

Жандармский поручик, видимо, оказался на враждебной территории впервые и оглядывался с нескрываемым любопытством.

— Посидите тут, — показал ему Эраст Петрович на ряд стульев, а сам вошел в кабинет начальника.

— Рад вас видеть в добром здравии! — подполковник выскочил из-за стола и с преувеличенным оживлением бросился жать гостю руку, хотя они расстались каких-нибудь два часа назад, и статский советник, кажется, не давал ни малейших оснований тревожиться о своем здоровье.

Фандорин бурляевскую нервозность истолковал в том смысле, что подполковнику неудобно за давешнее арестование. Однако все положенные извинения были многословнейшим образом высказаны еще на вокзале, поэтому к досадному эпизоду за исчерпанностью темы чиновник возвращаться не стал, а сразу перешел к суще-

ственному.

— Петр Иванович, вчера вы докладывали мне о предполагаемых мерах по устроению б-безопасности визита генерал-адъютанта Храпова. Ваши предложения я одобрил. Сколько мне помнится, вы выделили двенадцать филеров для встречи на вокзале, четверых, одетых извозчиками, определили в уличное сопровождение, и еще две бригады по семь человек назначили для патрулирования окрестностей особняка на Воробьевых горах.

— Точно так, — осторожно подтвердил Бурляев, ожидая подвоха.

— Осведомлены ли были ваши филеры о том, что за персона п-прибывает?

— Лишь старшие каждой из бригад — всего четыре человека, исключительно надежные.

— Та-ак, — статский советник закинул ногу на ногу, отложил цилиндр и перчатки на соседний стул и небрежно поинтересовался. — Надеюсь, вы не забыли сообщить этим ч-четверым, что общее руководство охраной возложено на меня?

Подполковник развел руками:

— Никак нет, Эраст Петрович. Не счел нужным. А что, следовало? Виноват.

— И что же, никто кроме вас во всем Отделении

не знал, что встречать генерала поручено мне? — стремительно наклонился вперед Фандорин.

— Знали только мои ближайшие помощники — коллежский асессор Мыльников и старший чиновник для поручений Зубцов, а более никто. В нашем заведении лишнего болтать не принято. Мыльников, как вам известно, заведует филерской службой, от него утайки быть не могло. А Сергей Витальевич Зубцов — самый толковый из моих работников, он в свое время и разработал схему «Встреча Пэ-Пэ-эР». Это, можно сказать, его профессиональная гордость.

— Какая-какая встреча? — удивился Эраст Петрович.

— Пэ-Пэ-эР. «По первому разряду». Такая служебная терминология. Мы ведем негласное наблюдение по разрядам, в зависимости от количества задействованных агентов. «Слежка по второму разряду», «Арестование по третьему разряду» и прочее. «Встреча по первому разряду» — это когда нужно обеспечить безопасность особы первого ранга. Вот, например, две недели назад австрийский наследник приезжал, эрцгерцог Франц-Фердинанд. Тоже тридцать филеров было задействовано: двенадцать на вокзале, четыре в пролетках и дважды по семь вокруг ре-

зиденции. А «высший разряд» бывает только для его императорского величества. Все шестьдесят филеров работают, и из Петербурга еще Летучий отряд прибывает, не считая дворцовой охраны, жандармерии и прочего.

— Мыльникова я знаю, — задумчиво произнес чиновник. — Евстратий Павлович, кажется? Видел его в деле, сноровистый. Он ведь из низов выслужился?

— Да, вознесся из простых городовых. Малообразован, но сметлив, цепок, схватывает на лету. Филеры на него как на Бога молятся, ну и он их в обиду не дает. Золото человек, я им очень доволен.

— Золото? — усомнился Фандорин. — А мне д-доводилось слышать, будто Мыльников на руку нечист? Живет не по средствам, и вроде бы даже служебное расследование было по поводу расходования казенных сумм?

Бурляев задушевно понизил голос:

— Эраст Петрович, у Мыльникова в полном ведении немалые средства на поощрение филеров. Как он распоряжается этими деньгами — не моя печаль. Мне нужно, чтобы его служба работала на ять, а это Евстратий Павлович обеспечивает. Чего ж еще?

Чиновник особых поручений обдумал высказанное суждение и, видимо, не нашелся, что возразить.

— Ну хорошо. А что за человек Зубцов? Я его почти совсем не знаю. То есть, видел, конечно, но никогда с ним не работал. Правильно ли я запомнил, что он из б-бывших революционеров?

— Истинно так, — с явным удовольствием принялся рассказывать начальник Охранного. — Эта история — моя гордость. Я ведь сам Сергея Витальевича арестовывал, еще когда он студентом был. Пришлось с ним повозиться — поначалу держался чистым волчонком. И в карцере у меня посидел, на хлебе и воде, и поорал я на него, и каторгой пугал. А взял не страхом, убеждением. Смотрю — очень уж шустрого ума юноша, такие к террору и прочим насильственным мерам по самому складу мозга не склонны. Бомба и револьвер — это ведь для тупых, у кого недостает соображения, что лбом стену не прошибить. А мой Сергей Витальевич, примечаю, любит о парламентаризме порассуждать, о союзе здравомыслящих патриотов и прочем. Одно удовольствие с ним было допросы вести, иной раз, поверите ли, до утра в предвариловке засиживался. Смотрю — он о своих товарищах

по кружку критически отзывается, понимает их узость и обреченность, ищет выхода: как социальную несправедливость поправить и при этом страну динамитом на куски не разорвать. Очень мне это понравилось. Выхлопотал ему закрытие дела. Товарищи его, само собой, в измене заподозрили, отвернулись от него. А ему обидно — он-то перед ними чист. Можно сказать, один я у него друг остался. Встречались мы, говорили о том о сем, я ему что можно про свою работу рассказывал, про трудности и загвоздки всякие. И что вы думаете? Начал мне Сергей Витальевич советы давать — как лучше с молодежью разговаривать, как отличить пропагатора от террориста, что из революционной литературы почитать и прочее. Исключительно ценные советы. Однажды за рюмкой коньяку я ему говорю: «Сергей Витальевич, душа моя, привязался я к вам за эти месяцы, и больно мне видеть, как вы между двумя правдами мечетесь. Я ведь понимаю, что у ваших нигилистов тоже своя правда есть, только вам теперь к ним путь закрыт. А вы вот что, — говорю, — присоединяйтесь-ка к нашей правде, она, ей-богу, поосновательней будет. Я же вижу, вы истинный патриот земли русской, вам до ихних Интернационалов дела нет. Ну так и я

патриот не меньше вас, давайте помогать России вместе». И что же? Подумал Сергей Витальевич денек-другой, написал письма своим прежним приятелям — мол, разошлись наши дорожки — да и подал прошение о зачислении на службу под мое начало. Теперь он у меня правая рука, и далеко пойдет, вот увидите. Между прочим, ваш горячий поклонник. Просто влюблен в вас, честное слово. Только и разговоров что о ваших дедуктивных свершениях. Иной раз меня прямо ревность берет.

Подполковник засмеялся, судя по всему, очень довольный тем, что и себя в выгодном свете представил, и будущему начальнику неглупо польстил, однако Фандорин по всегдашнему своему обыкновению вдруг взял и заговорил совсем о другом:

— Известна ли вам, Иван Петрович, некая д-дама по имени Диана?

Бурляев посмеиваться перестал, лицо словно окаменело и отчасти утратило обычное выражение грубоватого солдатского прямодушия — взгляд сделался острым, настороженным.

— Могу ли я полюбопытствовать, господин статский советник, почему вы интересуетесь этой дамой?

— Можете, — бесстрастно ответил Фандорин. — Я ищу источник, из которого сведения о нашем плане охраны попали к т-террористам. Пока удалось установить, что кроме Департамента полиции детали были известны т-только вам, Мыльникову, Зубцову, Сверчинскому и его адъютанту. Полковник Сверчинский допускает, что о мерах безопасности могла быть осведомлена «сотрудница» с агентурной к-кличкой Диана. Вы ведь с ней знакомы?

Бурляев ответил с внезапной злобой:

— Знаком. «Сотрудница» прекрасная, спору нет, но только Сверчинский напрасно намекает. Это называется с больной головы на здоровую! Если кто и мог ей проболтаться, то скорее он. Она из него веревки вьет!

— Как, Станислав Филиппович — ее любовник? — поразился чиновник особых поручении, едва успев проглотить слово «тоже».

— А черт их там разберет, — все так же озлобленно рявкнул подполковник. — Очень даже возможно!

Сбитый с толку Эраст Петрович не сразу собрался с мыслями.

— И что, она так хороша собой, эта Диана?

— Право не знаю! Никогда не видел ее лица.

Петр Иванович сделал ударение на последнем слове, что придало всей фразе двусмысленное звучание. Подполковник, очевидно, и сам это почувствовал, потому что счел необходимым пояснить:

— Видите ли, Диана никому из наших лица не показывает. Все встречи происходят на конспиративной квартире, в полумраке, да она еще и в вуали.

— Но это неслыханно!

— В романтическую героиню играет, — скривился Бурляев. — Уверен, что Сверчинский ее лица тоже не видел. Прочие части тела — весьма вероятно, но лицо наша Диана прячет, словно турецкая одалиска. Таково было твердое условие ее сотрудничества. Грозится, что при малейших поползновениях открыть ее инкогнито прекратит всякую помощь. Было особое указание из Департамента — попыток не предпринимать. Пусть, мол, интересничает, лишь бы сообщала данные.

Эраст Петрович сопоставил манеру, в которой Бурляев и Сверчинский говорили о загадочной «сотруднице», и обнаружил в интонации и словах обоих штабс-офицеров черты несомненного сходства. Кажется, Управление и Отделение соперничали не только на поприще полицейской

службы.

— Знаете что, Петр Иванович, — сказал Фандорин с самым серьезным видом. — Вы меня заинтриговали вашей т-таинственной Дианой. Свяжитесь-ка с ней и сообщите, что я хочу немедленно ее видеть.

Глава вторая
Отдых стального человека

Семьсот восемьдесят два, семьсот восемьдесят три, семьсот восемьдесят четыре…

Мускулистый, поджарый человек с неподвижным лицом, спокойными серыми глазами и решительной складкой поперек лба лежал на паркетном полу и считал удары собственного сердца. Счет шел сам собой, без участия мысли и ничуть ей не мешая. Когда человек лежал, удар его сердца в точности соответствовал секунде — это было многократно проверено. Давняя, еще с каторги, привычка, отдыхая, прислушиваться к работе своего внутреннего двигателя настолько вошла в плоть и кровь мужчины, что иногда он просыпался среди ночи на четырехзначном числе и понимал, что не прекращал счета даже во сне.

Эта арифметика была не лишена смысла, потому что приучала сердце к дисциплине, закаляла выдержку и волю, а главное — позволяла за каких-нибудь пятнадцать минут (то есть за девятьсот ударов) расслабить мышцы и воскресить

силы не хуже, чем за три часа крепкого сна. Однажды мужчине пришлось долго обходиться без сна. В Акатуйском каторжном остроге его хотели зарезать уголовные. Днем сунуться боялись, ждали темноты, и это повторялось много ночей подряд. А обыкновение лежать на жестком осталось с ранней юности, когда Грин (так его называли товарищи, настоящего же имени теперь не знал никто) занимался самовоспитанием и отвыкал от всего, что считал «роскошью», включив в эту категорию вредные или даже просто не обязательные для выживания привычки.

Из-за двери доносились приглушенные голоса — члены Боевой Группы возбужденно обсуждали детали успешно проведенного акта. Иногда Снегирь, забывшись, повышал голос, и тогда остальные двое на него шипели. Они думали, что Грин спит. Но он не спал. Он отдыхал, считал пульсацию сердца и думал про старика, который перед смертью вцепился в его запястье. Кожа до сих пор помнила прикосновение сухих горячих пальцев. Это мешало ощутить удовлетворение от чисто проведенной акции, а ведь иных радостей кроме чувства выполненного долга у сероглазого человека не было.

Грин знал, что его кличка по-английски значит

«зеленый», но свой цвет ощущал иначе. Всё на свете имеет окраску, все предметы, понятия, все люди — он чувствовал это с раннего детства, была у Грина такая особенность. Например, слово «земля» было глиняно-коричневое, слово «яблоко» светло-розовое, даже если антоновка, «империя» — бордовое, отец был густо-лиловый, мать — малиновая. Даже буквы в алфавите имели свой окрас: «А» — багровый, «Б» — лимонный, «В» — бледно-желтый. Грин не пытался разобраться, почему звучание и смысл вещи, явления или человека для него окрашиваются так, а не иначе — просто принимал это знание для сведения, и знание редко его обманывало, во всяком случае в отношении людей. Дело в том, что по шкале, изначально встроенной в Гринову душу, каждый цвет имел еще и свое потаенное значение. Синий был сомнение и ненадежность, белый — радость, красный — печаль, поэтому российский флаг выходил странным: тут тебе и печаль, и радость, причем обе какие-то сомнительные. Если новый знакомый отсвечивал синевой, Грин не то чтобы относился к нему с заведомым недоверием, но присматривался и примеривался к такому человеку с особенной осторожностью. И еще вот что: люди единственные из всего сущего обладали

свойством со временем менять свой цвет — от собственных поступков, окружения, возраста.

Сам Грин когда-то был лазоревый — мягкий, теплый, бесформенный. Потом, когда решил себя изменить, лазурь пошла на убыль, понемногу вытесняемая строгой и ясной пепельностью. Со временем голубые тона ушли куда-то внутрь, из главных стали оттененными, а Грин сделался светло-серым. Как дамасская сталь — таким же твердым, гибким, холодным и не подвержен ржавчине.

Преображение началось в шестнадцать лет. Прежде Грин был обычным гимназистом — писал акварельные пейзажи, декламировал Некрасова и Лермонтова, влюблялся. Нет, он, конечно, и тогда отличался от одноклассников — хотя бы потому, что все они были русские, а он нет. В классе его не травили, не дразнили «жидом», потому что чувствовали в будущем стальном человеке сосредоточенность и тихую, несуетливую силу, но друзей у него не было и не могло быть. Другие гимназисты прогуливали уроки, устраивали учителям обструкции и списывали со шпаргалок, а Грину надлежало учиться на одни пятерки и вести себя самым примерным образом, потому что иначе его бы отчислили, а отец бы этого не

перенес.

Вероятно, гимназия была бы благополучно окончена, лазоревый юноша стал бы сначала студентом университета, а потом врачом или — как знать — художником, но тут генерал-губернатору Чиркову взбрело в голову, что в городе расплодилось слишком много евреев, и он распорядился выслать обратно в местечки аптекарей, дантистов и торговцев, не имевших вида на проживание вне черты оседлости. Отец был аптекарем, и семья оказалась в маленьком южном городе, откуда Гринберг-старший уехал много лет назад, чтобы выучиться чистой профессии.

Натура Грина была устроена так, чтобы откликаться на злобную, тупую несправедливость искренним недоумением, которое, пройдя через стадии острого, физического страдания и обжигающего гнева, завершалось неодолимой жаждой ответного действия. Злобной, тупой несправедливости вокруг было много. Она мучила подростка и прежде, но до поры до времени удавалось делать вид, что есть дела поважнее — оправдать надежды отца, выучиться полезному ремеслу, понять и раскрыть в себе то, ради чего появился на свет. Теперь же злобная тупость налетела на Грина, как пыхтящий грозным паром локомотив,

отбросила под насыпь, и противиться голосу натуры, требовавшей действия, стало невозможно.

Весь тот год Грин был предоставлен сам себе. Считалось, что он готовится к сдаче гимназического курса экстерном. Он и в самом деле много читал — Гиббона, Локва, Милля, Гизо. Хотел понять, почему люди мучают друг друга, откуда берется несправедливость и как ее лучше исправлять. Прямого ответа в книгах не обнаруживалось, но, если как следует поразмыслить, его можно было прочесть между строк.

Чтобы не загнить, не затянуться ряской, общество нуждается в периодическом взбалтывании, имя которому революция. Передовые нации — те, которые прошли через эту болезненную, но необходимую операцию, и чем раньше, тем лучше. Класс, слишком долго находящийся наверху, мертвеет, как ороговевшая кожа, от этого поры страны закупориваются, и в обществе нарастает удушье, производящее бессмысленность и произвол. Государство ветшает, как давно не ремонтированный дом, и если процесс разрушения зашел слишком далеко, подпирать и латать гнилую постройку нецелесообразно. Нужно ее спалить, и на пепелище выстроить новый дом, крепкий и светлый.

Но сами по себе пожары не происходят. Нужны люди, согласные взять на себя роль спички, которая, сгорев, даст начало большому огню. При одной мысли о такой судьбе захватывало дух. Грин соглашался стать спичкой и сгореть, но понимал, что одного согласия мало.

Требовались стальная воля, богатырская сила, безупречная чистота.

Воля досталась ему от рождения, надо было только ее развить. И он разработал целый курс преодоления собственных слабостей — главных своих врагов. Страха высоты: ночью часами вышагивал взад-вперед по перилам железнодорожного моста, заставлял себя не отводить глаз от черной, маслянистой воды. Гадливости: ловил в лесу гадюк и не отворачиваясь смотрел в мерзкую шипящую пасть, пока упругая пятнистая плеть неистово обвивалась вокруг голой руки. Застенчивости: ездил в уездный город на ярмарку и пел там под шарманку, а слушатели покатывались со смеху, потому что ни голоса, ни слуха у хмурого полоумного еврейчика не было. Богатырская сила досталась труднее. От природы Грин был крепок здоровьем, но неловок и узок в кости. Неделя за неделей, месяц за месяцем он по десять, двенадцать, четырнадцать часов в день растил

телесную мощь. Действовал по собственной методе, поделив мышцы на нужные и ненужные. На бесполезные мускулы времени не тратил. Начал с тренирования пальцев и продолжал до тех пор, пока не научился запросто гнуть между большим и указательным не только пятаки, но и алтыны. Потом занялся кулаками — колотил по дюймовой доске, разбивал суставы в кровь, мазал ссадины йодом и снова бил, пока кулаки не обросли мозолями, а дерево не стало переламываться от первого же удара. Когда дошла очередь до плеч, нанялся на мельницу таскать четырехпудовые мешки. Живот и поясницу развивал при помощи французской гимнастики. Ноги — посредством велосипеда, причем ехал только в гору, а с горы нес машину на себе.

Тяжелее всего давалась нравственная чистота. От излишеств в пище и бытовых удобств Грин отучился быстро, хоть мать и плакала, когда он закалял себя голодом или в октябрьскую дождливую ночь отправлялся спать на железную крышу. Но отрешиться от физиологического никак не получалось. Не помогали ни голодовки, ни стократное подтягивание на патентованной английской перекладине. Однажды он решил вышибить клин клином — вызвать у себя от-

вращение к половому. Поехал в уездный город и нанял у станции самую мерзкую из всех гулящих. Не подействовало, только хуже стало.

Значит, оставалось полагаться на силу воли.

Год и четыре месяца Грин выстругивал из себя спичку. Он еще не решил, где тот коробок, о который ему суждено чиркнуть перед тем как сгореть, но уже знал, что без крови не обойтись, и готовился обстоятельно. Научился без промаха стрелять по мишени. С двенадцати шагов бросал в маленькую дыню нож, молниеносно выхватывая его из-за пояса. Засел за химические учебники и изготовил гремучую смесь собственной рецептуры.

С трепетом следил он за небывалой охотой, которую решительные люди из партии «Народная воля» устроили на самого царя. Царь не давался им в руки, его хранила таинственная сила, раз за разом посылавшая самодержцу чудесное спасение.

Грин ждал. Он начинал догадываться, что это за чудесная сила, но пока еще боялся верить такому невероятному счастью. Неужто история выбрала именно его, Григория Гринберга? В конце концов он был всего лишь мальчишкой, одним из сотен, а то и тысяч точно таких же юнцов, мечтавших о

короткой жизни пылающей спички.

Ожидание закончилось мартовским днем, когда застоявшаяся река трещала и горбилась перед ледоходом.

Грин ошибся. История выбрала не его, а другого мальчишку, несколькими годами старше. Он бросил бомбу, раздробил императору ноги, а себе грудь. Перед смертью на минуту очнулся, на вопрос об имени ответил: «Не знаю», — и ушел, осыпаемый проклятьями современников, но заслуживший вечную благодарность потомков.

Судьба поманила Грина и обвела вокруг пальца, но бросить не бросила, из железных объятий не выпустила, а подхватила его, недоумевающего, онемевшего от разочарования, и поволокла кружной дорогой навстречу цели.

Погром начался, когда аптекарева сына в городке не было. Охваченный жадным, ревнивым любопытством, он на два дня уехал в Киев, чтобы узнать подробности цареубийства — газеты излагали невразумительно, больше налегая на верноподданнические излияния.

В воскресенье утром в слободе за рекой, где жили гои, ударил набат. Кабатчик Митрий Кузьмин, отряженный обществом в Белоцерковск, приехал с подтверждением, что слух был верный:

царя-императора убили жиды. Значит, абрашек можно бить, и ничего за это не будет.

Пошли толпой через железнодорожный мост, разделявший городок на две части, православную и жидовскую. Шли чинно, спокойно, с хоругвями и пением. Вышедшим навстречу представителям — раввину, директору еврейского училища и рыночному старосте — ничего не сделали, но и слушать их не стали. Просто отодвинули в сторону и разбрелись по тихим улочкам, слепо пялившимся закрытыми ставнями. Примерялись долго — не хватало толчка, чтоб растворилась душа.

Тот же кабатчик и положил почин — вышиб дверь в шинке, что открылся в прошлый год и испоганил ему всю торговлю. От треска и грохота очнулся народ, вошел в настроение.

Все вышло, как положено: пожгли синагогу, пошарили по хатам, кому ребра намяли, кого за пейсы оттаскали, а к вечеру, когда в шинкарском погребе отыскались припрятанные бочки с вином, кое-кто из парней и до жидовских девок добрался.

Возвращались еще засветло, унося тюки с добром и пьяных. Перед тем как разойтись, порешили всем миром: завтра не работать, потому

что грех работать, когда у народа такое горе, а снова идти за реку.

Вечером вернулся Грин и не узнал городка. Выломанные двери, летают перья и пух, тянет дымом, из окон женский вой и детский плач.

Родители уцелели, отсиделись в каменном подвале, но дома было мерзко: погромщики разломали больше, чем взяли, а злее всего расправились с книгами — и хватило же усердия рвать страницы из всех пятисот томов.

Невыносимо было смотреть на белого, с трясущимися губами отца. Он рассказал, что аптеку разнесли еще утром, потому что в ней спирт. Но это не самое страшное. Старому цадику Белкину проломили голову, и он умер, а сапожниковой Гесе за то, что не отдавала дочь, отрубили топором половину лица. Завтра толпа придет снова. Люди собрали девятьсот пятьдесят рублей, отнесли исправнику. Деньги исправник взял, сказал, что поедет за воинской командой, и вправду уехал, только к завтрашнему утру не обернется, так что придется потерпеть.

Грин слушал, бледнея от страшного разочарования. Так вот к чему готовила его судьба? Не к ослепительной вспышке, что взметнется из-под колес золоченой кареты и прогремит на весь мир,

а к бессмысленной смерти под дубьем похмельного сброда. В глухом захолустье, ради жалких, неинтересных ему людей, с которыми у него нет ничего общего. Он даже толком не понимает их чудовищного говора, потому что дома всегда разговаривали по-русски. Ему дики и смешны их обычаи, да и он для них чужак, полоумный сынок еврея, который не захотел жить по-еврейски (И что, я вас спрашиваю, из этого вышло?).

Но тупость и злоба мира требовали ответного действия, и Грин знал, что выбора у него нет.

Утром в слободе снова ударил колокол, и с майдана к мосту двинулась густая толпа, многолюднее, чем накануне. Сегодня не пели. После шинкарева вина и аптечного спирта лица были мятые, но деловитые. Многие волокли тележки и тачки. Впереди с иконой шел самый главный человек, Митрий Кузьмич, в красной рубахе и новом казакине хорошего сукна.

Ступив на мост, толпа вытянулась в серую ленту. По реке такой же серой неостановимой массой плыли ноздреватые льдины.

В дальнем конце моста, между рельсов, стоял высокий жидок в пальто с поднятым воротником. Держал руки в карманах, хмурый ветер трепал черные волосы на непокрытой голове.

Когда передние подошли ближе, стоявший не произнеся ни слова вынул правую руку. В ней чернел тяжелый револьвер.

Передние хотели остановиться, но задним револьвера было не видно, они напирали, и движение толпы не замедлилось.

Тогда черный человек выстрелил поверх голов. В звонком утреннем воздухе хлопок получился гулким, речное эхо подхватило его и многократно повторило: Крррах! Крррах! Крррах!

Люди остановились.

Черный по-прежнему ничего не говорил. Его лицо было серьезно и неподвижно, дырка ствола опустилась и смотрела прямо в глаза впереди стоящим.

Азартно работая локтями, через толпу протиснулся Егорша-плотник, мужик озорной и беспутный. Вчера он весь день пролежал пьяный, жидов бить не ходил и теперь сильно маялся от нетерпения.

— А ну-ка, ну-ка, — сказал Егорша, посмеиваясь и засучивая рукав драной чуйки. — Ништо, не пальнет, забоится.

Револьвер немедленно ответил на Егоршины слова грохотом и дымом.

Плотник охнул, схватившись за простреленное

плечо и сел на корточки, а черное дуло размеренно крахнуло еще четыре раза.

Больше пуль в барабане не было, и Грин достал из левого кармана самодельную бомбу. Но бросать ее не понадобилось, потому что случилось чудо. Раненный в коленку Митрий Кузьмич так страшно завопил: «Ой, убили, убили, православные!» — что толпа дрогнула, подалась назад, а потом, давя друг друга, побежала по мосту обратно в слободу.

Глядя в спины убегающим, Грин впервые ощутил, что лазурного цвета в нем осталось мало, гамму теперь определяет серо-стальной.

В сумерки прибыл исправник с взводом конной полиции и увидел, что в городке все спокойно. Удивился, поговорил с евреями и увез аптекарева сына в тюрьму.

Григорий Гринберг стал Грином в двадцать лет, после очередного побега. Прошел полторы тысячи верст, и уже под самым Тобольском угодил в глупую облаву на бродяг. Надо было как-то назваться, вот и назвался. Не в память о прежней фамилии, а в честь Игнатия Гриневицкого, цареубийцы.

На тысяча восьмисотом ударе он почувствовал, что силы полностью восстановлены, и легко, не

коснувшись руками пола, поднялся. Времени было много. Теперь вечер, а впереди еще целая ночь.

Неизвестно, сколько придется пробыть в Москве. Недели две, вряд ли меньше. Пока не уберут филеров с застав и вокзалов. За себя Грин не беспокоился, у него терпения хватит. Восемь месяцев одиночки — хорошая школа терпения. Но ребята в группе молодые и горячие, им будет тяжело.

Он вышел из спальни в гостиную, где сидели трое остальных.

— Ты почему не спишь? — переполошился Снегирь, самый юный из всех. — Это из-за меня, да? Я громко болтал?

В группе все были на «ты», вне зависимости от возраста и революционных заслуг. Не «выкать» же, если завтра, или через неделю, или через месяц вместе идти на смерть. На всем белом свете Грин говорил «ты» только этим троим: Снегирю, Емеле, Рахмету. Раньше были и другие, но они все умерли.

У Снегиря вид был свежий, что и понятно — на акцию мальчика не взяли, хоть умолял и даже плакал от злости. Двое других выглядели бодрыми, но усталыми, что тоже было естественно.

Операция прошла легче, чем ожидалось. Помогла пурга, а больше всего снежный занос перед Клином, настоящий подарок судьбы. Рахмет и Емеля ждали с ними в трех верстах от станции. По плану предполагалось, что Грин будет выбрасываться из окна на ходу и может расшибиться. Тут они его и подобрали бы. Или охрана могла заметить выпрыгнувшего, открыть стрельбу. И в этом случае сани бы пригодились.

Получилось лучше. Грин просто прибежал по рельсам, целый и невредимый. Даже не замерз — пока бежал три версты, разогрелся.

Объехали пойму речки Сестры, где рабочие расчищали дорогу. На соседней станции угнали брошенную старую дрезину и докатили на ней до самой Москвы-Сортировочной. Конечно, пятьдесят с лишним верст качать проржавевший рычаг, да еще под косым снегом и ветром, нелегко. Неудивительно, что парни выбились из сил, они не были стальными. Сначала ослаб Рахмет, а потом и дюжий Емеля. Всю вторую половину пути пришлось вытягивать одному.

— Ты, Гриныч, как Змей Горыныч, — восхищенно покачал льняной головой Емеля. — Заполз в пещеру на полчасика, старую чешую скинул, порубленные башки отрастил и будто новень-

кий. Я уж на что бугай, а все не отдышусь, язык на плече.

Емеля был хороший боевик. Крепкий, несуетливый, без интеллигентских фанаберий. Славного, успокаивающего темно-коричневого цвета. Это он себе в честь Пугачева кличку взял, а раньше звался Никифором Тюниным. Сам из арсенальских мастеровых, настоящий пролетарий. Плечистый, широколицый, с маленьким, детским носиком и круглыми добродушными глазами. Нечасто бывает, чтобы из угнетенного класса выходили стойкие, сознательные бойцы, но уж если отыщется молодец, то можно на него положиться, как на самого себя. Грин лично отобрал его из пяти кандидатов, присланных партией. Это было после того как Соболь неудачно метнул бомбу в Храпова, и в Боевой Группе образовалась вакансия. Грин проверил новичка на прочность нервов, на сообразительность и остался доволен. На екатериноградской акции Емеля показал себя отлично. Когда губернаторские дрожки в указанное письмом время (и, действительно, без эскорта) подъехали к неприметному особняку на Михельсоновской, Грин приблизился к трудно вылезавшему из коляски толстяку и два раза выстрелил в упор. Потом побежал через подворотню

на соседнюю улицу, где дожидался Емеля, изображавший извозчика. И случилось невезение: именно в эту минуту мимо фальшивого «ваньки» шел околоточный с двумя городовыми. Полицейские услышали отдаленные выстрелы, и тут же из двора выбежал человек — прямо им в руки. А Грин уж и револьвер успел выбросить. Сбил одного ударом в подбородок, но остальные двое повисли на руках, а упавший задул в свисток. Выходило скверно, однако новичок не растерялся. Неспешно слез с козел, стукнул городового тяжелым кулаком по затылку, тот и обмяк, а со вторым Грин справился сам. Умчались с ветерком, под заливистый полицейский свист.

Когда смотрел на Емелю, на сердце теплело. Думал: не все народу на печи лежать. Которые поострей и посовестливее, уже начали просыпаться. А значит, не напрасны жертвы, не зря льется кровь — своя и чужая.

— Вот что значит на полу спать, земными соками питаться, — улыбнулся Рахмет, откинув со лба картинную прядь. — Я тут, Грин, про тебя поэму начал сочинять. И продекламировал:

Жил на свете Грин железный,
Он имел талант полезный —

Спал на досках славный Грин,
Обходился без перин.

— Есть и другой вариант, — Рахмет остановил жестом прыснувшего Снегиря и продолжил:

Жил на свете рыцарь бедный
По прозванью Храбрый Грин.
Он имел талант невредный —
Обходился без перин.

Под дружный хохот товарищей Грин подумал: это он из Пушкина переиначил. Наверно, смешно. Он знал про себя, что смешного не понимает, но это было ничего, неважно. И еще мысленно поправил: я не железный, я стальной.

Ничего не мог с собой поделать — этот любитель острых ощущений был ему не по душе, хотя следовало признать, что пользы делу Рахмет приносит много. Его Грин подобрал минувшей осенью, когда понадобился напарник для заграничной акции — не Емелю же было в Париж везти.

Устроил Рахмету побег из тюремной кареты, когда его везли из суда после объявления приговора. Об уланском корнете Селезневе тогда писали все газеты. Молодой офицер на смотру

заступился перед полковником за своего солдата, в ответ на площадную брань вызвал командира на дуэль, а когда оскорбитель вызова не принял, застрелил его на глазах у всего полка.

Красивая история Грину понравилась. Особенно то, что офицерик из-за простого человека не побоялся себе всю судьбу поломать. Была в этом многообещающая отчаянность, и еще померещилось Грину родство душ — знакомое неистовство в ответ на тупую подлость.

Однако вышло, что пружина в Николае Селезневе совсем иная. Его цвет при ближайшем знакомстве оказался тревожный, васильковый. «Я до ощущений ужасно любопытный», — часто повторял Рахмет. Беглого корнета влекло по жизни любопытство, чувство пустое и бесполезное, заставляя попробовать и того блюда, и этого — чем острее и пряное, тем лучше. Грин понял: в командира он выстрелил не от несправедливости, а потому что весь полк смотрел, затаив дыхание, и ждал, что будет. И в революционеры подался от жажды приключений. Побег со стрельбой ему понравился, конспиративная поездка в Париж — и того больше.

Иллюзий относительно Рахметовых мотивов у Грина больше не осталось. Взял себе кличку

в честь героя Чернышевского, а сам совсем из другого теста. Пока не прискучили теракты, будет рядом. Удовлетворит любопытство — сорвется, ищи тогда ветра в поле. Насчет Рахмета у Грина имелась секретная мысль — как от праздного человека получить наибольшую пользу для дела. Мысль такая: послать его на важную акцию, откуда не возвращаются. Пусть бросится живой бомбой под копыта министерской или губернаторской упряжки. Рахмет верной гибели не побоится — этакого фокуса ему жизнь еще не показывала. На случай если бы акт в Клину сорвался, было у Рахмета задание: подорвать Храпова нынче вечером на Ярославском вокзале, перед отъездом в Сибирь. Что ж, Храпова больше нет, но будут и другие, у самодержавия псов много. Главное не упустить момент, когда у Рахмета в глазах появится скука.

Только из-за этой секретной мысли и оставил его Грин в группе после декабрьской истории с Шверубовичем.

Был приказ партии: казнить предателя, который выдал и отправил на виселицу рижских товарищей. Грин такой работы не любил, поэтому не стал возражать, когда Рахмет вызвался сам.

Вместо того чтобы просто застрелить Шверу-

бовича, Рахмет проявил фантазию — плеснул ему в лицо серной кислотой. Говорил, что для острастки прочим провокаторам, а на самом деле, наверное, просто хотел поглядеть, как у живого человека вытекают глаза, отваливаются губы и нос. С той поры на Рахмета Грин смотреть без отвращения не мог, но ради дела терпел.

— Надо ложиться, — негромко сказал он. — Знаю, только десять часов. Все равно спать. Завтра рано. Будем менять квартиру.

И оглянулся на белую дверь кабинета. Там сидел хозяин, приват-доцент Высшего технического училища Семен Львович Аронзон. В Москве планировали поместиться по другому адресу, но вышла неожиданность. Связная, встретившая боевиков в условленном месте, предупредила, что туда нельзя. Про инженера Ларионова, чья явка, только что стало известно: агент Охранки.

Грин, которого еще пошатывало после дрезины, сказал связной (у нее была странная кличка — Игла):

— Плохо работаете, москвичи. Агент на явке — это провалить всю Боевую Группу.

Сказал без злобы, констатируя факт, но Игла обиделась.

Про нее Грину было мало что известно. Кажется,

из богатой семьи. Сухая долговязая барышня-перестарок. Бескровные поджатые губы, тусклые волосы, уложенные на затылке в тугой узел. В революции таких много.

— Если б мы плохо работали, то не раскрыли бы Ларионова, — огрызнулась Игла. — Скажите, Грин, а вам непременно нужна квартира с телефонной связью? Это не так просто.

— Знаю, но телефон обязательно. Срочно связаться, сигнал тревоги, предупредить, — объяснил он, мысленно давая себе зарок впредь в важных делах обходиться только собственными ресурсами, без помощи партии.

— Тогда придется определить вас на один из резервных адресов, к кому-нибудь из сочувствующих. Москва не Петербург, собственный телефон имеется у немногих.

Так группа и попала на постой к приват-доценту. Про него Игла сказала, что он скорее либерал, чем революционер, и террористических методов не одобряет, но это ничего, человек честный, передовых взглядов и в помощи не откажет, а в подробности его посвящать ни к чему.

Проводив Грина и его людей в хороший доходный дом на Остоженке (просторная квартира на самом верхнем этаже, а это ценно, потому что ход

на крышу), связная, прежде чем уйти, коротко и деловито объяснила нервничающему хозяину элементарные правила конспирации:

— Ваш дом — самый высокий в этой части города, это удобно. Мне из мезонина видно ваши окна в бинокль. Если все спокойно, шторы в гостиной не задергивайте. Две задернутые шторы — провал. Одна задернутая штора — сигнал тревоги. Я вам протелефонирую, спрошу профессора Брандта. Вы ответите или: «Вы ошиблись, это другой номер», — и тогда я немедленно приду, или: «Вы ошиблись, это номер приват-доцента Аронзона», — и тогда я пришлю на выручку боевой отряд. Запомните?

Аронзон, побледнев, кивнул, а когда Игла ушла, промямлил, что «товарищи» могут распоряжаться квартирой по своему усмотрению, что прислугу он отпустил, а сам, если понадобится, будет у себя в кабинете. Так ни разу за полдня оттуда и не выглянул. Одно слово — «сочувствующий». Нет, две недели здесь нельзя, сразу решил Грин. Надо завтра же сменить адрес.

— Чего спать-то? — пожал плечами Рахмет. — То есть вы, господа хорошие, как хотите, а я бы к иуде Ларионову наведался. Пока не сообразил, что раскрыт. Кажется, Поварская, двадцать во-

семь? Не так далеко.

— Правда! — горячо поддержал его Снегирь. — И я бы пошел. А еще лучше я один, потому что вы свое сегодня уже сделали. Я справлюсь, честное слово! Он откроет дверь, я спрошу: «Вы инженер Ларионов?» Это чтобы по ошибке невиновного не убить. А потом скажу: «Получи, предатель». Выстрелю в сердце — три раза, чтоб наверняка, и убегу. Пара пустяков.

Рахмет, запрокинув голову, звонко расхохотался:

— Пара пустяков, как же! Ты выстрели, попробуй. Я когда на плацу фон Боку в упор шандарахнул, у него глазенапы из орбит выскочили, ей-богу! Два таких красных шара. Долго потом по ночам снилось. Просыпался весь в холодном поту. Пара пустяков…

Грин подумал: а Шверубович с растекающимся лицом тебе не снится?

— Ничего, если ради дела, то можно, — решительно заявил Снегирь, побледнев и тут же, без всякого перехода, залившись краской. Ему и прозвище досталось из-за вечного румянца и светлого пушка на щеках. — Ведь он, гад, своих предавал.

Снегиря Грин знал давно, много дольше, чем

остальных. Особенный был мальчик, драгоценной породы. Сын повешенного цареубийцы и народоволки, умершей в каземате от протестной голодовки. Рожден от невенчанных родителей, в церкви не крещен, воспитан товарищами отца и матери. Первый свободный человек будущей свободной России. Без мусора в голове, без мути в душе. Когда-нибудь подобные мальчики станут самыми обычными, но сейчас он был такой один, ценнейший продукт мучительной эволюции, и поэтому Грину очень не хотелось брать Снегиря в группу.

А как не возьмешь? Три года назад, когда Грин после побега с каторги долгим, кружным путем двигался вокруг света домой — через Китай, Японию, Америку, — пришлось задержаться в Швейцарии. Сидел без дела, ждал эстафеты через границу. Снегиря же только-только переправили из России, где арестовали его очередных опекунов. В Цюрихе заниматься пареньком было некому. Попросили Грина, он согласился, потому что никакой другой пользы партии в то время принести не мог. Эстафета задерживалась, потом вовсе провалилась. Пока наладили новую, миновал целый год.

Почему-то мальчишка был Грину не в тягость,

даже наоборот. Может, оттого, что впервые за долгое время пришлось заботиться не обо всем человечестве, а об одном человеке. Даже не человеке еще, недоростке.

Однажды, после серьезного, обстоятельного разговора, Грин дал воспитаннику обещание: когда Снегирь подрастет, приобщить его к своей работе, чем бы в ту пору Грин ни занимался. Боевой Группы тогда еще и в помине не было, а то бы такого не пообещал.

Потом вернулся на родину, занялся делом, о мальчугане вспоминал часто, но про обещание, конечно, и думать забыл. А два месяца назад в Питере, на конспиративной квартире, привели к нему Снегиря — познакомьтесь, товарищ Грин, молодое пополнение из эмиграции. Снегирь смотрел обожающими глазами, про обещание заговорил чуть не с первой же минуты. Деваться было некуда — отказываться от своего слова Грин не умел.

Берег он пока мальчика, до дела не допускал, но вечно так продолжаться не могло. В конце концов Снегирь уже взрослый, восемнадцатый год. Грину на железнодорожном мосту было столько же.

Еще не сейчас, сказал он себе минувшей ночью, когда готовились к акции. В следующий раз. И

приказал Снегирю отправляться в Москву — якобы проверить связь.

Цвета Снегирь нежного, персикового. Какой из него боевик. Хотя бывает, что из таких истинные герои и получаются. Надо бы устроить парню боевое крещение, но не с казни же изменника начинать.

— Никто никуда, — веско сказал Грин. — Всем спать. Я сторожу первый. Через два часа Рахмет. Разбужу.

— Э-эх, — улыбнулся бывший корнет. — Всем ты, Грин, хорош, только скучный. Тебе бы не террором заниматься, а в банке служить, счетоводом.

Но спорить не стал, знал, что бесполезно.

Бросили жребий. Рахмету выпало спать на кровати, Емеле на диване, Снегирю на свернутом одеяле.

Минут пятнадцать из-за двери спальни доносились голоса и смех, потом стало тихо. Тогда из кабинета выглянул хозяин, блеснул в полумраке золотым пенсне, неуверенно пробормотал:

— Добрый вечер.

Грин кивнул, но приват-доцент не уходил.

Тогда Грин счел нужным проявить учтивость. Все-таки неудобство человеку, да и риск. За укры-

вательство террористов дают каторгу. Сказал вежливо:

— Знаю, Семен Львович, стеснили. Потерпите — завтра уйдем.

Аронзон мешкал, будто не решался что-то спросить, и Грин догадался: хочет поговорить. Известное дело — интеллигент. Только дай начать, до утра не остановится.

Ну нет. Во-первых, вступать с непроверенным человеком в отвлеченные беседы незачем, а во-вторых, есть серьезный предмет для обдумывания.

— Мешаю вам, — он решительно поднялся. — Посижу на кухне.

Сел на жесткий стул, подле занавешенного шторкой входа (уже проверял — служанкина каморка). Стал думать о ТГ. Наверное, в тысячный раз за минувшие месяцы.

* * *

Началось всё в сентябре, через несколько дней после того, как подорвался Соболь — бросил бомбу в Храпова, когда тот выходил из церкви, а снаряд угодил под бровку тротуара и все осколки полетели в мотальщика.

Тогда и пришло первое письмо.

Нет, не пришло, обнаружилось. На обеденном столе, в квартире, где в ту пору размещалась Боевая Группа и куда имели доступ очень немногие.

Не группа — одно название, потому что из боевиков после гибели Соболя остался только Грин. Помощники и связные не в счет.

Боевая Группа образовалась так. Когда Грин нелегально вернулся в Россию, то долго примеривался, где может принести больше пользы — куда поднести спичку, чтобы огонь занялся пожарче. Возил листовки, помогал устраивать подпольную типографию, охранял партийный съезд. Все это было нужное, но он выковал из себя стального человека не для работы, с которой может справиться каждый.

Постепенно цель определилась. Всё та же — террор. После разгрома «Народной воли» боевая революционная деятельность почти сошла на нет. Полиция теперь стала не та, что в семидесятые. Повсюду шпионы и провокаторы. За всё минувшее десятилетие — пара удачных терактов и десяток проваленных. Куда годится?

Без тираноборства революций не бывает — это аксиома. Листовками и просветительскими кружками царизм не своротить. Террор был нужен как воздух, как глоток воды в пустыне.

Всё хорошенько продумав, Грин приступил к действию. Поговорил с членом ЦК, Мельником, которому полностью доверял, заручился осторожным согласием. Первый акт он проведет на свой страх и риск. Если удастся, партия объявит о создании Боевой Группы, обеспечит финансовую и организационную поддержку. Если провал — он действовал в одиночку.

Это было разумно. Одному в любом случае безопасней — сам себя Охранке не выдашь. У Грина тоже было условие: о нем в ЦК будет знать только Мельник, все контакты через него. Если понадобятся помощники, Грин подберет их сам.

Первое задание получил такое: привести в исполнение давний приговор, вынесенный тайному советнику Якимовичу. Якимович был убийца и негодяй. Три года назад отправил на эшафот пятерых студентов за подготовку цареубийства. Дело было грязное, с самого начала спровоцированное полицией и тем же Якимовичем, в ту пору еще не тайным советником, а всего лишь скромным товарищем прокурора.

Грин убил его во время воскресного гуляния в парке. Просто, без затей: подошел, всадил в сердце кинжал с вырезанными буквами БГ. Пока публика сообразила, что к чему, быстро, но не бегом

вышел за ворота и уехал на обычном извозчике.

Акция, проведенная впервые после долгого затишья, отличным образом встряхнула общество. Все заговорили о таинственной организации с кощунственным названием, а когда партия объявила о значении букв и о возобновлении революционной войны, по стране пробежал полузабытый нервический ток — тот самый, без которого немыслимы никакие социальные потрясения.

Теперь у Грина было все необходимое для серьезной работы: снаряжение, деньги, люди. Последних он находил сам или выбирал из предложенных партией кандидатур. Взял себе за правило: в группе должно быть три-четыре человека, не больше. Для террора вполне достаточно.

Дела замышлялись большие, но следующее покушение — на палача Храпова — закончилось провалом. Не полным, потому что у мертвого бомбиста нашли револьвер с надписью БГ, и это произвело впечатление. Но репутация группы все равно пострадала. Больше осечек быть не могло.

Вот как обстояли дела, когда Грин обнаружил на столе сложенную вдвое бумажку с ровными машинописными строчками. Листок он сжег, однако текст запомнил слово в слово.

Храпова пока лучше не трогать, его теперь слишком хорошо охраняют. Когда появится возможность до него добраться, извещу. Пока же сообщаю следующее. Екатериноградский губернатор Богданов по четвергам в восемь вечера тайно наведывается в дом номер десять по Михельсоновской улице. Один, без охраны. В ближайший четверг будет там наверняка. Это и последующие письма по прочтении немедленно сжигайте.

ТГ

Первая мысль была: партия перебарщивает с конспирацией. Что за мелодраматизм с подброшенным письмом? И в каком смысле «ТГ»?

Выяснил у Мельника — нет, ЦК записку не отправлял.

Жандармская ловушка? Непохоже. К чему возводить турусы? Зачем выманивать в Екатериноград? Если явка известна полиции, арестовали бы и здесь.

Получалось третье. Кто-то хочет помочь Боевой Группе, оставаясь в тени.

После некоторого колебания Грин решил рискнуть. Губернатор Богданов, конечно, не бог весть

какая персона, но в прошлом году был приговорен партией к смерти за жестокое подавление крестьянских беспорядков в Стрелецкой волости. Не первоочередная задача, но почему бы и нет? Нужен успех.

И успех был. Акция прошла превосходно, если не считать потасовки с городовыми. На месте казни Грин оставил листовку с приговором и подписью БГ.

Потом, в самом начале зимы, появилось второе письмо, найденное им в кармане собственного пальто. Был на свадьбе — конечно, не настоящей, фиктивной. Двое партийцев в интересах дела сочетались браком, а заодно появилась возможность легально встретиться и обсудить кое-какие насущные вопросы. Когда раздевался, никакой записки не было. Когда уходил, сунул руку в карман — листок.

Известный вам жандармский генерал-лейтенант Селиванов инспектирует инкогнито заграничную агентуру Охранного отделения. 13 декабря в половине третьего пополудни он один придет на явочную квартиру в Париже по адресу рю Аннамит, 24.

ТГ

И опять все вышло в точности, как обещал неведомый ТГ: хитрую лису Селиванова удалось взять, можно сказать, голыми руками, о чем в Петербурге нельзя было и мечтать. Подстерегли в подъезде. Грин схватил жандарма сзади за локти, а Рахмет всадил в него кинжал. Теперь о Боевой Группе зашумели и в Европе.

Третье письмо Грин нашел на полу в прихожей. Это было уже в нынешнем году, когда они вчетвером жили на Васильевском. На сей раз отправитель навел на полковника Пожарского, продувную бестию из новой жандармской поросли. Пожарский осенью разгромил варшавский филиал партии, а только что в Кронштадте арестовал матросскую анархистскую организацию, замышлявшую взорвать царскую яхту. В награду получил высокий пост в Департаменте полиции

и еще флигель-адъютантский вензель — за спасение августейшей фамилии. Записка гласила:

> Заниматься розыском БГ поручено новому вице-директору Департамента полиции по политическим делам кн. Пожарскому. Это опасный противник, который доставит вам много хлопот. В среду вечером между девятью и десятью у него встреча с каким-то важным агентом на Аптекарском острове близ дачи товарищества Кербель. Удобный момент, не упустите.
>
> ***ТГ***

Упустили, хотя момент и в самом деле был исключительно выгодный. Пожарский проявил сверхъестественную ловкость — отстреливаясь, растворился в темноте. Его спутник был менее проворен, и Рахмет достал его, убегающего, пулей в спину.

Все равно акция оказалась полезной и наделала шуму, потому что в убитом Грин опознал Стасова, члена ЦК и старого шлиссельбуржца, только что нелегально прибывшего из Швейцарии. Кто бы мог подумать, что у полиции в осведомителях такие люди.

А последнее, четвертое послание от ТГ, самое ценное из всех, объявилось вчера утром. В доме было жарко натоплено, форточки на ночь оставили открытыми. Утром Емеля нашел на полу возле окна бумажку, обернутую вокруг камня, прочел и побежал будить Грина.

> Вот и очередь Храпова. Сегодня он отправляется в Сибирь одиннадцатичасовым курьерским в министерском вагоне. Удалось выяснить следующее. В Москве Храпов сделает остановку. За его безопасность во время нахождения в Москве отвечает статский советник Фандорин, чиновник особых поручений при кн. Долгоруком. Приметы: 35 лет, худощавого телосложения, высокого роста, брюнет, тонкие усики, седые виски, при разговоре заикается. В Петербурге и Москве предусмотрены чрезвычайные меры охранения. Подобраться к Храпову можно только между этими пунктами. Придумайте что-нибудь. В вагоне будут четыре агента и еще сменный жандармский караул в обоих тамбурах (передний тамбур глухой, с салоном не сообщается). Началь-

ник охраны Храпова — штабс-ротмистр фон Зейдлиц: 32 года, очень светлые волосы, высокий, плотный. Адъютант Храпова — подполковник Модзалевский: 39 лет, полный, среднего роста, волосы темно-русые, небольшие бакенбарды.

ТГ

Грин составил дерзкий, но вполне выполнимый план, сделал необходимые приготовления, и группа трехчасовым пассажирским выехала в Клин.

Сведения ТГ опять оказались безупречны. Все прошло как по маслу. Такой блестящей победы у Боевой Группы еще не было. Казалось бы, можно дать себе поблажку — насладиться ощущением аккуратно исполненного дела. Спичка еще не погасла, еще горит, и разожженное ею пламя занимается все сильней.

Но насладиться мешала непонятность. А непонятности Грин не выносил. Где непонятность, там и непредсказуемость, а это опасно.

Надо этого ТГ вычислить. Понять, что за человек и чего добивается.

Версия имелась всего одна.

Кто-то из помощников или даже самих членов

Боевой Группы имеет своего человека в тайной полиции, получает от него секретные сообщения и анонимно передает Грину. Почему не заявляет о себе — ясно. Из конспирации, не желая расширять круг посвященных (Грин и сам всегда вел себя так же). Или прикрывает своего информатора, связанный честным словом, такие случаи бывали.

А вдруг это провокация?

Нет, исключается. Удары, нанесенные группой по государственной машине при помощи ТГ, слишком серьезны. Никакой тактической целесообразностью провокацию такого уровня оправдать невозможно. А главное — за все минувшие месяцы ни разу не было слежки. На это у Грина имелось особое чутье.

Две аббревиации: БГ и ТГ. За первой — организация. А что за второй — имя? Зачем вообще понадобилась подпись?

Вот чем надо заняться по возвращении в Питер: составить список всех, кто имел доступ в места, куда были подброшены записки. Если исключить тех, кто мог попасть во все четыре места, перечень получится коротким. Кроме членов группы всего несколько человек. Присмотреться к каждому. Определить кто и вызвать на откровенный

разговор. Наедине, предоставив гарантии конфиденциальности.

Однако уже четверть первого. Два часа миновало. Пора будить Рахмета.

Грин прошел через гостиную в темную спальню. Услышал мерное посапывание Снегиря, тихонько всхрапнул Емеля.

— Рахмет, вставай, — шепнул Грин, склонившись над кроватью и протянул руку.

Пусто. Присел на корточки, пошарил по полу — сапог нет.

Ушел Рахмет, васильковый человек. То ли отправился за приключениями, то ли вовсе сбежал.

Глава третья, в которой демонстрируются издержки двойной субординации

— Д-долго нас еще будут разглядывать? — скучливо спросил Эраст Петрович, оглянувшись на Бурляева.

С тех пор как статский советник и подполковник (сменивший синий мундир на цивильное платье) вошли в калитку скромного арбатского особнячка и позвонили в колокольчик, миновало уже минут пять. Сначала многообещающе качнулась занавеска в окошке надстройки, но далее ничего не последовало.

— А я вас предупреждал, — вполголоса сказал начальник Охранки. — Особа с норовом. Без меня незнакомому человеку и вовсе не отворила бы, — и, задрав голову, крикнул — уж не в первый раз: — Диана, это я, откройте! А со мной тот господин, о котором я телефонировал!

Никакого ответа.

Фандорин уже знал, что особнячок этот, снятый через подставное лицо, является конспиративной квартирой Охранного отделения и предоставлен

в полное распоряжение ценной «сотрудницы». Все встречи с ней происходят только здесь и непременно по предварительной договоренности, для чего в доме специально установлен телефонный аппарат.

— Сударыня! — повысил голос и Эраст Петрович. — Вы нас з-заморозите! Это, в конце концов невежливо! Хотите рассмотреть меня получше? Так сразу и сказали бы.

Он снял цилиндр, поднял лицо кверху, повернулся левым профилем, потом правым и — о чудо — приоткрылась форточка, из нее высунулись тонкие белые пальчики, и прямо под ноги визитерам упал медный ключ.

— Уф, — облегченно вздохнул подполковник, нагибаясь. — Дайте-ка я сам. Тут замок с секретом…

Разделись в пустой прихожей. Петр Иванович, отчего-то волнуясь, причесался перед зеркалом и стал первым подниматься по скрипучей лестнице в мезонин.

Наверху оказался коридорчик и две двери. Подполковник коротко постучал в ту, что слева, и, не дожидаясь ответа, вошел.

Странно, но в комнате было почти совсем темно. Эраст Петрович вдохнул аромат мускусного

масла, огляделся и увидел, что шторы плотно задвинуты, а никакого светильника нет. Кажется, это был кабинет. Во всяком случае, у стены темнело нечто похожее на секретер, а в углу серел письменный стол. Не сразу статский советник разглядел, что подле окна застыла стройная женская фигура с непропорционально большой головой. Фандорин сделал два шага вперед и понял, что на хозяйке берет-амазонка и вуаль.

— Прошу садиться, господа, — приглушенным до свистящего шепота голосом сказала женщина и изящно указала на кресла. — Здравствуйте, Петр Иванович. Так что за срочность? И кто ваш спутник?

— Это господин Фандорин, чиновник особых поручений при князе Владимире Андреевиче, — тоже шепотом ответил Бурляев. — Ведет расследование по делу об убийстве генерал-адъютанта Храпова. Слышали уже?

Диана кивнула и, подождав, пока гости сядут, тоже села — на диван, стоявший у противоположной стены.

— Откуда? Г-газеты об этом еще написать не успели.

Слова были произнесены самым обычным голосом, но по контрасту с предшествующим

шептанием прозвучали очень громко.

— Слухом земля полнится, — насмешливо прошелестела «сотрудница». — У нас, революционеров, свои телеграфы.

— А п-поточнее? Все-таки откуда? — не поддался игривости статский советник.

— Диана, это очень важно, — пророкотал Бурляев, как бы сглаживая некоторую резкость вопроса. — Вы даже себе не представляете, до какой степени…

— Отчего же, представляю, — женщина откинулась назад. — За Храпова всех вас, господа, могут погнать с насиженных мест. Не так ли, Эраст Петрович?

Фандорин подумал, что ее низкий, придушенный голос несомненно обладает чувственным эффектом. Как и мускусный аромат, и ленивые, грациозные движения узкой руки, небрежно поигрывающей серьгой в ухе. Становилось понятно, почему в Жандармском и Охранном из-за этой Мессалины кипят такие страсти.

— Откуда вы знаете, как меня зовут? — он чуть наклонился вперед. — Вам кто-нибудь про меня уже рассказывал?

Диана, кажется, улыбнулась — шепот стал вкрадчивой:

— И неоднократно. Вами, мсье Фандорин, в Москве многие интересуются. Вы любопытный персонаж.

— А в последнее время кто-нибудь говорил с вами о господине статском советнике? — встрял Бурляев. — Например, вчера? Кто-нибудь у вас тут был?

Эраст Петрович недовольно покосился на непрошеного помощника, а Диана беззвучно рассмеялась:

— У меня, Пьер, много кто бывает. Говорил ли мне кто-нибудь про мсье Фандорина? Право, не припомню.

Не скажет, понял Эраст Петрович, мысленно отметив «Пьера». Пустая трата времени.

И подпустил в голос металла:

— Вы не ответили на мой первый вопрос. От кого именно вы узнали, что г-генерал Храпов убит?

Диана порывисто поднялась, шепот из обволакивающего стал резким, словно шипение обозленной змеи:

— Я у вас на жаловании не состою и отчетов давать не обязана! Вы забываетесь! Или, быть может, вам не объяснили, кто я? Извольте, я отвечу на ваш вопрос, но на этом разговор будет окончен. И больше сюда не приходите! Слышите,

Петр Иванович, чтобы я этого господина здесь впредь не видела!

Подполковник растерянно пригладил коротко остриженные волосы, явно не зная, чью сторону принять, а Фандорин невозмутимо сказал:

— Хорошо, сейчас мы уйдем. Но я жду ответа. Женщина переместилась к окну, серый прямоугольник которого стал обрамлением точеному силуэту.

— Убийство Храпова — секрет Полишинеля. Вся революционная Москва об этом уже знает и ликует. Сегодня будет даже вечеринка по этому поводу. Я приглашена, но не пойду. А вы можете наведаться. Если повезет — сцапаете кого-нибудь из нелегальных. У инженера Ларионова собираются. Поварская, двадцать восемь.

— Почему вы прямо не спросили ее про Свирчинского? — сердито спросил подполковник, когда ехали в санях обратно в Отделение. — Я подозреваю, что он ее вчера навещал и вполне мог проговориться. Вы сами видели, что это за особа. Играет с мужчинами, как кошка с мышатами.

— Да, — рассеянно кивнул чиновник. — Характерная д-дамочка. Ну да бог с ней. Что нужно сделать, так это установить наблюдение за квартирой этого Ларионова. Отрядить самых опытных

филеров, пусть проследят каждого из гостей до дому и установят личность. Потом размотаем контакты каждого из них, по всей цепочке. Выйдем на того, кто первым узнал о Храпове, а там и до Боевой Группы будет недалеко.

Бурляев снисходительно обронил:

— Ничего этого делать не нужно. Ларионов — наш агент. Квартира устроена нами, специально. Чтобы недовольные и сомнительные личности были под нашим присмотром. Зубцов, умница, придумал. У Ларионова всякая околореволюционная дрянь собирается. Поругать власти, попеть недозволенные песни и, конечно, выпить-закусить. Стол у Ларионова хорош, наш секретный фонд оплачивает. Берем болтунов на заметочку, заводим на каждого папочку. Как попадется на чем серьезном — у нас уж на голубчика полная бухгалтерия.

— Но ведь это провокация! — поморщился Эраст Петрович. — Вы сами плодите нигилистов, а потом сами же их арестовываете.

Бурляев почтительно приложил руку к груди:

— Извините, господин Фандорин, вы, конечно, известный авторитет в сфере криминалистики, но в нашем охранном ремесле мало что смыслите.

— Так что же, слежка за гостями Ларионова не нужна?

— Не нужна.

— Что же вы п-предлагаете?

— Тут и предлагать нечего, и так ясно. Сейчас вернусь и отдам приказание Евстратию Павловичу готовить операцию по задержанию. Заберем всех голубчиков широким бреднем и поработаю с ними на славу. В чем вы правы, так это в том, что от кого-то из них ниточка к нашей БГ тянется.

— Арест? Но на каком основании?

— А на том, дорогой Эраст Петрович, основании, что, как справедливо заметила Диана, нас с вами не сегодня-завтра погонят с должностей к чертовой матери. Нет времени слежку разворачивать. Результат нужен.

Фандорин счел необходимым перейти на официальный тон:

— Не забывайте, господин подполковник, что вам предписано выполнять мои указания. Необоснованного ареста я не допущу.

Однако Бурляев перед нажимом не спасовал:

— Верно, предписано. Генерал-губернатором. Но по части дознаний я подчиняюсь не губернским властям, а Департаменту полиции, так что покорнейше прошу извинить. Хотите присут-

ствовать при задержании — извольте, но только не мешайте. Желаете отойти в сторонку — воля ваша.

Эраст Петрович помолчал. Сдвинул брови, глаза грозно блеснули, но гром с молнией так и не грянули.

После паузы статский советник сухо сказал:

— Хорошо. Мешать не стану, но присутствовать буду.

В восемь часов вечера все было готово к операции.

Дом на Поварской обложили еще с половины седьмого. В первом, ближнем кольце оцепления было пятеро агентов: один, в белом фартуке, соскребал снег у самых дверей одноэтажного дома за номером двадцать восемь; трое, самые щуплые и низкорослые, изображая подростков, лепили снежную крепость во дворе; еще двое чинили газовый фонарь на углу Борисоглебского переулка. Второе кольцо, из одиннадцати филеров, расположилось в радиусе ста шагов: трое «извозчиков», «городовой», «шарманщик», двое «пьяных», четверо «дворников».

В пять минут девятого по Поварской на санях проехали Бурляев и Фандорин. На облучке вполоборота сидел начальник филеров Мыльников,

показывал, как и что.

— Отлично, Евстратий Павлович, — одобрил приготовления подполковник и победительно посмотрел на статского советника, за все время не произнесшего ни слова. — Ну что, господин Фандорин, умеют мои люди работать?

Чиновник отмолчался. Сани свернули в Скарятинский, немного отъехали и встали.

— Сколько их там, голубчиков? — спросил Бурляев.

— Всего, не считая Ларионова и его кухарки, восемь субъектов, — уютно окая, принялся объяснять Мыльников, пухлый господин на вид лет сорока пяти в русой бородке, с длинными волосами в кружок. — В шесть, как приступили к оцеплению, я, Петр Иванович, изволите ли видеть, своего человечка заслал, как бы с заказным письмом. Кухарка ему шепнула, что чужих трое. А после еще пятеро припожаловали. Личности все нам известные, и списочек уж составлен. Шесть лиц мужеского пола, два женского. Кухарке мой человечек велел у себя в каморке сидеть и не высовываться. Я с соседней крыши в окошко подглядел — веселятся нигилисты, вино пьют, уже петь начали. Революционная масленица.

Мыльников сам же и подхихикнул, чтобы уж

точно не осталось сомнений: последние слова — шутка.

— Я полагаю, Петр Иванович, брать пора. Не то налакаются, в кураж войдут, могут и сопротивление оказать, с пьяных-то глаз. Или какая ранняя пташка на выход потянется, придется силы дробить. Надо ведь его будет аккуратненько взять, на отдалении, без шума, а то остальных переполошим.

— Может, вы, Евстратий Павлович, мало людей привлекли? Все-таки восемь человек, — засомневался подполковник. — Говорил я вам, что хорошо бы еще из участка городовых взять, третьим кольцом растянуть по дворам и перекресткам.

— Ни к чему это, Петр Иванович, — беззаботно промурлыкал Мыльников. — У меня волкодавы натасканные, а там, прошу прощения, мелюзга, мальки — барышни да студентики.

Бурляев потер перчаткой нос (к вечеру стало примораживать):

— Ничего, раз мальки про Храпова уже знают, значит, кто-то из них к большой рыбине ход имеет. С Богом, Евстратий Павлович, приступайте.

Сани снова проехали по Поварской, только теперь лже-извозчик вывесил на оглоблю фонарь,

по этому сигналу второе кольцо подтянулось ближе. Ровно в восемь тридцать Мыльников свистнул в четыре пальца, и в тот же миг семеро агентов вломились в дом. Сразу следом вошло начальство — Бурляев, Мыльников и Фандорин. Остальные растянулись в цепочку и встали под окнами.

В прихожей Эраст Петрович выглянул из-за спины подполковника и увидел просторную гостиную, сидевших за столом молодых людей, барышню у пианино.

— Не вставать, башку прострелю! — страшным, совсем не таким, как давеча, голосом грянул Мыльников и ударил рукояткой револьвера в лоб рванувшегося со стула студента.

Тот, разом побледнев, сел, из рассеченной брови заструился алый ручеек. Прочие участники вечеринки завороженно уставились на кровь, никто из них не произносил ни слова. Агенты быстро расположились вокруг стола, держа оружие наготове.

— Два, четыре, шесть, восемь, — быстро пересчитал по головам Мыльников. — Еремеев, Зыков, по комнатам, живо! Еще один должен быть! — и крикнул, уже в спину филерам: — Про нужник не забудьте!

— Однако, однако, что все это значит! — дрогнувшим голосом воскликнул очкастый, с эспаньолкой, что сидел во главе стола — очевидно, хозяин. — У меня именины! Я инженер Трехгорного цементного завода Ларионов! Что за произвол!

Он ударил кулаком по столу и поднялся, но стоявший сзади агент железной хваткой обхватил его за горло, и Ларионов сбился на хрип.

Мыльников веско сказал:

— Я те покажу именины. Кто еще дернется — пулю в брюхо, без разговоров. У меня приказ: при сопротивлении стрелять без предупреждения. Сидеть!!! — гаркнул он на белого от боли и ужаса инженера, и тот плюхнулся на стул.

Еремеев и Зыков вывели из коридора согнутого в три погибели человека с заломанными за спину руками и швырнули на свободное место.

Бурляев откашлялся, выдвинулся вперед. Очевидно, подошел его черед.

— Хм, господин коллежский асессор, вы уж чересчур. Надо же в людях разбираться. Кажется, нас ввели в заблуждение. Тут не бомбисты, а вполне приличная публика. И потом, — он понизил голос, но все равно было слышно, — я же просил вести себя при задержании поделикат-

ней. Зачем это — револьвером по голове, руки заламывать? Право, нехорошо.

Евстратий Павлович недовольно насупился, забурчал вполголоса:

— Господин подполковник, воля ваша, а я бы с этой сволочью по-свойски поговорил. Вы только все испортите своим либерализмом. Дайте мне их на полчасика — соловьями запоют, честное благородное слово.

— Ну уж нет, — прошипел Петр Иванович. — От ваших методов увольте. Я и сам все, что нужно, выясню, — и громко, обыкновенным голосом, спросил: — Господин Ларионов, что у вас за той дверью, кабинет? Не возражаете, если я потолкую там с вашими гостями, по очереди? Вы извините, господа, но чрезвычайное происшествие, — подполковник обвел глазами задержанных. — Сегодня утром злоумышленниками убит генерал-адъютант Храпов. Тот самый… Я вижу, вы не удивлены? Что ж, об этом и потолкуем. Если не возражаете.

— «Если не возражаете», о Господи! — скрипнул зубами Мыльников и в сердцах рванулся в коридор, опрокинув по дороге стул.

Эраст Петрович страдальчески вздохнул, находя антрепризу слишком прозрачной, но на

задержанных, кажется, подействовало. Во всяком случае все они, как завороженные, смотрели на дверь, за которой скрылся грозный Евстратий Павлович.

Впрочем, не все. Худенькая барышня, сидевшая у пианино и оказавшаяся как-то в стороне от главных происшествий, завороженной не выглядела. Ее матово-черные глаза горели негодованием, хорошенькое смуглое личико было искажено ненавистью. Девушка, скривив сочные алые губки, беззвучно прошептала что-то яростное, протянула тонкую руку к лежавшей на пианино сумочке и выудила оттуда маленький изящный револьвер.

Решительная барышня вцепилась в несерьезное оружие обеими руками и навела прямо в спину жандармскому подполковнику, но Эраст Петрович с места огромным скачком преодолел чуть не полгостиной и, еще не коснувшись ногами пола, ударил тростью по дулу.

Игрушка с перламутровой ручкой ударилась об пол и выстрелила — не так уж и громко, но Бурляев проворно шарахнулся в сторону, а филеры разом навели стволы на отчаянную девицу и несомненно превратили бы ее в решето, если б не статский советник, умопомрачительный пры-

жок которого завершился как раз перед пианино, так что злоумышленница оказалась у Эраста Петровича за спиной.

— Ах вот как! — вскричал подполковник, еще не оправившись от потрясения. — Ах ты вот как! Сука! Убью на месте! — и рванул из кармана большой револьвер.

На шум из коридора вбежал Мыльников, предостерегающе крикнул:

— Петр Иваныч! Стойте! Она живая нужна! Ребята, берите ее!

Филеры стволы опустили, двое подлетели к барышне и крепко взяли ее за руки.

Бурляев бесцеремонно отодвинул статского советчика в сторону и встал перед черноволосой террористкой, возвышаясь над ней чуть не на голову.

— Кто такая? — выдохнул он, пытаясь справиться с удушьем. — Как твое имя?

— На «тыканье» отвечать не буду, — бойко ответила нигилистка, глядя на жандарма снизу вверх.

— Как вас зовут? — терпеливо спросил подошедший Мыльников. — Имя, звание. Назовитесь.

— Эсфирь Литвинова, дочь действительного статского советника, — так же вежливо ответила

задержанная.

— Дочь банкира Литвинова, — вполголоса пояснил Евстратий Павлович начальнику. — Проходит по разработкам. Но до сих пор ни в чем подобном не замечалась.

— Хоть самого Ротшильда! — процедил Бурляев, вытирая вспотевший лоб. — За это ты, мерзавка, на каторгу пойдешь. Там тебя жидовскими кошерами кормить не станут.

Эраст Петрович нахмурился, готовясь вступиться за честь мадемуазель Литвиновой, но в его заступничестве здесь, кажется, не нуждались.

Подбоченясь, банкирская дочка презрительно бросила подполковнику:

— Скотина! Животное! В морду захотел, как Храпов?

Бурляев стал стремительно багроветь и, дойдя до совершенно свекольного колера, рявкнул:

— Евстратий Павлович, рассаживайте арестованных по саням и везите в предвариловку!

— Стойте, господин Мыльников, — поднял палец статский советник. — Никого увозить я не п-позволю. Я специально отправился сюда, чтобы проследить, будут ли соблюдены во время операции установления законности. К сожалению, вы ими пренебрегли. На основании чего задержаны

эти люди? Явного преступления они не совершили, так что арестование по факту очевидного з-злодеяния исключается. Если же вы намерены совершить арест по подозрению, то необходима санкция. Давеча господин Бурляев сказал, что Охранное отделение по части розыска городским властям не подчиняется. Это правильно. Но производство арестов относится к сфере, подотчетной генерал-губернатору. Как полномочный представитель его сиятельства приказываю немедленно освободить задержанных.

Чиновник повернулся к арестантам, ошарашенно слушавшим его сухую, начальственную речь и объявил:

— Вы свободны, господа. От имени князя Долгорукого приношу вам извинение за неправомерные действия подполковника Бурляева и его подчиненных.

— Это неслыханно! — проревел Петр Иванович, цветом лица напоминающий уже не свеклу, а баклажан. — Да на чьей вы стороне!?

— Я на стороне з-закона. А вы? — поинтересовался Фандорин.

Бурляев развел руками, словно бы не находя слов, и демонстративно повернулся к статскому советнику спиной.

— Забирайте Литвинову и едем, — приказал он агентам, а сидящим показал кулак. — Смотрите у меня, говядина! Всех наперечет знаю!

— И госпожу Литвинову придется отпустить, — мягко сказал Эраст Петрович.

— Да ведь она в меня стреляла! — вновь развернулся подполковник, недоверчиво уставившись на чиновника особых поручений. — В должностное лицо! Находящееся при исполнении!

— Она в вас не стреляла. Это раз. О том, что вы должностное лицо, знать была не обязана — вы ведь не представились и мундира на вас нет. Это д-два. Про исполнение вам тоже лучше не поминать. Вы даже не объявили, что производится арест. Это три. Выломали двери, ворвались с криком, наставив оружие. Я бы на месте этих господ принял вас за налетчиков и, будь у меня при себе револьвер, без разговоров открыл бы огонь. Вы ведь могли принять господина Бурляева за б-бандита? — спросил Эраст Петрович барышню, смотревшую на него с весьма странным выражением.

— А разве он не бандит? — немедленно откликнулась Эсфирь Литвинова, изобразив крайнее удивление. — Кто вы вообще все такие? Вы из Охранного отделения? Что же вы сразу не ска-

зали?

— Ну, я этого так не оставлю, господин Фандорин, — зловеще произнес Бурляев. — Еще посмотрим, чье ведомство сильнее. Идем, мать вашу!

Последнее выражение было адресовано агентам, которые убрали оружие и дисциплинированно потянулись к выходу.

Замыкал шествие Мыльников. У порога он обернулся, с улыбкой погрозил молодым людям пальцем, статскому советнику учтиво поклонился и был таков.

С полминуты в гостиной было тихо, только тикали настенные часы. Потом студент с разбитой бровью вскочил и опрометью кинулся к дверям. Остальные столь же стремительно, не прощаясь, бросились следом.

Еще через полминуты в комнате остались трое: Фандорин, Ларионов и вспыльчивая барышня.

Дочь банкира в упор рассматривала Эраста Петровича дерзкими, живыми глазами, полные губы, не вполне уместные на худеньком личике, раскоромыслились в язвительной усмешке.

— Это у вас инсценировка такая? — поинтересовалась мадемуазель Литвинова и с деланным восхищением покачала стриженой головкой. —

Изобретательно. И сыграно виртуозно, просто театр Корша. Что по вашей пьесе должно последовать дальше? Благодарная девица падает на грудь прекрасному спасителю и, орошая слезами его крахмальную сорочку, клянется в вечной преданности? А потом пишет вам доносы на своих товарищей, да?

Эраст Петрович отметил, что — поразительная вещь — короткая прическа барышню вовсе не портит, а напротив, очень идет к ее мальчишескому лицу.

— Неужто вы в самом деле намеревались стрелять? — спросил он. — Глупо. Из такой б-безделушки (он показал тростью на валявшийся револьверчик) Бурляева вы все равно не убили бы, а вот вас наверняка растерзали бы на месте. Мало того…

— Я не боюсь! — перебила его экспансивная девица. — Пусть растерзали бы. Скотству и произволу спуску давать нельзя!

— …Мало того, — продолжил чиновник, пропустив ее реплику мимо ушей, — вы погубили бы своих друзей. Ваша вечеринка была бы признана сборищем террористов, и все они отправились бы на каторгу.

Мадемуазель Литвинова смутилась, но лишь

на миг, не долее.

— Скажите, какой гуманный! — воскликнула она. — Только я не верю в Атосов от жандармерии. Такие, как вы, вежливые, лощеные, еще хуже, чем откровенные кровососы вроде этого красномордого. Во сто крат опасней! Да вы хоть понимаете, господин красавчик, что всем вам не уйти от возмездия?

Барышня воинственно шагнула вперед, и Эраст Петрович был вынужден отступить — пальчик с острым ноготком угрожающе рассекал воздух перед самым его носом.

— Палачи! Опричники! Вы не спрячетесь от народной мести за штыками своих телохранителей!

— Я вовсе и не прячусь, — обиженно ответил статский советник. — Никаких телохранителей у меня нет, а адрес мой напечатан во всех адресных книгах. Можете п-проверить: Эраст Петрович Фандорин, чиновник особых поручений при генерал-губернаторе.

— А-а, тот самый Фандорин! — девушка азартно оглянулась на Ларионова, словно призывая его в свидетели столь поразительного открытия. — Гарун аль-Рашид! Раб лампы!

— Какой еще лампы? — удивился Эраст Пет-

рович.

— Ну как же. Могучий джинн, охраняющий старого султана Долгорукого. То-то он, Иван Игнатьевич, филерам губернатором грозился, — снова обратилась она к инженеру. — А я не возьму в толк, что за начальник такой, которому и Охранка нипочем. Не знала, господин джинн, что вы и политическим сыском не гнушаетесь.

Она добила Эраста Петровича последним, уже совершенно испепеляющим взглядом, кивнула на прощанье хозяину и величественно направилась к выходу.

— Погодите, — окликнул ее Фандорин.

— Что вам еще от меня нужно? — гордо изогнула барышня стройную шею. — Все-таки надумали арестовать?

— Вы забыли свое оружие, — статский советник поднял револьвер и протянул ей рукояткой вперед.

Эсфирь Литвинова выдернула оружие двумя пальцами, словно брезговала дотронуться до руки чиновника и вышла вон.

Подождав, пока хлопнет входная дверь, Фандорин обернулся к инженеру и негромко сказал:

— Я знаю, господин Ларионов, о ваших отношениях с Охранным отделением.

Инженер вздрогнул, как от удара. На его желтоватом, с отечными мешками лице возникло выражение тоскливой обреченности.

— Да, — кивнул он, устало опускаясь на стул. — Что вы хотите знать? Спрашивайте.

— Я услугами тайных осведомителей не пользуюсь, — сухо ответил на это Эраст Петрович. — По-моему, шпионить на своих товарищей м-мерзко. То, чем вы здесь занимаетесь, называется провокацией. Заводите новые знакомства среди романтически настроенной молодежи, поощряете антиправительственные разговоры, а потом доносите в Охранку о своих достижениях. Как вам не совестно, ведь вы д-дворянин, я читал ваше досье.

Ларионов неприятно рассмеялся, подрагивающей рукой вынул папиросу.

— Совестно? Вы про совесть с господином Зубцовым поговорите, Сергеем Витальевичем. И про провокацию тоже. Сергей Витальевич, правда, этого слова не любит. Он говорит «санация». Мол, лучше потенциально опасных субъектов на ранней стадии помечать и отсеивать. Для пользы общества и их же собственной. Если не у меня будут собираться, под внимательным оком Сергея Витальевича, то в каком-нибудь другом месте.

И неизвестно, до чего там додумаются, каких дел натворят. А тут они все на виду. Чуть кто от праздных разговоров начнет на дело выворачивать, его, голубчика, сразу цап-царап. Государству спокойствие, господину Зубцову поощрение, а иуде Ларионову бессонные ночи…

Инженер закрыл лицо руками и замолчал. Судя по дерганью плеч, боролся с рыданиями.

Эраст Петрович сел напротив, вздохнул.

— Как же вас угораздило? Ведь противно.

— Еще бы не противно, — глухим голосом отозвался Ларионов сквозь прижатые ладони. — Я студентом тоже о социальной справедливости мечтал. Листовки в университете расклеивал. За этим занятием меня и взяли.

Он отнял руки, и стало видно, что глаза у него влажные, блестящие. Чиркнул спичкой, судорожно затянулся.

— Сергей Витальевич человек гуманный. «У вас, говорит, Иван Игнатьевич, мать старая, больная. Если из университета выгонят — а это самое малое, что вам грозит — не переживет. Ну, а ссылкой или, упаси Боже, тюрьмой вы ее точно в могилу сведете. Ради чего, Иван Игнатьевич? Ради химер?» И дальше про санацию стал объяснять, только длиннее и красивее. Мол, я

вас не в доносители зову, а в спасители детей. Ведь они, неразумные и чистые сердцем, бегут по цветущему лугу и не видят, что за лугом-то пропасть. Вы бы и встали на краю этой пропасти, помогли бы мне детей от падения уберечь. Сергей Витальевич говорить мастер, и главное сам верит. Ну, и я поверил, — инженер горько улыбнулся. — Честнее сказать, заставил себя поверить. Мать и в самом деле бы не пережила… Ну что, университет я закончил, и должность хорошую мне господин Зубцов приискал. Только вышло, что никакой я не спаситель, а самый обычный «сотрудник». Как говорится, нельзя забеременеть наполовину. Даже жалованье получаю, пятьдесят пять целковых. Плюс пятьдесят расходных, под отчет, — улыбка стала еще шире, растянувшись в глумливый оскал. — В общем, всем жизнь хороша. Только вот совсем не сплю по ночам, — он зябко поежился. — Забудусь на минуту и вздрагиваю — слышу стук. Думаю, а вот и за мной пришли. То ли те, то ли эти. Так и дергаюсь всю ночь. Стук-стук. Стук-стук.

В этот миг раздался стук дверного молотка. Ларионов вздрогнул и нервно рассмеялся.

— Припозднился кто-то. Всё веселье пропустил. Вы, господин Фандорин, уйдите пока вон за ту

дверь. Ни к чему, чтоб вас тут видели. Объясняйся потом. Я быстро спроважу.

Эраст Петрович перешел в соседнюю комнату. Старался не подслушивать, но голос у пришедшего был громкий, ясный.

— …И не передали, что мы у вас остановимся? Странно.

— Никто мне ничего не передавал! — ответил Ларионов и, громче чем нужно, спросил. — А вы в самом деле из Боевой Группы? Вам здесь нельзя! Вас всюду ищут! У меня только что была полиция!

Позабыв о щепетильности, Фандорин тихо подобрался к двери, приоткрыл щелку.

Перед инженером стоял молодой человек в бекеше и английском кепи, из-под козырька которого свисала длинная светлая прядь. Поздний гость держал руки в карманах, в прищуренных глазах посверкивали озорные искорки.

— Вы здесь один? — спросил визитер.

— Еще кухарка, она спит в чулане. Но вам правда здесь нельзя.

— Значит, пришла полиция, понюхала и ушла? — засмеялся блондин. — Вот ведь чудеса какие.

Как на Брянском на вокзале

Кошки ели воробья.
Полизали-полизали,
Да не съели ни чуть-чуть.

Веселый молодой человек переместился так, что оказался спиной к статскому советнику, Ларионов же, наоборот, был вынужден повернуться к двери лицом. Интригующий гость сделал какое-то невидное для Фандорина движение рукой, и инженер вдруг ахнул, попятился.

— Что, Искариот, страшно? — все таким же легкомысленным тоном поинтересовался гость.

Почуяв неладное, Эраст Петрович рванул створку, но в ту же секунду ударил выстрел.

Ларионов, взвыв, согнулся пополам, стрелявший же оглянулся на грохот и вскинул руку с компактным вороным «бульдогом». Фандорин нырнул под выстрел и бросился молодому человеку в ноги, однако тот ловко отскочил назад, ударился спиной о дверной косяк и вывалился в прихожую.

Фандорин приподнялся над раненым и увидел, что дело плохо: лицо инженера быстро заливала мертвенная голубизна.

— Ноги отнялись, — прошептал Ларионов, испуганно глядя в глаза Эрасту Петровичу. — И не

больно, только спать хочется…

— Я должен его догнать, — скороговоркой произнес Фандорин. — Я быстро, и сразу врача.

Выскочил на улицу, посмотрел вправо — никого, влево — вон она, быстрая тень, несется в сторону Кудринской.

На бегу статскому советнику пришли в голову две мысли. Первая, что врач Ларионову не понадобится. Судя по симптомам, перебит спинной хребет. Скоро, очень скоро бедный инженер наверстает все свои бессонные ночи. Вторая мысль была ближе к делу. Догнать-то убийцу не штука, да что с ним, вооруженным, делать, когда у самого оружия нет? Не ожидал статский советник от сегодняшнего дня никаких рискованных предприятий, и верный «герсталь-баярд», семь зарядов, новейшая модель, остался дома, а как бы сейчас пригодился.

Бегал Эраст Петрович быстро, и расстояние до тени стремительно сокращалось. Однако радоваться тут было нечему. На углу Борисоглебского убийца оглянулся и кинул в преследователя трескучий язык пламени — Фандорину обдуло щеку горячим ветром.

Вдруг прямо из стены ближайшего дома выметнулись еще две резвые тени и слились с первой в

один смутный, подвижный ком.

— У, гнида, я те побрыкаюсь! — крикнул чей-то сердитый голос.

Когда Эраст Петрович подбежал ближе, возня уже закончилась.

Веселый молодой человек лежал лицом вниз, с вывернутыми за спину руками, хрипел и ругался. На нем сидел крепкий мужчина и кряхтя выкручивал локти еще дальше. Другой мужчина держал упавшего за волосы, задирая ему голову кверху.

Приглядевшись, статский советник признал в нежданных помощниках двоих из давешних филеров.

— Видите, Эраст Петрович, и от Охранки польза бывает, — раздался из темноты добродушный голос.

Оказалось, что поблизости подворотня, а в ней стоит не кто иной, как Евстратий Павлович Мыльников, собственной персоной.

— Вы почему здесь? — спросил статский советник и сам же ответил. — Остались за мной следить.

— Не столько за вами, ваше высокородие, вы — особа, находящаяся превыше всяческих подозрений, сколько за общим течением собы-

тий, — филерский начальник вышел из тени на освещенный тротуар. — Особенно любопытно было посмотреть, не отправитесь ли вы куда-нибудь с той сердитой девицей. Я так полагаю, что вы рассудили ее взять не кнутом, а пряником. И совершенно справедливо. Такие отчаянные от грубости и прямого нажима только звереют. Их по шерстке надо, по шерстке, а потом, как брюшко подставит — цап за мягкое!

Евстратий Павлович мелко рассмеялся и примирительно сделал ладонью: мол, не отпирайтесь, не первый день на свете живу.

— Когда увидел, что барышня одна ушла, хотел своих олухов за ней послать, а потом думаю — погожу-ка еще. Их высокородие человек бывалый, с чутьем. Если задерживается, значит, идею имеет. И точно — вскорости появляется этот, — Мыльников кивнул на воющего от боли и матерящегося арестанта. — Так что, выходит, не просчитался я. Кто он?

— Кажется, член Боевой Группы, — ответил Эраст Петрович, чувствуя себя обязанным неприятному, но неглупому, весьма неглупому коллежскому асессору.

Евстратий Павлович присвистнул и хлопнул себя по ляжке:

— Ай да Мыльников. Знал, на кого ставить. Как будете реляцию писать, не забудьте раба божьего. Эй, ребята, кликните санки! И хорош ему руки выламывать, а то он чистосердечное писать не сможет.

Один из филеров побежал за санями, второй защелкнул на лежащем наручники.

— Хрен тебе с горчицей чистосердечное, — просипел арестованный.

В охранное Эраст Петрович попал лишь далеко за полночь. Сначала нужно было позаботиться об истекающем кровью Ларионове. Вернувшись, Фандорин застал инженера уже впавшим в забытье. Пока приехала вызванная по телефону карета из больницы Братолюбивого общества, увозить застреленного стало уже незачем. Выходило, что время потеряно попусту.

Да еще до Большого Гнездниковского пришлось добираться на своих двоих — по ночному времени ни одного извозчика статскому советнику не встретилось.

В тихом переулке было темным-темно, лишь в окнах знакомого двухэтажного дома жизнерадостно горел свет.

Нынче в Охранном отделении было не до сна. Войдя, Эраст Петрович стал свидетелем любо-

пытной сцены. Мыльников заканчивал разбор вечерней операции. Все шестнадцать филеров были выстроены вдоль стены длинного коридора, а коллежский асессор мягко, словно огромный кот, прохаживался вдоль шеренги и ровным, учительским голосом наставлял:

— И снова повторю, чтоб вы, болваны, наконец запомнили. При задержании группы политических, особенно если с подозрением на терроризм, действовать следующим порядком. Первое — ошеломить. Ворваться. С треском, криком, грохотом, чтоб у них поджилки затряслись. Даже храбрый человек от неожиданности цепенеет. Второе — обездвижить. Чтоб каждый задержанный прирос к месту, не мог пальцем шевельнуть, и уж тем более голос подать. Третье — обыскать на предмет оружия. Сделали вы это? А? Тебя, Гуськов, спрашиваю, ты на захвате старший был, — Мыльников остановился перед пожилым филером, у которого из расквашенного носа стекала красная юшка.

— Ваше высокоблагородие, Евстратий Павлович, — пробасил Гуськов. — Так ведь мелюзга же, желторотики, сразу видать было. У меня глаз наметанный.

— Я те сейчас в этот глаз еще добавлю, — без-

злобно сказал коллежский асессор. — Ты не рассуждай, дурья башка. Делай, как положено. И четвертое: за каждым из задержанных постоянный догляд. А у вас, разгильдяев, барышня из ридикюля пукалку достает, и никто не видит. В общем так… — Мыльников заложил руки за спину, покачался на каблуках. Агенты, затаив дыхание, ждали приговора. — Наградные получат только Ширяев и Жулько. За арестование опасного террориста по пятнадцати целковых от меня лично. И в приказе будет. А с тебя, Гуськов, десять рублей штрафу. И на месяц из старших филеров в обычные. Справедливо выйдет, как считаешь?

— Виноват, ваше высокоблагородие, — повесил голову наказанный. — Только от оперативной работы не отстраняйте. Я заслужу, вот вам крест, заслужу.

— Ладно, верю, — Мыльников обернулся к статскому советнику и сделал вид, что только сейчас его заметил. — Замечательно, что пожаловали, господин Фандорин. Петр Иваныч и Зубцов битый час с нашим приятелем толкуют, да все впустую.

— Молчит? — спросил Эраст Петрович, поднимаясь за Мыльниковым по витой лесенке.

— Совсем наоборот. Дерзит. Я послушал

немножко и ушел. Все одно толку не будет. А у Петра Иваныча после давешнего еще и нервы прыгают. Опять же обидно ему, что не он, а мы с вами такую важную птицу зацапали, — заговорщически присовокупил Евстратий Павлович, полуобернувшись.

Допрос велся в кабинете начальника. Посреди просторной комнаты на стуле сидел знакомый Фандорину весельчак. Стул был особенный, массивный, с ремешками на двух передних ножках и подлокотниках. Руки и ноги пленника были намертво пристегнуты, так что шевелить он мог только головой. По одну сторону стоял начальник Охранного, по другую — господин приятной наружности, на вид лет двадцати семи, худощавый, с английскими усиками.

Бурляев хмуро кивнул чиновнику, пожаловался:

— Отъявленный мерзавец. Целый час бьюсь, всё без толку. Даже имени не говорит.

— Что в имени тебе моем? — задушевно спросил подполковника наглец. — Оно, голуба, умрет, как шум печальный.

Не обращая внимания на дерзость, подполковник представил:

— Зубцов, Сергей Витальевич. Я вам про него

рассказывал.

Худощавый почтительно поклонился, улыбнувшись Эрасту Петровичу самым приязненным образом.

— Счастлив быть представленным, господин Фандорин. Еще более счастлив вместе работать.

— А-а, — обрадовался арестованный. — Фандорин! То-то, смотрю, седые височки. Раньше не разглядел, не до того было. Что вы смотрите, хватайте его, господа! Это он старого осла Храпова убил.

И засмеялся, очень довольный шуткой.

— Разрешите продолжать? — спросил Зубцов разом у обоих начальников и повернулся к преступнику. — Итак, мы знаем, что вы член Боевой Группы и участвовали в покушении на генерала Храпова. Только что вы косвенно признались, что располагали описанием внешности господина статского советника. Нам известно также, что ваши соучастники в настоящее время находятся в Москве. Даже если обвинению не удастся доказать вашу причастность к покушению, вам все равно грозит самая строгая мера наказания. Вы убили человека и оказали вооруженное сопротивление представителям закона. Этого совершенно достаточно, чтобы отправить вас

на эшафот.

Петр Иванович, не выдержав, вмешался:

— Ты хоть понимаешь, подлец, что тебе на веревке болтаться? Это смерть страшная, не раз видеть приходилось. Сначала человек хрипит и бьется. Бывает, что по пятнадцати минут — это как петлю завязать. Потом из глотки язык лезет, из черепа глаза, из брюха нечистоты. Библию помнишь, про Иуду? «И когда низринулся, расселось чрево его, и выпали все внутренности его».

Зубцов с укоризной взглянул на Бурляева, очевидно, считая его тактику неправильной, арестант же на грозные слова беззаботно откликнулся:

— Ничего, похриплю и перестану. Мне уж будет все равно, а вы потом мое дерьмо подотрете. Такая у тебя служба, толстомордый.

Подполковник коротко, хрустко ударил бесстрашного человека кулаком по лицу.

— Петр Иваныч! — протестующе вскрикнул Зубцов и даже позволил себе схватить начальника за руку. — Это совершенно недопустимо! Вы роняете престиж власти!

Бурляев разъяренно повернул голову и, видно, собрался поставить забывшегося помощника на место, но тут Эраст Петрович ударил тростью по

полу и внушительно сказал:

— Прекратить!

Подполковник, тяжело дыша, высвободил руку. Террорист же плюнул на пол сгустком крови, в котором белели два передних зуба, и щербато улыбнулся, глядя на подполковника задорно блестящими синими глазами.

— Прошу извинить, господин Фандорин, — нехотя проворчал Петр Иванович. — Сорвался. Сами видите, каков это молодец. Что с таким прикажете делать?

— Ваше мнение, Сергей Витальевич? — спросил статский советник симпатичного Зубцова.

Тот смущенно потер переносицу, однако ответил сразу, без колебаний.

— По-моему, мы зря тратим время. Я бы допрос отложил.

— П-правильно. А делать, господин подполковник, надлежит следующее. Немедленно составить подробный словесный портрет задержанного. И полный бертильонаж, по всей форме. А затем описание и результаты антропометрических измерений отправьте телеграммой в Департамент полиции. Возможно, там имеется на этого человека досье. И извольте торопиться. Не позднее, чем через час депеша должна быть

в Петербурге.

И вновь, уже в который раз за последние сутки, Фандорин шел пешком вдоль Тверского бульвара, совершенно безлюдного в этот глухой час. Всякое было за долгий, никак не желавший кончаться день — и буран, и снегопад, и нежданное солнце, а ночью сделалось тихо и торжественно: неяркий свет газовых фонарей, белые, словно обернутые марлей силуэты деревьев, мягкое скольжение снежинок.

Статский советник и сам не вполне понимал, что его побудило отказаться от казенных саней, пока под ногами не захрустел звонкий, нетоптанный снег аллеи. Нужно было избавится от мучительного ощущения нечистоты, без этого все равно не уснуть.

Эраст Петрович неспешно шагал меж печальных вязов, пытаясь уразуметь — отчего во всяком деле, связанном с политикой, непременно есть привкус тухлости и грязи? Вроде бы расследование как расследование, да еще поважнее любого другого. И цель достойная — защита общественного спокойствия и интересов государства. Откуда же чувство запачканности?

Нельзя не запачкаться, вычищая грязь — это суждение Фандорину приходилось выслушивать

достаточно часто, особенно от практиков законоохраны. Однако он давно установил, что так рассуждают лишь люди, не имеющие способности к этому тонкому ремеслу. Те, кто ленятся, ищут простых способов при решении сложных вопросов, не становятся настоящими профессионалами. Хороший дворник всегда в белоснежном фартуке, потому что не сгребает грязь руками, стоя на четвереньках, а имеет метлу, лопату, совок и умеет ими правильно пользоваться. Имея дело с жестокими убийцами, бессовестными мошенниками, кровожадными выродками, Эраст Петрович никогда не испытывал такой брезгливости, как сегодня.

Почему? В чем дело?

Ответа не находилось.

Он свернул на Малую Никитскую, где фонарей было еще меньше, чем на бульваре. Здесь начался мощеный тротуар, и трость, пробивая тонкий слой снега, бодро зацокала стальным наконечником по камню.

У калитки, едва заметной в кружеве ажурных ворот, статский советник замер, не столько увидев, сколько почуяв легкое движение сбоку. Резко обернулся, на всякий случай взялся левой рукой за древко трости (внутри была узкая трид-

цатидюймовая шпага), однако тут же расслабил мускулы.

В тени ограды и в самом деле кто-то стоял, но этот кто-то явно принадлежал к слабому полу.

— Кто вы? — спросил Эраст Петрович, всматриваясь.

Фигурка приблизилась. Сначала он увидел меховой воротник шубки и полукружье собольего капора, потом, отразив свет дальнего фонаря, мерцающе вспыхнули огромные глаза на треугольном лице.

— Госпожа Литвинова? — удивился Фандорин. — Что вы здесь делаете? И в такой час!

Барышня из ларионовской квартиры подошла совсем близко. Руки она держала в пышной муфте, а глаза ее сверкали поистине неземным сиянием.

— Вы негодяй! — звенящим от ненависти голосом произнесла экзальтированная девица. — Я стою здесь два часа! Я вся окоченела!

— Отчего же я негодяй? — смутился Эраст Петрович. — Я понятия не имел, что вы ждете…

— Не поэтому! Не прикидывайтесь болваном! Вы отлично все понимаете! Вы негодяй! Я раскусила вас! Вы нарочно хотели заморочить мне голову! Прикинулись ангелом! О, я вас вижу

насквозь! Вы и в самом деле в тысячу раз хуже храповых и бурляевых! Вас надо безжалостно уничтожить!

С этими словами отчаянная барышня вынула из муфты руку, а в ней блеснул знакомый револьвер, опрометчиво возвращенный владелице чиновником.

Эраст Петрович подождал, не последует ли выстрел, а когда заметил, что рука в пуховой перчатке дрожит и дуло качается из стороны в сторону, быстро шагнул вперед, взял мадемуазель Литвинову за маленькую кисть и отвел ствол в сторону.

— Вы непременно хотите сегодня подстрелить кого-нибудь из слуг закона? — тихо спросил Фандорин, глядя в бырышнино лицо, оказавшееся совсем рядом.

— Ненавижу! Опричник! — прошептала она и ударила его свободным кулачком в грудь.

Пришлось бросить трость, взять девушку и за вторую руку.

— Ищейка!

Эраст Петрович присмотрелся повнимательней и отметил два обстоятельства. Во-первых, мадемуазель Литвинова в обрамлении припорошенного снежинками меха, в бледном свете газа,

звезд и луны была головокружительно хороша. А во-вторых, для одной только ненависти ее глаза горели что-то уж слишком ярко.

Вздохнув, он нагнулся, обнял ее за плечи и крепко поцеловал в губы — теплые вопреки всем законам физики.

— Жандарм! — выдохнула нигилистка, отстраняясь.

Однако в ту же секунду обхватила его обеими руками за шею и притянула к себе. В затылок Фандорину врезалось жесткое ребро револьвера.

— Как вы меня отыскали? — спросил он, хватая ртом воздух.

— И дурак к тому же, — заявила Эсфирь. — Сам же сказал, в каждой адресной книге…

Она снова притянула его к себе, да так яростно, что от резкого движения револьверчик пальнул в небо, оглушив Эрасту Петровичу правое ухо и распугав сидевших на тополе галок.

Глава четвертая
Нужны деньги

Все необходимые меры были приняты.

Рахмета прождали ровно час, потом снялись и перебрались на запасную явку.

Явка была скверная: домик железнодорожного обходчика близ Виндавского вокзала. Что грязно, тесно и холодно — это бы ладно, но всего одна комнатка, клопы, и, конечно, никакого телефона. Единственное преимущество — хороший обзор во все четыре стороны.

Еще затемно Грин отправил Снегиря оставить в «почтовом ящике» записку для Иглы: «Рахмет исчез. Нужен другой адрес. В десять там же».

Удобнее было бы протелефонировать связной еще от Аронзона, но осторожная Игла не оставила ни номера, ни адреса. Дом с мезонином, из которого в бинокль видны окна приватдоцентовой квартиры — вот всё, что Грин знал о ее жилище. Мало. Не отыскать.

Роль «почтового ящика» для экстраординарных сообщений исполнял старый каретный сарай в переулке близ Пречистенского бульвара — там,

между бревнами, была удобная щель: достаточно, проходя мимо, на миг сунуть руку.

Перед уходом Грин велел приват-доценту помнить о сигнализации. С их товарищем, если вернется, говорить как с незнакомым — мол, впервые вас вижу и не понимаю, о чем говорите. Рахмет не дурак, поймет. «Почтовый ящик» ему известен. Захочет объясниться — найдет возможность.

С девяти часов Грин занял наблюдательный пост возле Сухаревой башни, где вчера утром встречались с Иглой.

Место и время было удобное: народ валом валил на толкучку.

Через проходной двор, через черный ход пробрался на позицию, присмотренную еще накануне — неприметный чердачок с полузаколоченным оконцем, выходившим как раз на площадь.

Внимательно, не отвлекаясь, изучал всех, кто крутился поблизости. Лоточники были настоящие. Шарманщик тоже. Покупатели менялись, подолгу без дела ни один не слонялся.

Значит, всё чисто.

Без четверти десять появилась Игла. Прошла сначала в одну сторону, потом вернулась об-

ратно. Тоже проверяет. Это правильно. Можно спускаться.

— Плохие известия, — сказала связная вместо приветствия. Ее худое, строгое лицо было бледным и расстроенным. — Я по порядку.

Шли бок о бок по Сретенке. Грин молча слушал.

— Первое. Вечером полиция совершила налет на квартиру Ларионова. Никого не взяли. Но потом там была стрельба. Ларионов убит.

Это Рахмет, его работа, подумал Грин и ощутил одновременно облегчение и злость. Пусть только вернется, надо будет дать ему урок дисциплины.

— Второе? — спросил он. Игла только покачала головой.

— Как вы скоры на расправу. Надо было разобраться.

— Что второе? — повторил Грин.

— Где ваш Рахмет, выяснить не удалось. Как только что-нибудь узнаю, сообщу. Третье. Из города отправить вас скоро не выйдет. Мы хотели товарняком, в грузовом вагоне, но на двенадцатой версте и потом на шестидесятой железнодорожные жандармы проверяют все пломбы.

— Это ничего. Есть известие хуже, я вижу. Говорите.

Она взяла его за локоть, повела с людной улицы в пустой переулок.

— Экстренное сообщение из Центра. Привез курьер с утренним поездом. Вчера на рассвете, в тот самый час, когда вы казнили Храпова, Летучий отряд Департамента полиции разгромил явку на Литейном.

Грин нахмурился. На Литейном, в тайнике отлично законспирированной квартиры, хранилась партийная касса — все средства, оставшиеся от январского экса, когда взяли контору Кредитно-ссудного товарищества «Петрополь».

— Нашли? — коротко спросил он.

— Да. Взяли все деньги. Триста пятьдесят тысяч. Это страшный удар по партии. Велено передать, что вся надежда на вас. Через одиннадцать дней надо вносить последний взнос за типографию в Цюрихе. Сто семьдесят пять тысяч французских франков. Иначе оборудование будет изъято. Тринадцать тысяч фунтов стерлингов нужно для закупки оружия и фрахта шхуны в Бристоле. Сорок тысяч рублей обещаны смотрителю Одесского централа за организацию побега наших товарищей. И еще деньги на обычные расходы… Без кассы вся деятельность партии будет парализована. Вы должны немедленно дать ответ

— в состоянии ли Боевая Группа при нынешних обстоятельствах добыть потребную сумму.

Грин сразу не ответил — взвешивал.

— Известно, кто выдал?

— Нет. Знают только, что операцию проводил лично полковник Пожарский, вице-директор Департамента полиции.

Раз так, права отказываться у Грина не было. Упустил Пожарского на Аптекарском острове — теперь рассчитывайся за свой промах.

Однако проводить экс в нынешних условиях было чересчур рискованно.

Первое — неясность с Рахметом. Что, если арестован? Как поведет себя на допросе — угадать трудно. Непредсказуем.

Второе — мало людей. По сути дела один Емеля.

Третье — на розыск БГ наверняка подняты все полицейские службы. Город кишит жандармами, агентами и филерами.

Нет, риск выше допустимого. Не годится.

Словно подслушав, Игла сказала:

— Если понадобятся люди, у меня есть. Наш московский боевой отряд. Опыта у них мало, до сих пор только сходки охраняли, но ребята смелые, и оружие есть. А если сказать, что это для БГ,

в огонь и воду пойдут. И меня с собой возьмите. Я стреляю хорошо. Бомбы умею делать.

Грин впервые как следует посмотрел в ее серьезные, будто припорошенные пеплом глаза и увидел, что по цвету Игла похожа на него — серая, холодная. Подумал: тебя-то отчего высушило? Или с рождения такая?

Сказал вслух:

— В огонь и воду не нужно. Во всяком случае не сейчас. После скажу. Сейчас новую квартиру. Не получится с телефоном — ладно. Только чтобы со вторым выходом. В семь вечера там же. А с Рахметом, если появится, очень осторожно. Буду проверять.

Появилась мысль, где денег добыть. Без стрельбы.

Имело смысл попробовать.

У ворот Лобастовской мануфактуры Грин отпустил извозчика. Привычно подождал минуту — не выедут ли из-за угла еще одни сани, с филером — и лишь убедившись, что слежки нет, свернул на заводскую территорию.

Пока шел к главной конторе мимо цехов, мимо заснеженных клумб, мимо нарядной церкви, с интересом осматривался.

Капитально ведет дело Лобастов. И на лучших

американских фабриках не часто такой порядок увидишь.

Встречавшиеся по дороге работники шагали деловито, как-то не по-русски, и ни одной опухшей с похмелья физиономии Грин не заметил, хоть был понедельник и утро. Рассказывали, что у Лобастова за пьяный запах сразу расчет в зубы и за ворота. Зато жалованье вдвое выше других мануфактур, бесплатная казенная квартира и чуть ли не двухнедельный отпуск с половинным окладом.

Про отпуск, вероятно, были выдумки, но что рабочий день на предприятиях Тимофея Григорьевича всего девять с половиной часов, а в субботу восемь, это Грин знал наверняка.

Если б все капиталисты были как Лобастов, незачем стало бы и пожар зажигать — такая неожиданная мысль пришла в голову стальному человеку, когда он увидел крепкий кирпичный дом с вывеской «Заводская больница». Глупая мысль, потому что на всю Россию Лобастов имелся только один.

В приемной заводской конторы Грин написал короткую записочку и попросил передать хозяину. Лобастов принял посетителя сразу.

— Здравствуйте, господин Грин.

Невысокий, плотно сбитый мужчина с простым, мужицким лицом, к которому совсем не шла холеная бородка клинышком, вышел из-за широкого письменного стола, крепко стиснул гостю руку.

— Чему обязан? — спросил он, пытливо щуря живые, темные глаза. — Уж верно что-нибудь чрезвычайное? Часом не в связи со вчерашним казусом на Литейном?

Грин знал, что Тимофей Григорьевич имеет своих людишек в самых неожиданных местах, но все равно удивился такой редкостной осведомленности.

Спросил:

— Неужто и в Департаменте прикармливаете? — и тут же поморщился, как бы снимая неуместный вопрос.

Все равно не ответит. Основательный человек, сочного охряного цвета, который бывает от большой внутренней силы и крепкой уверенности в себе.

— Сказано: «Отпускай хлеб твой по водам, потому что по прошествии многих дней опять найдешь его», — фабрикант лукаво улыбнулся и по-бычьи наклонил круглую голову, и вправду лобастую. — На сколько же вас облегчили?

— Триста пятьдесят.

Лобастов присвистнул, сунул большие пальцы в карманчики жилетки. Улыбка с лица исчезла.

— Прощайте, господин Грин, — сказал он жестко. — Я человек слова. Вы — нет. Больше я дел с вашей организацией иметь не желаю. В январе я аккуратнейшим образом сделал очередной полугодовой взнос, пятнадцать тысяч, и просил до июля меня более не беспокоить. Моя мошна глубока, но не бездонна. Триста пятьдесят тысяч! Эк куда хватил.

Оскорблению Грин значения не придал. Это были эмоции.

— Я только ответил, — сказал он ровным голосом. — Нужно срочные платежи. Некоторые ждут, другие ни в коем случае. Сорок тысяч обязательно. Иначе виселица. Такое не прощают.

— А вы меня не пугайте! — окрысился заводчик. — «Не прощают». Вы думаете, я вам деньги из страха даю? Или индульгенцию на случай вашей победы покупаю?

Грин промолчал, потому что именно так и думал.

— Ан нет! Я ничего и никого не боюсь! — лицо Тимофея Григорьевича стало багроветь от сердитости, задергалась щека. — Не приведи Господь,

если вы победите! Да и не будет у вас никакой победы. Вы, поди, вообразили, что Лобастова используете? Черта с два! Это я вас использую. А если я с вами откровенен, то это потому, что вы человек прагматический, без патетики. Мы с вами одного поля ягоды. Хоть и разные на вкус. Ха-ха!

Лобастов коротко хохотнул, обнажив желтоватые зубы.

При чем здесь ягоды, подумал Грин. Зачем говорить шутками, если можно серьезно.

— Так почему помогаете? — спросил он и поправился. — Помогали.

— А потому, что понял: наших дураков надутых пугать надо, чтоб не ставили палки в колеса, чтоб не мешали умным людям страну из болота тащить. Учить их, ослов, надобно. Носом в навоз тыкать. Вот вы и потычьте. Пусть до их чугунных голов дойдет, что России либо со мной, Лобастовым, идти, либо с вами, в тартарары катиться. Третьего не дано.

— Вкладываете деньги, — кивнул Грин. — Понятно. В книгах читал. В Америке называется лоббирование. У нас парламента нет, поэтому давите на правительство через террористов. Так дадите сорок тысяч?

Лицо Лобастова сделалось каменным, только тик по-прежнему тревожил щеку.

— Не дам. Вы умный человек, господин Грин. На «лоббирование», как вы выразились, у меня отведено тридцать тысяч в год. И ни копейки больше. Если хотите — берите пятнадцать в счет второго полугодия.

Подумав, Грин сказал:

— Пятнадцать нет. Нужно сорок. Прощайте.

Повернулся и пошел к выходу. Хозяин догнал, проводил до двери.

Нешто передумал? Вряд ли. Не такой человек. Тогда зачем догнал?

— Храпова-то вы? — шепнул в ухо Тимофей Григорьевич.

Вот зачем.

Грин молча спустился по лестнице. Пока шел по заводской территории, думал, как быть дальше.

Выход оставался один — все-таки экс.

Что полиция занята розыском, даже неплохо. Значит, меньше людей на обычные нужды выделено. Например, на охрану денег.

Людей можно взять у Иглы.

Но без специалиста все равно не обойтись. Следует послать телеграмму Жюли, чтоб привезла своего Козыря.

За проходной Грин встал за фонарный столб, немного подождал.

Так и есть. Из ворот деловито выскочил неприметный человек приказчицкого вида, повертел головой и, заметив Грина, сделал вид, что дожидается конки.

Осторожен Лобастов. И любопытен.

Это ничего. От хвоста оторваться было нетрудно.

Грин прошел по улице, свернул в подворотню и остановился. Когда следом сунулся приказчик, стукнул его кулаком в лоб. Пусть полежит минут десять.

Сила партии заключалась в том, что ей помогали самые разные люди, подчас совсем неожиданные. Именно такой редкой птицей была Жюли. Партийные аскеты смотрели на нее косо, а Грину она нравилась.

Ее цвет был изумрудный — легкий и праздничный. Всегда веселая, жизнерадостная, нарядная, благоухающая неземными ароматами, она вызывала в металлическом сердце Грина какой-то странный звон, одновременно тревожный и приятный. Само имя «Жюли» было звонким и солнечным, похожим на слово «жизнь». Сложись судьба Грина иначе, он бы, наверное, влюбился

именно в такую женщину.

У членов партии не было принято много болтать о своем прошлом, но историю Жюли знали все — секрета из своей биографии она не делала.

Подростком она лишилась родителей и попала под опеку к родственнику, чиновному господину изрядных лет. На пороге старости родственнику, по выражению Жюли, «бес засел в ребро»: доверенное наследство он растратил, воспитанницу растлил, а сам в скором времени свалился в параличе. Юная Жюли осталась без гроша в кармане, без крыши над головой, но с солидным чувственным опытом. Карьера перед ней открывалась только одна — профессионально женская, и Жюли явила на этом поприще незаурядное дарование. Несколько лет она прожила в содержанках, меняя богатых покровителей. Потом «толстяки и старики» ей надоели, и Жюли завела собственное дело. Возлюбленных теперь она выбирала себе сама, как правило, нетолстых и уж во всяком случае нестарых, денег с них не брала, а доходы получала от «агентства».

В «агентство» Жюли пригласила подружек — частью таких же, как она, содержанок, частью вполне респектабельных дам, искавших приработка или приключений. Фирма очень быстро

приобрела популярность среди столичных искателей удовольствий, потому что подружки у Жюли были все как на подбор красивые, смешливые и охочие до любви, а конфиденциальность соблюдалась неукоснительно.

Но друг от дружки, и тем более от веселой хозяйки у красавиц секретов не было, а поскольку среди клиентов попадались и большие чиновники, и генералы, и даже крупные полицейские начальники, к Жюли стекались сведения самого разного свойства, в том числе очень важные для партии.

Чего в организации не знал никто, так это почему легкомысленная особа стала помогать революции. Но Грин ничего удивительного тут не находил. Жюли — такая же жертва подлого социального устройства, как батрачка, нищенка или какая-нибудь бесправная прядильщица. Борется с несправедливостью доступными ей средствами, и пользы от нее куда больше, чем от иных говорунов из ЦК.

Кроме ценнейших сведений она могла в считанные часы подыскать для группы удобную квартиру, не раз выручала деньгами, а иногда сводила с нужными людьми, потому что имела широчайшие связи во всех слоях общества.

Именно она привела Козыря. Персонаж был интересный, в своем роде не менее колоритный, чем сама Жюли.

Сын протоиерея, настоятеля одного из главных петербургских соборов, Тихон Богоявленский откатился от отеческой яблони очень далеко. Выгнанный из семинарии за богохульство, из гимназии за драку, из реального училища за кражу, он стал авторитетным налетчиком. Работал дерзко, хлестко, с фантазией и еще ни разу не попался полиции.

Когда в декабре партии понадобились большие деньги, Жюли, чуть покраснев, сказала:

— Гринчик, я знаю, вы меня осудите, но я недавно познакомилась с одним милым молодым человеком. По-моему, он может вам пригодиться.

Грин уже знал, что слово «познакомиться» в лексиконе Жюли имеет особый смысл, и насчет «милого» иллюзий не испытывал — так она называла всех своих мимолетных любовников. Но знал он и то, что Жюли слов на ветер не бросает.

Козырь в два дня определил объект, разработал план, распределил роли, и экс прошел, как по нотам. Стороны разошлись, совершенно довольные друг другом: партия наполнила кассу,

а «специалист» получил свою долю — четверть экспроприированного.

В полдень Грин отправил две телеграммы.

«Заказ принят. Будет исполнен в кратчайший срок. Г.»

Это на питерский почтамт до востребования. Вторая на адрес Жюли:

«В Москве есть работа Поповичу. Подряд такой же, как в декабре. Участок выберет сам. Жду завтра девятичасовым. Встречу. Г.»

И снова Игла пренебрегла приветствием. Видно, как и Грин, почитала условности лишними.

— Рахмет объявился. В «почтовом ящике» записка. Вот. Грин развернул листок, прочел.

«Ищу своих. Буду с шести до девяти в чайной «Суздаль» на Маросейке. Рахмет».

— Удобное место, — сказала Игла. — Там студенты собираются. Чужого человека сразу видно, поэтому филеры не суются. Это он нарочно, чтобы

мы могли проверить, нет ли слежки.

— А возле «почтового»? Не было?

Она сердито сдвинула редкие брови:

— Вы слишком высокомерны. Если вы из БГ, это еще не дает вам права считать всех остальных дураками. Конечно, я проверила. Я никогда не подхожу к «ящику», пока не уверюсь, что все чисто. Вы пойдете к Рахмету?

Грин промолчал, потому что еще не решил.

— Квартира?

— Есть. И даже с телефоном. Присяжного поверенного Зимина. Сам он сейчас на процессе в Варшаве, а сын — из нашего боевого отряда, Арсений Зимин. Надежный.

— Хорошо. Сколько людей?

Игла раздраженно произнесла:

— Послушайте, почему вы так странно говорите? Из вас слова, как гири, падают. Для впечатления, что ли? Что это значит — «сколько людей»? Каких людей? Где?

Он знал, что говорит не так, как нужно, но по-другому не получалось. В голове мысли получались стройные и ясные, смысл их был совершенно очевиден. Но когда выходили наружу, превращаясь в фразы, с них сама собой спадала вся избыточность, шелуха, и оставалось только

основное. Наверно, иногда спадало больше, чем следует.

— В отряде, — терпеливо дополнил он.

— Таких, за кого могу поручиться, шестеро. Во-первых, Арсений — он студент университета. Во-вторых, Гвоздь, литейщик с…

Грин перебил:

— Это после. Расскажете и покажете. Черный ход есть? Куда?

Она нахмурила лоб, сообразила.

— Вы про «Суздаль»? Да, есть. Через проходные дворы можно в сторону Хитровки уйти.

— Встречусь сам. Решу на месте. Чтоб в зале были ваши. Двое, лучше трое. Кто покрепче. Если уйдем с Рахметом через Маросейку, ничего. Если я один и через черный, это сигнал. Тогда убить. Смогут? Он ловкий. Если нет, я сам.

Игла поспешно сказала:

— Нет-нет. Они справятся. Им уже приходилось. Один раз шпика и еще провокатора. Я им объясню. Можно?

— Обязательно. Должны знать. Тем более на экс вместе.

— Так экс будет? — просветлела она. — Правда? Вы все-таки необыкновенный человек. Я… я горжусь, что помогаю вам. Не беспокойтесь, я все

сделаю как надо.

Слышать это было неожиданно и оттого приятно. Грин поискал, что бы ей сказать такое же приятное, и придумал:

— Не беспокоюсь. Совсем.

В чайную Грин вошел без пяти минут девять, чтобы Рахмет имел время поволноваться и осознать свое положение.

Заведение оказалось бедноватым, но чистым: низкая сводчатая зала, столы под простыми льняными скатертями, на стойке самовары и расписные подносы с грудами пряников, яблок и баранок.

Молодые люди — большинство в студенческих тужурках — пили чай, дымили табаком, читали газеты. Те, что пришли компанией, спорили, гоготали, кто-то даже пытался петь хором. При этом бутылок на столах Грин не заметил.

Рахмет устроился у маленького столика, подле окна, читал «Новое слово». На Грина взглянул мельком и перелистнул страницу.

Ничего подозрительного ни в зале, ни на улице не просматривалось. Черный ход — вон он, слева от стойки. В углу у большого двухъярусного чайника сидят двое молчаливых парней. По описанию — Гвоздь и Марат, из боевого от-

ряда. Первый длинный, мосластый, с прямыми волосами до плеч. Второй плечистый, курносый, в очках.

Грин неспешно подошел к окну, сел напротив Рахмета. Говорить ничего не стал. Пусть сам говорит.

— Здравствуй, — тихо сказал Рахмет, отложив газету, и поднял на Грина ясные синие глаза. — Спасибо, что пришел…

Слова он произносил странно, с пришепетыванием: «ждраштвуй, шпашибо». Это у него передних зубов не хватает, заметил Грин. Под глазами круги, на шее царапина, но взгляд прежний — дерзкий и без тени виноватости.

Однако сказал:

— Я, конечно, виноват. Не послушал тебя. Но и получил за это полной мерой, да еще с довеском… Уж думал, не придет никто. Ты вот что, Грин, ты послушай меня, а потом решай. Ладно?

Всё это было лишнее. Грин ждал.

— Значит, так, — Рахмет со смущенной улыбкой поправил челку, заметно поредевшую со вчерашнего дня и приступил к рассказу. — Я ведь как хотел. Думал, отлучусь на часок, прикончу паскуду и потихоньку вернусь. Лягу в кровать, задам храпака. Ты придешь меня будить — глаза-

ми похлопаю, позеваю, будто дрых без просыпу. А назавтра, как обнаружится, что Ларионова кончили, признаюсь. То-то эффект будет… Вот и вышел эффект. В общем, вляпался на Поварской в засаду. Ларионова, однако, порешить успел. Всадил гаду свинцовую маслину в мочевой пузырь. Чтоб не сразу сдох, успел о своем паскудстве подумать. А в соседней комнате у него, сукина сына, жандармы сидели. Сам господин Фандорин, твой братишка-близнец. Ну, я на улицу-то вырвался, а там уж перекрыто все. Навалились псы, скрутили, прическу вон попортили. Привозят в Охранное, в Большой Гнездниковский. Сначала начальник допрашивал, подполковник Бурляев. Потом и Фандорин приехал. И по-хорошему со мной, и по-плохому. Зубы мне Бурляев самолично проредил. Видишь, картинка? Ладно, ничего. Жив буду — золотые вставлю. Или железные. Буду железный, как ты. В общем, помучились они со мной, устали и отправили ночевать в камеру. У них там при Охранке есть такие специальные. И ничего, приличные. Матрас, занавесочки. Только руки, гады, за спиной сковали, так что сильно не разоспишься. Утром не трогали вовсе. Завтраком надзиратель с ложечки кормил, как цыпу-лялю. А вместо обеда поволокли снова наверх. Ма-

тушки-сестренки, смотрю — старый знакомец, полковник Пожарский. Тот самый, что на Аптекарском мне кепи прострелил. Чтобы меня повидать, срочно прибыл прямо из Петербурга. Я-то думал, откуда ему меня знать. На Аптекарском ведь темно было. А он увидел меня, рот до ушей. «Ба, — говорит, — господин Селезнев собственной персоной, неустрашимый герой террора!» По словесному описанию отыскал старое мое досье, ну то, по фон Боку. Сейчас, думаю, начнет удавкой пугать, как Бурляев. Ан нет, этот половчее оказался. «Вы нам, — говорит, — Николай Иосифович, просто как манна небесная. Министр на нас с директором из-за генерала Храпова ножками топает. Самому ему еще хуже — государь император грозит с должности погнать, если немедля злоумышленников не сыщет. А кто искать будет — министр? Нет, раб божий Пожарский. Не знал, с какого конца даже браться. И тут вы сами падаете нам в руки. Так бы и расцеловал». Ничего подъехал, да? Дальше хуже. «Я, — говорит, — для газеток уж и статейку приготовил. «Конец БГ близок» называется. И внизу шрифтом помельче: «Триумф нашей доблестной полиции». Мол, взят опаснейший террорист Н. С., который дал обширные и чистосердечные показания, из коих

явствует, что он является членом пресловутой Боевой Группы, только что злодейски умертвившей генерал-адъютанта Храпова. Тут, Грин, должен повиниться, дал я маху. Когда в Ларионова стрелял, сказал ему — вот тебе, предатель, от Боевой Группы. Я ж не знал, что Фандорин за дверью подслушивает… Ладно. Сижу, слушаю Пожарского. Понимаю, что на испуг берет. Мол, виселицы не боишься, так позора испугаешься. Погоди, думаю, лиса жандармская. Ты хитер, а я хитрее. Губу закусил, бровью задергал, как будто нервничаю. Он доволен, давит дальше. «Знаете, — говорит, — господин Селезнев, мы вас ради такого праздника даже вешать не станем. Черт с ним, с Ларионовым. Дрянь был человечишко, между нами говоря. А за фон Бока, конечно, каторгу пропишем, это уж непременно. Там, на каторге, вам очень славно будет, когда от вас, предателя, все товарищи отвернутся. Сами в петлю полезете». Тут я в истерику, потом покричал на них немножко, пену изо рта подпустил — я умею. И скис, вроде как духом пал. Пожарский подождал немножко и наживку мне кидает. Мол, есть и другой путь. Вы нам соучастников по БГ выдаете, а мы вам паспорт на любую фамилию. И весь мир у ваших ног — хоть Европа, хоть Америка, хоть

остров Мадагаскар. Я поломался-поломался и наживку заглотил. Написал заявление о согласии сотрудничать. Говорю об этом сразу, чтоб на мне потом не висело. Но это черт бы с ним. Хуже, что пришлось про состав группы рассказать. Клички, внешний вид. Ты погоди, Грин, ты глазами не высверкивай. Мне нужно было, чтоб поверили они мне. Почем я знаю — может, у них кое-что про нас уже было. Сверили бы, увидели, что вру, и сгорел бы я. А так Пожарский поглядел в какую-то бумажечку, головой покивал и остался доволен. Вышел я из Охранного полезным человеком, слугой престола, «сотрудником» по кличке Гвидон. Сто пятьдесят рублей выдали, первое жалованье. А делов-то всего ничего: тебя разыскать и Пожарскому с Фандориным весточку дать. Хвостов, правда, приставили. Но я от них через Хитровку ушел. Там легко затеряться, сам знаешь. Вот тебе вся моя одиссея. Сам решай, что со мной делать. Хочешь — зарой в землю, брыкаться не стану. Вон те двое, что в углу сидят, пусть выведут меня во дворик и кончат разом. А хочешь — Рахмет адье сделает красиво, как жил. Привяжу к брюху бомбу, пойду в Гнездниковский и подорву Охранку к этакой матери вместе со всеми пожарскими, фандориными и бурляевыми. Хочешь? Или еще

вот как рассуди. Может, и неплохо это, что я Гвидоном заделался? Здесь ведь тоже свои выгоды могут быть… Решай, у тебя голова большая. А мне всё одно — хоть в землю ложиться, хоть траву топтать.

Ясно было одно: заагентуренные себя так не ведут. Взгляд у Рахмета был ясный, смелый, даже с вызовом. И цвет остался прежний, васильковый, изменническая синева гуще не стала. Да и возможно ли, чтобы Рахмета за один день сломали? Он от одного упрямства так быстро не поддался бы.

Риск, конечно, все равно был. Но лучше поверить предателю, чем оттолкнуть товарища. Опаснее, но в конечном итоге себя оправдывает. С теми партийцами, кто придерживался иного мнения, Грин спорил.

Он встал, впервые за все время, заговорил:

— Идем. Работы много.

Глава пятая, в которой Фандорин страдает от уязвленного самолюбия

Пробуждение Эсфири Литвиновой в доме на Малой Никитской было поистине кошмарным. Она проснулась от тихого шороха. Сначала увидела только полутемную спальню, сквозь шторы которой просачивался скромный утренний свет, увидела рядом невозможно красивого брюнета со страдальчески приподнятыми во сне бровями и в первый момент улыбнулась. Но тут краем глаза уловила какое-то шевеление, повернула голову — и взвизгнула от ужаса.

К кровати, ступая на цыпочках, кралось жуткое, невероятное существо: с круглым, как блин, лицом, свирепыми узкими глазками, а одето в белый саван.

От визга существо замерло и согнулось пополам. Распрямилось, сказало:

— Добурое уцро.

— А-а-а, — ответила на это дрожащим от потрясения голосом Эсфирь и, обернувшись к Фандорину, схватила его за плечо, чтобы проснулся,

поскорее ее разбудил и избавил от этого наваждения.

Но Эраст Петрович, оказывается, уже не спал.

— Здравствуй, Маса, здравствуй. Я сейчас, — и пояснил: — Это мой камердинер Маса. Он японец. Вчера он из вежливости спрятался, вот вы его и не видели. Он п-пришел, потому что утром мы с ним всегда делаем г-гимнастику, а сейчас уже очень поздно, одиннадцать. Гимнастика займет сорок пять минут.

И предупредил:

— Я сейчас встану, — очевидно, ожидая, что Эсфирь деликатно отвернется.

Не дождался.

Эсфирь, наоборот, приподнялась и оперлась щекой на согнутую в локте руку, чтобы было удобней смотреть.

Статский советник помедлил, потом выбрался из-под одеяла и очень быстро оделся в точно такой же белый балахон, как у его японского камердинера.

При спокойном рассмотрении это оказался никакой не саван, а широкая белая куртка и такие же кальсоны. Похоже на нижнее белье, только ткань плотная и без завязок на штанинах.

Хозяин и слуга вышли за дверь, и минуту спу-

стя из соседней комнаты (там, кажется, была гостиная) раздался ужасающий грохот. Эсфирь вскочила, поглядела, что бы наскоро накинуть, и не нашла. Одежда Фандорина аккуратно лежала на стуле, но платье и предметы туалета, принадлежавшие Эсфири, в беспорядке валялись на полу. Корсета она как передовая девушка не признавала, но и прочую сбрую — лиф, панталоны, чулки — натягивать было слишком долго, а не терпелось посмотреть, чем это они там занимаются.

Она открыла массивный гардероб, порылась в нем и достала мужской халат с бархатной оторочкой и кистями. Халат пришелся почти в самый раз, только немножко волочился по полу.

Эсфирь наскоро заглянула в зеркало, провела рукой по черным стриженым волосам. Выглядела она совсем неплохо — даже удивительно, если учесть, что спать довелось недолго. Замечательная вещь короткая прическа. Мало того, что прогрессивная, но насколько упрощает жизнь.

В гостиной творилось вот что (Эсфирь приоткрыла дверь, бесшумно вошла и встала у стены): Фандорин и японец дрались ногами, дико вскрикивая и со свистом рассекая воздух. Один раз хозяин смачно припечатал коротышку в грудь,

так что бедняжка отлетел к стене, но не лишился чувств, а сердито заклекотал и снова кинулся на обидчика.

Фандорин крикнул что-то невразумительное, и драка прекратилась. Камердинер лег на пол, статский советник взял его одной рукой за пояс, другой за шиворот и без видимого усилия стал поднимать до уровня груди и опускать обратно. Японец висел смирно, прямой, как палка.

— Мало того, что опричник, так еще и полоумный, — вслух высказала Эсфирь свое мнение об увиденном и пошла заниматься туалетом.

За завтраком состоялось необходимое объяснение, на которое ночью не хватило времени.

— То, что случилось, не меняет сути, — строго объявила Эсфирь. — Я не деревянная, а ты, конечно, по-своему привлекателен. Но мы с тобой все равно по разные стороны баррикад. Если хочешь знать, связавшись с тобой, я рискую своей репутацией. Когда узнают мои знакомые…

— Может быть, им н-необязательно об этом знать? — осторожно перебил ее Эраст Петрович, не донеся до рта кусочек омлета. — Ведь это ваше частное дело.

— Ну уж нет, тайно встречаться с опричником я не стану. Не хватало еще, чтобы меня сочли осве-

домительницей! И не смей говорить мне «вы».

— Хорошо, — кротко согласился Фандорин. — Про баррикады я понял. Но ты больше не будешь в меня стрелять?

Эсфирь намазала булочку джемом (отличным, малиновым, от Сандерса) — аппетит у нее сегодня был просто зверский.

— Там посмотрим, — и продолжила с набитым ртом: — Я к тебе буду приезжать. А ты ко мне не езди. Распугаешь всех моих друзей. И потом, папхен с мамхеном вообразят, что я подцепила завидного женишка.

До конца прояснить позицию не получилось, потому что тут зазвонил телефон. Слушая невидимого собеседника, Фандорин озабоченно нахмурился.

— Хорошо, Станислав Филиппович. Заезжайте через пять минут. Я буду г-готов.

Извинился, сказал, что срочные дела и пошел надевать сюртук.

Через пять минут (Эсфирь видела через окно) у ворот остановились сани с двумя синешинельными. Один остался сидеть. Другой, стройный и молодцеватый, придерживая шашку, побежал к флигелю.

Когда Эсфирь выглянула в прихожую, молод-

цеватый жандарм стоял рядом с натягивавшим пальто Фандориным. Смазливый офицерик, с румяной от мороза физиономией и дурацкими подкрученными усишками поклонился, обжег любопытствующим взглядом. Эсфирь холодно кивнула Фандорину на прощанье и отвернулась.

— …Скорость невероятная, — взволнованно дорассказывал по дороге Сверчинский. — Про вчерашнее задержание с вашим участием мне известно. Поздравляю. Но чтобы уже двенадцатичасовым сам Пожарский из Петербурга! Вице-директор Департамента, весь политический сыск в его руках. Большой человек, на подъеме! Во флигель-адъютанты пожалован. Это, выходит, он сразу выехал, как получил депешу из Охранного. Видите, какое в верхах придается значение расследованию.

— Откуда вам известно о его п-приезде?

— То есть как? — обиделся Станислав Филиппович. — У меня по двадцать человек на каждом вокзале дежурят. Что они, Пожарского не знают? Проследили, как он взял извозчика и велел ехать в Гнездниковский. Протелефонировали мне, я сразу вам. Это он у вас лавры хочет похитить, ни малейших сомнений. Ишь как примчался-то!

Эраст Петрович скептически покачал головой.

Во-первых, ему случалось видеть и не таких столичных звезд, а во-вторых, судя по вчерашнему поведению арестованного, стяжать легкие лавры флигель-адъютанту вряд ли суждено.

Ехать с Малой Никитской до Большого Гнездниковского было куда ближе, чем от Николаевского вокзала, поэтому прибыли в Охранное раньше высокого гостя. Даже нос Бурляеву утерли, поскольку о приезде начальства подполковник еще не знал.

Только сели впятером — Эраст Петрович, Бурляев, Сверчинский, Зубцов, Смольянинов — определить общую линию, как пожаловал и сам полицейский вице-директор.

Вошел длинный, узкий господин совсем еще небольших лет. Смушковый картуз, английское пальто, в руке желтый портфель. Что в первый же миг приковывало и не желало отпускать взгляд — лицо: сжатый в висках продолговатый череп, ястребиный нос, скошенный подбородок, светлые волосы, черные подвижные глаза. Некрасивое, пожалуй, даже уродливое, лицо обладало редким свойством — поначалу вызывало неприязнь, однако сильно выигрывало от долгого разглядывания.

А разглядывали вновь прибывшего долго.

Сверчинский, Бурляев, Смольянинов и Зубцов вскочили, причем двое последних даже вытянулись в струнку. Эраст Петрович как старший по чину остался сидеть.

Человек с интересным лицом постоял в дверях, в свою очередь, рассматривая москвичей, и после паузы вдруг громко, торжественно сказал:

— Приехавший по именному повелению из Петербурга чиновник требует вас сей же час к себе, — и, рассмеявшись, поправился: — Вернее, прибыл к вам сам и требует только одного — чашки крепкого кофе. Знаете ли, господа, совершенно не могу спать в поезде. От сотрясения вагона мозги в голове ерзают, не дают отключиться мыслительному процессу. Вы, разумеется, господин Фандорин, — слегка поклонился гость статскому советнику. — Много наслышан. Рад работать вместе. Вы — Сверчинский. Вы — Бурляев. А вы? — вопросительно взглянул он на Смольянинова и Зубцова.

Те представились, причем на последнего приезжий взглянул с особенным вниманием.

— Ну как же, Сергей Витальевич, знаю. Читал ваши докладные записки. Дельно.

Зубцов порозовел.

— Судя по вниманию, которое оказали моей

персоне ваши филеры на вокзале, я опознан. Но все же: Пожарский, Глеб Георгиевич, прошу любить и жаловать. У нас в роду уже триста лет старшие сыновья сплошь Глебы и Георгии — в честь святого Глеба Муромского и Георгия Победоносца, наших покровителей. Что называется, традиция, освященная веками. Итак. Господин министр поручил мне лично возглавить расследование по делу об убийстве генерал-адъютанта Храпова. От нас, господа, ждут быстрых результатов. Понадобится исключительное усердие, особенно с вашей стороны, — со значением подчеркнул Пожарский последние слова и сделал паузу, чтобы москвичи в должной степени осознали смысл. — Время, господа, время дорого. Вчера ночью, когда пришла ваша телеграмма, я на счастье был у себя в кабинете. Собрал вот этот портфельчик, схватил чемодан — он у меня всегда готов на случай неожиданных отъездов — и на поезд. Сейчас десять минут пью кофе и одновременно слушаю ваши соображения. Потом поболтаем с арестованным.

Такого допроса Эрасту Петровичу видеть еще не приходилось.

— Что это он у вас прикрученный сидит, будто на электрическом стуле? — удивился князь, когда

вошли в комнату для допросов. — Слыхали про новейшее американское изобретение? Вот сюда и сюда (он ткнул сидящему в запястье и затылок) подсоединяют электроды и пропускают ток. Просто и эффективно.

— Пугать изволите? — нагло улыбнулся скованный, обнажив щербатый рот. — Напрасно. Я пыток не боюсь.

— Помилуйте, — удивился Пожарский. — Какие пытки? Мы ведь в России, а не в Китае. Велите развязать, Петр Иванович. Что за азиатчина, право.

— Отчаянный субъект, — предупредил Бурляев. — Может броситься.

Князь пожал плечами:

— Нас тут шестеро, и все исключительно крепкой комплекции. Пускай бросается.

Пока отцепляли ремешки, петербуржец с любопытством рассматривал пойманного террориста. И вдруг с чувством сказал:

— Боже мой, Николай Иосифович, вы даже не представляете, до чего я рад вас видеть. Познакомьтесь, господа. Перед вами Николай Селезнев собственной персоной, неустрашимый герой революции. Тот самый, что прошлым летом застрелил полковника фон Бока, а потом с пальбой и взрывами сбежал из тюремной кареты. Я его из

вашего описания сразу опознал. Схватил досье — и в дорогу. Ради милого дружка шестьсот верст не околица.

Трудно сказать, на кого это заявление подействовало сильнее — на ошеломленных москвичей или на арестанта, застывшего с преглупой миной на лице: губы еще раздвинуты в улыбке, а брови уже поползли вверх.

— А я — полковник Пожарский, вице-директор Департамента полиции. Раз вы, Николай Иосифович, нынче в Боевой Группе, то мы с вами уже встречались, на Аптекарском острове. Незабываемая была встреча.

И, не снижая темпа, энергично продолжил:

— Вас, душа моя, мне сам Бог послал. Я уж думал в отставку, а тут вы сами припожаловали. Так бы и расцеловал.

Он даже сделал к арестанту некое движение, будто и в самом деле намеревался его облобызать, и бесстрашный террорист поневоле вжался в спинку стула.

— Я пока в поезде ехал, статейку сочинил, — доверительно сообщил ему стремительный флигель-адъютант и вынул из портфеля исписанный листок. — Называется «Конец БГ близок». Подзаголовок — «Триумф Департамента поли-

ции». Послушайте-ка: *«Злодейское умерщвление незабвенного Ивана Федоровича Храпова недолго оставалось неотмщенным. Тело страдальца еще не предано земле, а московские сыскные органы уже арестовали опаснейшего террориста Н. С., который дал подробные показания о деятельности Боевой Группы, членом которой он является».* Тут немного со стилем не того, два раза «который», но ничего, редактор поправит. Дальше читать не буду — смысл вам понятен.

Задержанный, которого, оказывается, звали Николаем Иосифовичем Селезневым, ухмыльнулся:

— Чего уж непонятного. Угрожаете скомпрометировать меня перед товарищами?

— И это для вас будет пострашнее виселицы, — уверил его князь. — Ни в тюрьме, ни на каторге никто из политических вам руки не подаст. Зачем государству вас казнить, брать лишний грех на душу. Сами в петлю полезете.

— Ничего, не полезу. Мне веры побольше, чем вам. Приемчики Охранки моим товарищам известны.

Пожарский спорить не стал:

— Оно конечно, кто же поверит, что безупречный герой террора сломался и все выдал. Психологически недостоверно, я понимаю. Только вот…

Господи, где же они… — он порылся в своем желтом портфеле и извлек оттуда стопку небольших прямоугольных карточек. — Вот. А я уж испугался, думал, в спешке на столе оставил. Только вот, говорю, безупречный ли. Я знаю, у вас в партии нравы строгие. Вам бы лучше к анархистам, Николай Иосифович, у них оно того, поживее. Особенно с вашим пытливым характером. Полюбуйтесь-ка, господа, на эти фотографические снимки. Сделаны через потайное отверстие в одном порочнейшем заведении на Лиговке. Это вот наш Николай Иосифович, его тут сзади видать. А с ним — Любочка, одиннадцатилетнее дитя. То есть, конечно, дитя разве что в смысле возраста и телесного сложения, а по опыту и привычкам совсем даже не дитя. Но если ее биографию не знать, смотрится чудовищно. Вот, Петр Иванович, на эту посмотрите. Здесь и Николая Иосифовича хорошо видно.

Полицейские сгрудились вокруг Пожарского, с интересом рассматривая снимки.

— Взгляните, Эраст Петрович, какая гадость! — возмущенно воскликнул Смольянинов, протягивая Эрасту Петровичу одну из фотографий.

Фандорин мельком взглянул и ничего не сказал.

Арестант сидел бледный, нервно кусая губы.

— Полюбопытствуйте и вы, — поманил его пальцем князь. — Вам ведь тоже интересно. Сергей Витальевич, голубчик, дайте ему. Порвет — не страшно, еще напечатаем. В сочетании с этими снимками психологический портрет господина Селезнева получится совсем иного оттенка. Я ведь понимаю, Николай Иосифович, — снова обратился он к террористу, остолбенело пялившемуся на фотографическую карточку. — Вы не то чтобы законченный развратник, вам просто любопытно стало. Опасное качество — чрезмерное любопытство.

Пожарский вдруг подошел к нигилисту, крепко взял его за плечи обеими руками и заговорил медленно, размеренно, словно вбивал гвозди:

— Вы, Селезнев, получите не героический процесс, на котором в вас будут влюбляться дамочки из зала. В вас плюнут ваши же товарищи как в предателя и подонка, запятнавшего светлый лик революции.

Арестант завороженно смотрел на говорившего снизу вверх.

— А теперь я вам обрисую иную возможность, — князь убрал руки с плеч Селезнева, пододвинул стул и уселся, изящно закинув ногу на ногу. — Вы

человек смелый, веселый, безудержный. Что вам за интерес якшаться с этими тоскливыми страстотерпцами, вашими нудными товарищами по революционной борьбе? Они — как пчелы, которым нужно сбиваться в рой и жить по правилам, а вы одиночка, сам по себе, и законы у вас свои собственные. Признайтесь, ведь в глубине души вы их презираете. Они для вас чужие. Вам нравится играть в казаки-разбойники, рисковать жизнью, водить полицию за нос. Так я вам устрою игру поинтересней и порискованней революционной. Сейчас вы кукла в руках партийных теоретиков, которые пьют кофий со сливками в Женевах и Цюрихах, пока дурачки вроде вас поливают кровью российские мостовые. А я вам предлагаю самому стать кукловодом и дергать за ниточки всю эту волчью стаю. Уверяю вас, получите истинное наслаждение.

— Я буду за ниточки дергать их, а вы меня? — хрипло спросил Селезнев.

— Вас, пожалуй, подергаешь, — засмеялся Пожарский. — Наоборот, я буду целиком и полностью от вас зависеть. Я делаю на вас большую ставку, иду ва-банк. Если вы сорветесь, моей карьере конец. Видите, Селезнев, я с вами абсолютно откровенен. Кстати, как ваше революционное

прозвище?

— Рахмет.

— Ну а для меня вы будете… предположим, Гвидон.

— Почему Гвидон? — Селезнев озадаченно нахмурился, будто никак не поспевал за ходом событий.

— А потому что будете летать с вашего острова Буяна ко мне, в царство славного Салтана, то комаром, то мухой, то шмелем.

Внезапно Эраст Петрович понял, что вербовка уже состоялась. «Да» еще не сказано, но невидимый рубеж перейден.

Дальше и в самом деле все произошло очень быстро, в считанные минуты.

Сначала Рахмет рассеянно, как о чем-то незначащем, ответил на быстрые вопросы виртуозного дознателя о количественном составе Боевой Группы (оказалось, что их всего четверо: старший по кличке Грин, Емеля, Снегирь и сам Рахмет). Потом дал каждому яркую и сочную характеристику. Про главаря, к примеру, сказал так: «Он как Франкенштейн из английского романа, получеловек-полумашина. Когда говорит или двигается, прямо слышно, как шестерни побрякивают. Для Грина есть только черное и белое,

его не собьешь».

Так же охотно, без сопротивления Рахмет назвал адрес конспиративной квартиры и даже согласие на добровольное сотрудничество написал легко, как любовную записочку. Вид у него при этом был вовсе не испуганный и не пристыженный, а скорее задумчивый, словно человек открывал для себя новые, неожиданные горизонты и еще не вполне освоился с представившимся его взору ландшафтом.

— Идите, Гвидон, — сказал Пожарский, крепко пожав ему руку. — Ваше дело — найти Грина и отдать его нам. Задача трудная, но вам по плечу. И не бойтесь, что мы вас подведем. Вы теперь самый главный для нас человек, мы на вас молиться станем. Связь, как условлено. С Богом. А если не верите в Бога, то попутного ветра.

Едва за бывшим террористом Рахметом, новоиспеченным «сотрудником» Гвидоном закрылась дверь, Бурляев уверенно сказал:

— Сбежит. Не прикажете ли приставить к нему пару хороших филеров?

— Ни в коем случае, — покачал головой князь и зевнул. — Во-первых, филеров могут заметить, и мы его провалим. А во-вторых, не будем оскорблять нашего комарика недоверием. Я эту породу

знаю. Сотрудничать станет не за страх, а за совесть, с вдохновением и фантазией. Пока острота ощущений не притупится. Тут, господа, главное момент не упустить. А он непременно настанет, этот момент, когда наш Гвидон вдруг сообразит, что еще пикантней будет совершить двойное предательство, то есть дергать за ниточки обе куклы, полицейскую и революционную, стать самым главным кукловодом. Здесь-то наш с Николаем Иосифовичем вальс и закончится. Только бы услышать, когда музыка перестанет играть.

— Как это верно! — горячо воскликнул Зубцов, глядя на столичного психолога с неподдельным восхищением. — Я об этом много думал, только называл про себя по-другому. Вести «сотрудника», господа, — это все равно что вступить в тайную связь с замужней дамой. Надо беречь ее, искренне любить и постоянно заботиться о том, чтобы не скомпрометировать ее, не разрушить ее семейного благополучия. А когда чувство иссякнет, нужно по-доброму расстаться и подарить ей на прощанье что-нибудь приятное. Чтобы без горечи, без взаимных обид.

Пожарский выслушал взволнованную речь молодого человека с вниманием и откомментировал так:

— Романтично, но в сути верно.

— Можно мне тоже сказать? — покраснев, подал голос Смольянинов. — Вы, господин полковник, конечно, очень хитро этого Рахмета завербовали, но мне кажется, что защитникам государства не пристало действовать нечестными методами, — тут он заговорил быстро, очевидно опасаясь, что перебьют: — Я, собственно, давно хотел начистоту… Мы неправильно работаем, господа. Вот этот Рахмет командира полка застрелил, из-под ареста сбежал, нашего человека убил и еще бог знает каких дел натворил, а мы его отпускаем. Его в тюрьму надо, а мы за счет его подлости поживиться хотим, и вы еще руку ему жмете. Нет, я понимаю, что так мы дело быстрее раскроем, только нужна ли быстрота этакой ценой? Мы должны справедливость и чистоту блюсти, а мы еще больше, чем нигилисты, общество растлеваем. Нехорошо это. А, господа?

Ища поддержки, поручик оглянулся на обоих своих начальников, но Сверчинский укоризненно покачал ему головой, а Фандорин, хоть и смотрел с симпатией, ничего не сказал.

— С чего вы взяли, юноша, что государство — это справедливость и чистота? — благодушно усмехнулся Пожарский. — Хороша справедливость.

Наши с вами предки, разбойники, награбили богатств, отняв их у собственных соплеменников, и передали по наследству нам, чтобы мы могли красиво одеваться и слушать Шуберта. В моем случае, правда, никакого наследства не было, но это частность. Прудона читали? Собственность — это кража. И мы с вами стражники, приставленные охранять краденое. Так что не морочьте себе голову иллюзиями. Лучше поймите вот что, если уж не можете без морального обоснования. Наше государство несправедливо и нечисто. Но лучше такое, чем бунт, кровь и хаос. Медленно, неохотно общество становится чуть-чуть чище, чуть-чуть презентабельней. На это уходят века. А революция отшвырнет его назад, к Ивану Грозному. Справедливости все равно не будет, только появятся новые разбойники, и опять у них будет всё, а у остальных ничего. Про стражников я еще слишком поэтично выразился. Мы с вами, поручик, золотари. Чистим отхожие места, чтобы дерьмо на улицу не хлынуло. А если вы пачкаться не желаете, то снимайте синий мундир и ищите другую профессию. Это я вам не угрожаю, добрый совет даю.

И полицейский вице-директор подтвердил искренность последних слов мягкой улыбкой.

Подполковник Бурляев дождался конца отвлеченной дискуссии и деловито спросил:

— Ваше сиятельство, так я распоряжусь, чтобы квартиру приват-доцента Аронзона обложили?

— Нет. Их там давно уж след простыл. Аронзона не трогать. Иначе рискуем выдать Гвидона. Да и что нам даст приват-доцент? Ерунда, «сочувствующий». Сообщит приметы боевиков? Так мы их теперь и так знаем. Меня больше Игла эта занимает, партийная связная. Вот на кого бы выйти, и тогда…

Оборвав на полуслове, князь вдруг стремительно вскочил на ноги, в два шага подлетел к двери и рывком распахнул ее. Прямо в проеме застыл жандармский офицер с очень светлыми волосами и поросячьим цветом лица, которое прямо на глазах сделалось еще розовее. В офицере Эраст Петрович узнал штабс-ротмистра Зейдлица, преторианца генерала Храпова, который ныне находился в анатомическом театре и ни в чьей охране более не нуждался.

— Я… Я к господину Бурляеву. Узнать, не удалось ли выйти на след убийц… Мне шепнули, что вчера ночью произведен арест… Вы ведь князь Пожарский? А я…

— Я знаю, кто вы, — резко оборвал его флигель-

адъютант. — Вы человек, проваливший задание огромной важности. Вы, Зейдлиц, преступник и предстанете перед судом. Я запрещаю вам отлучаться из Москвы до особого распоряжения. Что вы вообще здесь делали? Подслушивали под дверью?

Уже в третий раз за короткий срок с петербуржским гостем произошла решительная метаморфоза. Благодушный с коллегами и напористый с Рахметом, с проштрафившимся жандармом он был резок до грубости.

— Я не позволю! — вспыхнул Зейдлиц, чуть не плача. — Я офицер! Пусть под суд, но вы не имеете права со мной так! Я знаю, что мне нет прощенья. Но, клянусь, я искуплю!

— В арестантских ротах искупите, — бесцеремонно перебил его князь и захлопнул дверь перед носом несчастного штабс-ротмистра.

Когда Пожарский обернулся, в его лице не было и тени гнева — лишь сосредоточенность и азарт.

— Всё, господа, к делу, — сказал он, потирая руки. — Распределим роли. На вас, Петр Иванович, агентурная работа. Прощупайте все революционные кружки, все связи. Отыщите мне если не Грина, то хотя бы мадемуазель Иглу. И еще вашим филерам задание — сесть на хвост Зейдлицу

и его людям. После взбучки, которую я устроил этому остзейскому барбосу, он землю носом рыть будет. Ему сейчас нужно шкуру спасать, поэтому он проявит чудеса рвения. И в методах особенно миндальничать не будет. Пускай потаскает каштаны из огня, а кушать их будем мы. Теперь вы, Станислав Филиппович. Раздать приметы преступников вашим людям на вокзалах и заставах. Вы отвечаете за то, чтобы Грин не покинул пределов Москвы. А я, — князь лучезарно улыбнулся, — поработаю по линии Гвидона. В конце концов, это только справедливо, потому что завербовал его я. Поеду в «Лоскутную», сниму хороший номер и отосплюсь. Сергей Витальевич, вас попрошу все время быть у аппарата на случай, если поступит сигнал от Гвидона. Немедленно дадите мне знать. Всё будет отлично, господа, вот увидите. Как говорят галлы, не будем опускать нос.

Возвращались на санях в полном молчании. Смольянинов, кажется, и не прочь был бы высказаться, но не решался. Сверчинский встревоженно вертел холеный ус. Фандорин же выглядел непривычно вялым и подавленным.

Честно говоря, было с чего.

В блеске столичной знаменитости лестный

ореол, окружавший статского советника, изрядно потускнел. Из персоны первой величины, к каждому слову и даже молчанию которой окружающие прислушивались с почтительным вниманием, Эраст Петрович превратился в фигуру необязательную и даже несколько комичную. Собственно, кто он теперь такой? Следствие возглавил опытный, блестящий специалист, который справится с задачей явно лучше, чем московский чиновник особых поручений. Успеху розыска будет способствовать и то, что означенный специалист явно не стеснен излишней щепетильностью. Впрочем, в этой мысли Фандорин сразу раскаялся как в недостойной и нашептанной уязвленным самолюбием.

Главная причина для расстройства заключалась в ином — статский советник честно себе в этом признался. Первый раз судьба свела его с человеком, обладавшим большим сыскным дарованием. Ну, может быть, не в первый, а во второй. Давным-давно, еще в самом начале карьеры, Эрасту Петровичу встретился другой такой же талант, но вспоминать ту припорошенную временем историю он очень не любил.

И ведь устраниться от расследования тоже было нельзя. Это означало бы, пойдя на пово-

ду у гордости, предать добрейшего Владимира Андреевича, ожидавшего от своего помощника содействия и даже спасения.

Доехали до Жандармского управления и все так же молча проследовали в кабинет Сверчинского. Здесь выяснилось, что полковник по дороге тоже думал о генерал-губернаторе.

— Беда, Эраст Петрович, — хмуро, без обычных экивоков заговорил Станислав Филиппович, когда уселись в кресла и задымили сигарами. — Вы заметили, что он даже представляться Владимиру Андреевичу не поехал? Всё, старику конец. В высших сферах вопрос решен. Это ясно.

Смольянинов жалостливо вздохнул, а Фандорин с грустью покачал головой:

— Для князя это будет страшным ударом. Он хоть и в преклонных летах, но т-телесно и умственно еще вполне бодр. И городу под ним было хорошо.

— Черт с ним, с вашим городом, — жестко сказал полковник. — Главное, что нам с вами под Долгоруким хорошо. А без него будет плохо. Меня, разумеется, в должности начальника управления не утвердят. Да и ваше привольное житье закончится. У нового генерал-губернатора будут свои доверенные лица.

— Н-наверное. Но что же тут можно сделать?

Осторожного Станислава Филипповича было прямо не узнать.

— А то. Надо оставить Пожарского с носом.

— Вы предлагаете найти террористов раньше, чем это сделает п-полковник Пожарский? — не столько спросил, сколько констатировал чиновник.

— Именно. Но этого мало. Этот князек слишком шустр, нужно его нейтрализовать.

Эраст Петрович чуть не поперхнулся сигарным дымом.

— Станислав Филиппович, Г-Господь с вами!

— Не убить, конечно. Этого еще недоставало. Есть способы и получше, — голос Сверчинского стал мечтательным. — Например, выставить этого попрыгунчика дураком. Сделать смешным. Эраст Петрович, дорогой мой, нужно показать, что мы, «долгоруковские», стоим побольше, чем заезжий столичный хлюст.

— Я, собственно, от расследования не отказался, — заметил статский советник. — При распределении «ролей» господин Пожарский оставил меня б-без дела. А сидеть сложа руки я не привык.

— Вот и превосходно, — полковник вскочил и

энергично прошелся по комнате, что-то обдумывая. — Итак, вы задействуете ваш аналитический талант, уже не раз всех нас выручавший. А я позабочусь о том, чтобы князек стал всеобщим посмешищем, — и дальше Станислав Филиппович забормотал себе под нос что-то невразумительное: — «Лоскутная», «Лоскутная»… Там у меня этот, как его… Ну который коридорными ведает… Терпугов? Сычугов? Черт, неважно… И Коко, да, непременно Коко… То, что нужно…

— Эраст Петрович, а мне с вами можно? — шепотом спросил поручик.

— Боюсь, что я теперь превратился в частное лицо, — так же тихо ответил Фандорин и, видя, как расстроенно вытянулась свежая физиономия поручика, сказал в утешение. — Очень жаль. Вы бы мне очень п-пригодились. Ну да ничего, все равно ведь общую работу делаем.

От управления до дома было не более пяти минут неторопливого хода, однако статскому советнику этого времени вполне хватило, чтобы найти в розыске свою нишу — увы, узковатую и не очень-то обнадеживающую.

Рассуждал Фандорин так.

Пожарский выбрал для себя самый короткий путь, чтобы выйти на БГ, — через Рахмета-Гви-

дона.

Охранка станет подбираться к боевикам окольными тропинками, отрабатывая революционные цепочки.

Жандармы готовы сцапать террористов при попытке покинуть Москву.

Еще есть Зейдлиц, который пойдет напролом, как медведь сквозь валежник, но действовать будет методами, о которых даже думать не хочется. При этом на хвосте у него повиснут филеры Мыльникова.

Таким образом, Боевая Группа во главе с господином Грином обложена со всех сторон. Деться ей некуда. Частному расследователю с туманными полномочиями вклиниться вроде бы тоже некуда. И без него столько вокруг расследователей — того и гляди затопчут.

Но были три мотива, настойчиво побуждавших Эраста Петровича к немедленным и решительным действиям.

Жалко старого князя. Это раз.

Нельзя проглотить оскорбление, нанесенное господином Грином, который посмел использовать для своей дерзкой акции маску статского советника Фандорина. Это два.

И три. Да-да, три: задетое самолюбие. Еще по-

смотрим, ваше питерское сиятельство, кто чего стоит и на что способен.

От ясной формулировки мотиваций голова заработала лучше и четче.

Пускай соратники всей толпой ищут Боевую Группу. Поглядим, отыщут ли и как скоро. А мы станем искать предателя в рядах защитников закона. Это, пожалуй, поважнее, чем поимка террористов, хоть бы даже и очень опасных.

И как знать — не окажется ли этот путь к пресловутой БГ самым коротким.

Впрочем, последнее соображение имело явный привкус самообмана.

Глава шестая
Экс

К поездам Грин, конечно, выходить не стал. Сел в кофейне зала для встречающих, заказал чаю с лимоном и стал смотреть на перрон через окно.

Было интересно. Такого количества шпиков на одном пятачке он не видел даже во время высочайших выездов. Чуть не треть провожающей публики состояла из пронырливых господ с рыскающим взглядом и гуттаперчевыми шеями. Особенный интерес филеры явно испытывали к брюнетам худощавого телосложения. Ни одному из них не удалось беспрепятственно проследовать до состава — брюнетов вежливо брали под локоток и отводили в сторонку, к двери с табличкой «Дежурный смотритель». Очевидно, там находился кто-то из видевших Грина в Клину.

Почти сразу же брюнетов отпускали, и они, возмущенно оглядываясь, торопились назад на платформу. Однако доставалось и блондинам, и даже рыжим — таскали на проверку и их. Значит, у полиции хватило фантазии предположить, что разыскиваемый мог перекраситься.

Только вот недостало воображения представить, что убийца Храпова появится не среди отъезжающих, а среди встречающих. В зале, где расположился Грин, было пусто и мирно. Ни шпиков, ни синих мундиров.

Именно на это Грин и рассчитывал, когда отправился встречать девятичасовой, на котором должен был приехать Козырь. Риск, конечно, но все дела со «специалистом» он предпочитал вести сам.

Поезд прибыл точно по расписанию, и здесь обнаружилась неожиданность. Еще раньше, чем Козыря, Грин разглядел в потоке прибывших Жюли. Не обратить внимания на фиолетовые страусовые перья, покачивавшиеся над широкополой меховой шляпой, было бы затруднительно. Жюли выделялась из толпы, как райская птица в стае черно-серых ворон. Носильщики тащили за ней чемоданы и шляпные коробки, а рядом, засунув руки в карманы, легкой, танцующей походкой шел красивый молодой человек: узкое пальто с бобровым воротником, американская шляпа, черная ленточка подбритых усиков. Господин Козырь, специалист по эксам, собственной персоной.

Грин подождал, пока эффектная пара выйдет на

площадь к месту стоянки извозчиков и неспешно двинулся следом.

Подошел сзади, спросил:

— Жюли, а вы зачем?

Козырь резко обернулся, не вынимая рук из карманов. Узнал, коротко кивнул.

Но Жюли сдержанностью никогда не отличалась. Ее свежее личико просияло счастливой улыбкой.

— Гриночка, милый, здравствуйте! — воскликнула она и, бросившись Грину на шею, звонко чмокнула его в щеку. — Как я рада вас видеть! — и шепотом: — Я так горжусь вами, так беспокоюсь за вас. Вы знаете, что вы теперь самый главный герой?

Козырь сказал, насмешливо кривя губы:

— Не хотел брать. Говорил, по делу еду, не для баловства. Да разве ей втолкуешь.

Это верно, перечить Жюли было трудно. Когда она чего-то очень хотела, то налетала африканским смерчем: обволакивала ароматом духов, засыпала миллионом торопливых слов, одновременно требовала, хохотала, молила, грозила, а шальные синие глаза сверкали бесовскими огоньками. В Париже на выставке Грин видел портрет какой-то актриски, написанный модным

художником Ренуаром. Будто с Жюли писано — одно лицо.

Лучше бы Козырь приехал один, для дела проще. Но все равно Грин обрадовался. Оттого, что эта радость была неправильная, сдвинул брови и сказал строже нужного:

— Зря. По крайней мере не мешайте.

— Разве я когда-нибудь мешала? — надула она губки. — Я буду вести себя тихо-тихо, как мышка. Вы меня не увидите и не услышите. Мы сейчас куда? На квартиру или в гостиницу? Я должна принять ванну и привести себя в порядок. На меня, наверно, смотреть жутко.

Смотреть на нее было совсем не жутко, и она отлично это знала, поэтому Грин отвернулся. Жестом подозвал «ваньку»:

— Гостиница «Бристоль».

— Отчего же нельзя, можно. Хоть сегодня. Если сыщется десяток фартовых ребят, — лениво протянул Козырь, полируя наманикюренный ноготь.

В этой нарочитой ленивости, очевидно, и заключался высший бандитский шик.

— Сегодня? — недоверчиво переспросил Грин. — Вы уверены?

Специалист невозмутимо пожал плечами:

— Козырь языком не чешет. Полмиллиона возьмем, вряд ли меньше.

— Где? Как?

Налетчик улыбнулся, и Грину вдруг стало понятно, что Жюли нашла в этом фатоватом парне: от широкой, белозубой улыбки смуглая физиономия Козыря приобрела выражение мальчишеской бесшабашности и удали.

— Про «где» я потом скажу. Про «как» тем более. Сначала надо съездить, принюхаться. У меня на Москве две богатые малявы присмотрены: казначейство военного округа и экспедиция заготовления государственных бумаг. Выбрать надо. И ту, и другую взять можно, если крови не бояться. Охрана большая, а так сложности никакой.

— А без крови нельзя? — спросила Жюли.

Она успела переодеться в алый шелковый халат и распустить волосы, но до ванной пока так и не добралась. Номер, заказанный Грином для Козыря, ее не устроил — чемоданы из саней отнесли в бельэтаж, в апартаменты «люкс». Ее дело. Грин не понимал, что хорошего находят люди в роскоши, но относился к этой слабости без осуждения.

— Без крови только яблоки воруют, — небрежно обронил Козырь, поднимаясь. — Моя доля

— треть. На дело вечером пойдем. Если в казначейство — в половине шестого. Если сегодня из экспедиции вывоз будет, то в пять.

Дайте своим знать, чтоб на квартире собрались. Револьверы, бомбы понадобятся. И сани. Легкие, американка. Полозья салом смазать. И конь, само собой, чтоб быстрый, как ласточка. Здесь будьте. Часа через три вернусь.

Когда Козырь ушел, а Жюли отправилась в ванную, Грин покрутил ручку настенного «эриксона» и попросил гостиничную телефонистку дать абонента 38–34. После нескладной эвакуации с Остоженки он заставил-таки Иглу назвать свой номер — связь через «почтовый ящик» для нынешних обстоятельств выходила слишком медленная.

Услышав в слуховой трубке женский голос, сказал:

— Это я.

— Здравствуйте, господин Сивере, — ответила Игла, назвав условленное имя.

— Отправка товара произойдет сегодня. Партия большая, понадобятся все ваши работники. Пусть немедленно отправляются в контору и ждут там. Пусть захватят инструменты, полный набор. И еще будут нужны сани. Быстрые и легкие.

— Я все поняла. Сейчас же распоряжусь, — голос Иглы взволнованно дрогнул. — Господин Сивере, я вас очень прошу… Нельзя ли и мне принять участие? Я буду вам полезна.

Грин молчал, недовольно глядя в окно. Нужно было отказать так, чтобы не обидеть.

— Считаю лишним, — наконец сказал он. — Людей вполне достаточно, а вы принесете больше пользы, если…

Он не договорил, потому что в этот миг две обнаженные, горячие руки мягко обняли его сзади за шею. Одна, расстегнув пуговицу, скользнула под рубашку, другая погладила по щеке. Шею сзади щекотнуло теплое дыхание, а потом обожгло прикосновение нежных губ.

— Не слышу, — пропищал в ухо тонкий голос. — Господин Сивере, я вас перестала слышать!

Забравшаяся под рубашку рука стала вытворять такое, что у Грина перехватило дыхание.

— …Если будете на телефоне, — еле выдавил он.

— Но я же просила! Я же говорила, что обладаю всеми необходимыми навыками! — не унималась трубка.

А в другое ухо низкий, грудной голос напевал:

— Гриночка, милый, ну же…

— Вы… выполняйте что велено, — пробормотал Грин в трубку и дал отбой.

Обернулся. Увидел розовое, сияющее, горячее, отчего в прочной стальной оболочке образовалась трещинка. Трещинка быстро поползла, расширилась, и из нее хлынуло давно забытое и упрятанное, парализуя разум и волю.

* * *

Инструктаж начался в половине третьего.

На квартире у присяжного поверенного, который вел сейчас в Варшаве громкое дело о гусаре, застрелившем от несчастной любви ветреную актрису, собралась большая компания: одиннадцать мужчин и одна женщина. Говорил один, остальные слушали — так внимательно, что выступавшему позавидовал бы сам профессор Ключевский.

Слушатели, расставив стулья полукругом, сидели вдоль трех стен адвокатского кабинета, а на четвертой стене висел приколотый булавками лист плотной бумаги, по которому инструктор чертил углем квадраты, кружки и стрелки.

Грин уже был посвящен в план акции — Козырь рассказал по дороге из гостиницы, поэтому смотрел не столько на схему, сколько на слушателей.

Диспозиция была толковая, простая, но сработает ли, целиком зависело от исполнителей, большинство из которых в эксах никогда не участвовали и свиста пуль не слышали.

Положиться можно было на Емелю, Рахмета и самого Козыря. Снегирь будет стараться, но зелен и пороха не нюхал. Что представляют собой шестеро парней из московского боевого отряда, и вовсе неизвестно.

Гвоздя, рабочего с Гужоновского завода, и Марата, студента-медика, Грин видел в чайной на Маросейке. Там они проявили себя только тем, что от усердия и недостатка опыта слишком пялились на Рахмета и этим себя выдали. Остальные четверо — Арсений, Бобер, Шварц и Нобель (последние двое, студенты-химики, взяли клички в честь изобретателей пороха и динамита) — выглядели совсем мальчиками. А иметь дело придется с бывалыми стражниками. Как бы они не перестреляли всю эту прогимназию.

В углу, старательно сдвинув брови, сидела Жюли, которой здесь делать было совершенно нечего. Глядя на нее, Грин почувствовал, что краснеет, а такого с ним не случалось уже лет десять. Усилием воли он загнал обжигающие воспоминания о сегодняшнем событии поглубже для

последующего анализа. Самоуважению и прочности защитной оболочки нанесен значительный ущерб, но ее наверняка можно восстановить. Надо только придумать как. Не сейчас. Позже.

Он взглянул на Козыря — не виновато, а оценивающе. Как повел бы себя специалист, если бы узнал? Ясно, что акция была бы сорвана, так как с точки зрения уголовной морали Козырю нанесено смертельное оскорбление. Вот в чем главная опасность, сказал себе Грин, но, еще раз посмотрев на Жюли, вдруг усомнился: в этом ли? Главная опасность, конечно же, заключалась в ней.

Она легко сломала стальную волю и железную дисциплину. Она была самое жизнь, которая, как известно, сильнее любых правил и догм. Трава прорастает через асфальт, вода пробивает скалы, женщина размягчит самое твердое сердце. Особенно такая женщина.

Пускать Жюли в революцию было ошибкой. Радостные, розовые, сулящие счастливое забвенье подруги — не для крестоносцев революции. Им по пути с серо-стальными амазонками. Такими, как Игла.

Вот кто должен был бы сидеть здесь, а не Жюли, только отвлекающая мужчин от дела своим пест-

рым оперением. Но обиженная Игла привела людей на квартиру и ушла, не дождавшись Грина. Снова он виноват — плохо поговорил с ней по телефону.

— Ну, что лбы в гармошку собрали? — усмехнулся Козырь, вытирая запачканные руки о черные, дорогой английской шерсти брюки. — Не пузырься, революция. Налет — дело фартовое, он кислых не любит. Весело надо, на кураже. А кто свинцовую дулю скушает, стало быть, судьба такая. Молодому помирать слаще пряника. Это старому да хворому страшно, а нашему брату все равно что стакан спирта в морозный день укушать — обожжет, да отпустит. Вам, бакланам, и делать-то особо нечего, всё главное мы с Грином обштопаем. А потом так, — обратился он уже непосредственно к Грину. — Бросаем слам в саночки и гоним до постоялого двора «Индия», где нас будет Жюльетта поджидать. Место базарное, торговое, мешками там никого не удивишь. Пока я лошадь гоню, надо поверх казенных сургучей обычную мешковину натянуть, и ни в жизнь никто не скумекает, что у нас там не лаврушка, а шестьсот кальмотов. Как в номере засядем — дележ. Согласно уговору: два мне, четыре вам. И адью, до нескорого свидания. С такого слама

Козырь долго гулять будет, — он подмигнул Жюли. — В Варшаву поедем, оттуда в Париж, а из Парижа куда захочешь.

Жюли нежно, ласково улыбнулась ему и точно так же улыбнулась Грину. Поразительно, но в ее взгляде Грин не прочел и тени виноватости или смятения.

— Расходитесь, — сказал он и поднялся. — Сначала Козырь и Жюли. Потом Гвоздь и Марат. Потом Шварц, Бобер и Нобель.

Провожая в прихожей, давал последние наставления. Старался говорить ясно, не проглатывая слов:

— Бревно сбросить без десяти, не позже, но и не раньше. А то дворники могут откатить… Стрелять, не высовываясь из укрытия. Выставил руку и пали. Важно не подстрелить их, а оглушить и делом занять… Главное, чтоб из вас никто под пулю не попал. Раненых уносить некогда будет. И оставлять нельзя. Кто ранен и не может идти — стреляться. Слушайтесь Рахмета и Емелю.

Когда ушли трое последних, Грин запер дверь и хотел вернуться в кабинет, но вдруг заметил, что из кармана его черного пальто, висевшего на вешалке, высовывается белый уголок. Что это — понял сразу.

Застыл на месте, приказал сердцу не сбиваться с ритма. Достал листок, поднес к самым глазам (в прихожей было темновато), прочел.

> Город закупорен жандармами. Вам нельзя показываться на вокзалах и заставах. Блокадой города командует полковник Сверчинский. Сегодня ночью он будет находиться на Николаевском вокзале в комнате дежурного смотрителя. Попробуйте этим воспользоваться — нанесите отвлекающий удар.
>
> И самое важное. Берегитесь Рахмета. Он — предатель.
>
> ***ТГ***

Мельком отметив, что записка напечатана не на «ундервуде», как прежде, а на «ремингтоне», Грин потер рукой лоб, чтобы мозг работал быстрей.

— Грин, ты чего там застрял? — раздался голос Емели. — Иди сюда!

— Сейчас! — отозвался он. — Только в уборную.

В ватер-клозете прислонился к мраморной стене, стал отсчитывать пункты для размышления, начиная от менее существенного.

Откуда взялось письмо? Когда? На вокзал Грин ездил не в черном пальто, а в рахметовой бекеше — на всякий случай брал с собой бомбу, а в бекеше удобные карманы. Пальто весь день провисело на вешалке. Значит, круг сжимается. Всех, кто сейчас в Петербурге, можно исключить. Москвичей тоже. Если, конечно, ТГ — это один человек, а не двое или несколько. Может быть, «Г» — тоже значит «группа»? Террористическая группа? Бессмыслица. Ладно, об этом потом.

Сверчинский. Если бы не экс — отличная идея. Казнить крупного жандармского чина, а заодно проредить заслон. Отвлекающий удар — это правильно. Тут ведь что важно — не самим из Москвы ноги унести, а деньги переправить. Время не терпит. Хватит ли только сил на две акции? Это станет понятно после экса.

И только теперь дошла очередь до самого трудного, что в записке было подчеркнуто синим карандашом.

Рахмет — предатель? Возможно ли это?

Да, ответил себе Грин. Возможно.

Тогда становится понятен вызов и торжество в рахметовом взгляде. Он не сломлен жандармами, он разыгрывает новую роль. Мефистофеля, Ваньки Каина или кем там он себя воображает.

А если сведения ТГ неверны? Прежде ТГ ни разу не ошибался, но здесь речь идет о жизни товарища.

Грин позаботился о том, чтобы со вчерашнего дня Рахмет не выходил из квартиры. Сегодня велел Емеле не спускать с штрафника глаз, что после ночной вылазки бывшего улана подозрительным не показалось.

План был такой: выделить Рахмету на эксе самую рискованную задачу. Что лучше дела покажет, честен человек или нет?

Но теперь выходило, что брать Рахмета на экс нельзя.

Приняв решение, Грин нажал медную кнопку водослива, последнего новшества гигиенической техники, и вышел из уборной.

Рахмет, Емеля, Снегирь и Арсений, сын отсутствующего хозяина, стояли подле исчерченной углем схемы.

— Ага, наконец-то, — обернулся Снегирь, возбужденно блестя глазами. — Мы тут беспокоимся, справитесь ли вы с Козырем вдвоем. Все-таки вас только двое, а нас целая орава.

— Больно рискованно, — поддержал мальчика Рахмет. — И потом, ты не слишком доверяешься этому поповскому Рокамболю? Как бы он не

сделал ручкой со всеми деньгами. Давай я с вами буду, а бомбу кинет Емеля.

— Нет, бомбу я! — воскликнул Снегирь. — Емеля должен ребятами командовать.

Испугался опасности или другое? — подумал Грин про Рахмета. Сухим, не допускавшим возражений голосом сказал:

— Мы с Козырем справимся вдвоем. Бомбу бросит Емеля. Бросил — и беги за угол. Не жди пока разорвется. Только крикни сначала, чтобы поняли, кто бросил. За стенку — и командуй, когда стрелять. А Рахмет на экс не пойдет.

— То есть как это?! — взвился Рахмет.

— Нельзя, — объяснил Грин. — Сам виноват. Ты в розыске. Приметы у всех филеров. Только нас провалишь. Сиди тут, у телефона.

* * *

Двинулись в четверть пятого — чуть раньше, чем следовало.

Во дворе Грин оглянулся.

Рахмет стоял у окна. Увидел, махнул рукой. Вышли из подворотни в переулок.

— А черт, — сказал Грин. — Шомпол забыл. Нельзя — вдруг патрон заклинит.

Снегирь, весь пунцовый от волнения, пред-

ложил:

— Давай сбегаю. Где он у тебя? На тумбочке, да? — и уж кинулся бежать, но Емеля ухватил его за шиворот.

— Стой, шебутной! Нельзя тебе возвращаться. Первый раз на акцию идешь — поганая примета.

— В санях посидите, я сейчас, — бросил Грин и повернул назад.

Во двор сразу не пошел, осторожно выглянул из подворотни. У окна никто не стоял.

Быстро перебежал двор, поднялся по лестнице до бельэтажа. Нарочно смазанный замок не скрипнул.

Проник в квартиру бесшумно — сапоги оставил на лестнице.

Крадучись миновал столовую. Из кабинета, где телефонный аппарат, донесся голос Рахмета:

— Да-да, двенадцать — семьдесят четыре. И побыстрей, барышня, срочное дело… Охранное? Это Охранное отделение? Мне…

Грин кашлянул.

Рахмет уронил рожок и проворно обернулся.

В первый миг его лицо сделалось странным — лишенным всякого выражения. Грин догадался: это он не понял, расслышаны ли роковые слова, еще не знает, какую роль ему играть — товарища

или предателя. Вот, стало быть, какое у Рахмета настоящее лицо. Пустое. Будто классную доску вытерли сухой тряпкой, и остались мучнистые разводы.

Но пустым лицо оставалось не более секунды. Рахмет понял, что раскрыт, и уголок рта оттянулся в глумливой усмешке, глаза презрительно сузились.

— Что, Гринчик, не поверил боевому соратнику? Ну и ну, не ожидал от тебя, малахольного. Что вытянулся, как оловянный солдатик?

Грин стоял неподвижно, держа руки по швам, и не шелохнулся даже тогда, когда васильковый человек с выщербленной улыбкой выхватил из кармана «бульдог».

— Что ж ты один? — прошепелявил Рахмет. — Без Емели, без Снегирька? Или стыдить меня пришел? Только ведь у меня, Гринуля, стыда нет. Сам знаешь. Жалко, придется тебя в минус перевести. Живьем сдать вышло бы эффектней. Что вылупился? Ненавижу тебя, истукана.

Выяснить оставалось только одно — давно ли Рахмет сотрудничает с Охранкой или заагентурен только вчера.

Грин так и спросил:

— Давно?

— Да считай, с самого начала! Меня давно тошнит от вас, скучнорылых. А больше всего от тебя, чугунный ты болван! Я вчера встретил человека куда полюбопытней, чем ты.

— Что такое «ТГ»? — на всякий случай спросил Грин.

— А? — удивился Рахмет. — Что-что?

Других вопросов не было, и Грин больше терять времени не стал. Метнул нож, зажатый в правой ладони, и кинулся на пол, чтобы не задело выстрелом. Но выстрела не было.

«Бульдог» упал на ковер, а Рахмет схватился обеими руками за черенок, торчавший из левой половины груди. Опустил голову, с удивлением разглядывая диковинный предмет, рванул его из раны. Кровь залила весь перед рубашки, Рахмет повел невидящим взглядом по комнате и рухнул лицом вниз.

— Едем, — сказал Грин, с разбегу плюхаясь в сани и пряча под сиденье сундучок с самым необходимым: взрыватели, фальшивые документы, запасное оружие. — Завалился под стул. Еле нашел. До Хлудовского вместе. Там вылезете, а я на встречу с Козырем. И вот что. Сюда не возвращаться. После экса к обходчику. Арсений тоже.

Козырь уже прохаживался вдоль тротуара, одетый коммивояжером средней руки: в бобровом картузе, коротком пальто, клетчатых брюках, щегольских белых бурках. Грин, как условились, нарядился приказчиком.

— Где тебя черти носили? — прикрикнул на него «специалист», входя в роль. — Лошадь вон привяжи да сюда ступай.

Когда Грин подошел, налетчик подмигнул и вполголоса сказал:

— Ну мы с вами и парочка. Я таких гуськов на заре юности любил потрошить. Поглядели бы на Жюльетку — и вовсе не узнали бы. Я ее мещаночкой вырядил, чтоб в «Индии» не пялились. Шуму было, скандалу! Не желала уродоваться, ну ни в какую.

Грин отвернулся, чтобы не тратить время на пустые разговоры. Осмотрел позицию и определил ее как идеальную. «Специалист» свое дело знал.

Узкая Немецкая улица, по которой приедет карета, вытянулась прямой линией от самого Кукуйского моста. Конвой будет виден издалека, хватит времени присмотреться и подготовиться.

Перед самым перекрестком поперек мостовой валялось длинное бревно, какой нужно толщины — конный переедет легко, но сани встанут. Еще

через полсотни шагов справа виднелся зазор между домами: Сомовский тупик. Там, за каменной церковной оградой, уже должны были сидеть в засаде стрелки. Из-за угла высунулась голова. Емеля. Высматривает.

План Козыря был хороший — простой и крепкий, осложнений не предвиделось.

Вечереть еще не начало, но по краям неба свет уже потускнел, прибавил мутно-серого. Через полчаса сгустятся сумерки, но акция к тому времени уже закончится, а для отрыва темнота кстати.

— Сейчас пять, — сообщил Козырь, щелкнув крышкой богатых часов на толстой платиновой цепочке. — Выезжают из экспедиции. Минут через пяток увидим.

Он был упругий, собранный, в глазах играли веселые искорки. Подшутила судьба над протоиереем — подбросила в постное поповское семейство этакого волчонка. Грина заинтересовал теоретический вопрос: что делать с такими Козырями в свободном, гармоничном обществе? Ведь природа все равно будет их поставлять в определенной пропорции. Врожденную склонность воспитанием не всегда переломишь.

Придумал: опасные профессии, требующие

людей авантюрного склада, останутся. Вот для чего пригодятся Козыри. Проникать в пучины морей, покорять неприступные горные вершины, осваивать летательные аппараты. А позже, лет через пятьдесят, потребуется исследовать другие планеты. Работы всем хватит.

— Отвали! — крикнул Козырь на дворника, который кряхтя пристроился к бревну — откатить в сторону. — Наше это, сейчас возок вернется, подберет. Эх, народишко, только подобрать, где плохо лежит.

Дворник ретировался от сердитого человека за железные ворота, и на улице стало совсем пусто.

— Е-едет денежка, е-едет родимая, — тихим, вкрадчивым голосом протянул Козырь. — Давайте-ка на ту сторону. И не суйтесь наперед, на меня смотрите.

Сначала было видно продолговатое темное пятно, потом стали различимы отдельные фигуры — всё в точности, как говорил Козырь.

Впереди двое конных стражников с карабинами через плечо.

За ними карета экспедиции ценных бумаг: большой закрытый возок на полозьях, рядом с кучером двое — урядник и экспедитор.

По бокам от кареты еще конные стражники

— два справа и два слева.

Замыкали конвой сани, которых отсюда толком было не видно. В них полагалось находиться еще четырем стражникам при карабинах.

Емеля вышел из-за утла, прислонился к стенке. Смотрел на проезжающую мимо процессию. В руке держал круглый сверток — бомбу.

Поглаживая пальцем рифленую рукоятку «кольта», Грин ждал, когда передние заметят бревно и остановятся. Часы над аптекой показывали девять минут шестого.

Лошади равнодушно переступили через преграду и двинулись дальше, однако кучер кареты затпрукал, натянул поводья.

— Куда? — заорал урядник, приподнимаясь. — Куда поехали, бараны? Бревна не видите? Слезайте с лошадей, оттащите его в сторону. И ты пособи, — подтолкнул он кучера.

Увидев, что конвой остановился, Емеля медленно, прогулочным шагом двинулся сзади к замыкающим саням, вроде как любопытствуя.

Когда двое стражников и кучер, согнувшись, подхватили бревно, Емеля коротко разбежался, метнул сверток и залихватски вскрикнул:

— И-эх!

Ему и полагалось крикнуть, чтобы охрана по-

няла — кто именно бросил бомбу. Для плана это было самое важное.

Сверток еще не коснулся земли, стражники еще не сообразили, что за странная штука к ним летит, а Емеля уже развернулся, уже припустил обратно к углу.

Грохнуло не особенно, потому что заряд был против обыкновенного половинный. Тут требовалась не убойная сила — демонстрация. Мощным взрывом стражников оглушило бы, а то и контузило, от них же сейчас нужна была резвость.

— Бомбист! — заорал урядник, оглядываясь назад поверх кареты. — Вон он, за угол дунул!

Пока шло по плану. Четверо, что сидели в санях (ни одного взрывом не задело), повыпрыгивали и погнались за Емелей. Другие четверо, что оставались в седлах, развернули коней и со свистом, улюлюканьем припустили туда же.

Возле кареты из вооруженных остались только двое спешившихся — так и застыли с бревном в руках — да урядник. Кучер и экспедитор были не в счет.

Через секунду после того как преследователи свернули в тупик, оттуда рассыпало трещоткой револьверных выстрелов. Теперь стражникам будет не до кареты. Оглохнут от пальбы и стра-

ха, залягут, начнут сажать в белый свет как в копеечку.

Наступал черед Козыря с Грином.

Почти одновременно они, каждый со своей стороны улицы, шагнули с тротуара на мостовую. Козырь два раза выстрелил одному стражнику в спину, второго Грин ударил рукояткой револьвера по затылку, потому что с его силой этого было достаточно. Бревно с тупым стуком бухнулось на утрамбованный снег и откатилось, а кучер присел на корточки, зачем-то закрыл руками уши и тихонько завыл.

Грин махнул дулом уряднику и экспедитору, замершим на козлах.

— Слезайте. Живей.

Чиновник втянул голову в самые плечи и неловко спрыгнул вниз, но урядник все не мог решить, сдаваться или выполнять служебный долг: одну руку поднял, как бы сдаваясь, другой же слепо шарил по кобуре.

— Не дурить, — сказал Грин. — Застрелю.

Урядник поспешно вскинул и вторую руку, но Козырь все равно выстрелил. Пуля попала в середину лица, и место, где только что находился нос, сделалось черно-красным, а сам урядник, диковинно всхлипнув, опрокинулся навзничь,

захлопал руками по земле.

Козырь схватил экспедитора за воротник шинели, поволок к задку кареты:

— Хочешь жить, фуражка, отпирай!

— Не могу, ключа не имею, — белыми от ужаса губами пролепетал чиновник.

Тогда Козырь выстрелил ему в лоб, перешагнул через труп и еще двумя пулями сбил замок с печатью.

Мешков внутри оказалось шесть, как и было обещано. На дверце Грин наскоро, рукояткой «кольта», выцарапал «БГ». Пусть знают.

Пока перетаскивали добычу в сани, спросил на бегу:

— Зачем было этого убивать? И тот тоже сдался.

— Кто Козыря узнать может, живой не останется, — сквозь зубы процедил «специалист», вскидывая очередной мешок на плечи.

Услыхал кучер, все еще сидевший на корточках, выть перестал и, скрючившись, побежал прочь.

Козырь сбросил поклажу, выстрелил вслед, не попал, а второй раз не успел — Грин выбил у него оружие.

— Ты что?! — налетчик схватился за ушибленное запястье. — Он же полицию приведет!

— Все равно. Дело сделано. Сигнал.

Ругнувшись, Козырь заливисто свистнул в три переката, и пальба в тупике сразу проредилась вдвое — свист был для стрелков знаком, что можно отрываться.

Лошадь взяла с места вразбег, застучала шипастыми подковами, и ходкие сани, ничуть не отяжелевшие от бумажной поклажи, невесомо заскользили по льдистой мостовой.

Грин оглянулся.

Несколько бесформенных, темных куч на земле. К ним тянутся мордами осиротевшие лошади. Пустая карета с распахнутыми дверцами. Часы над аптекой. Двенадцать минут шестого.

Получалось, что весь экс не занял и трех минут.

Постоялый двор находился на грязноватой, унылой площади, соседствовавшей с Пряным рынком. «Индия» представляла собой длинное одноэтажное здание, неказистое, но зато с хорошей конюшней и собственным товарным складом. Здесь останавливались торговые люди, приезжавшие в Москву за корицей, ванилью, душистой гвоздикой, кардамоном. Вся округа Пряного рынка пропахла головокружительными чужеземными ароматами, и если закрыть глаза,

не видеть желтых от конской мочи сугробов и кривобоких слободских домишек, то легко было вообразить, что тут и вправду Индия: качаются пышные пальмы, идут враскачку грациозные слоны, и небо не московское, серое с белым, а, как положено, густо-синее и бездонное.

Опять Козырь рассчитал верно. Когда Грин вошел в гостиницу с двумя мешками, никто к нему приглядываться не стал. Несет себе человек образцы товара — эка невидаль. Поди догадайся, что чернявый приказчик тащит не пряный товар, а на двести тысяч новехоньких кредитных билетов — пока мчали с Немецкой, Грин упрятал сургучных орлов и навесные пломбы в обычную дерюжную мешковину.

Жюли, странная в дешевом драдедамовом платьишке, со сложенными в простецкий узел волосами, бросилась на шею, обдала жарким дыханием, забормотала:

— Слава Богу, живой… Так волновалась, так тряслась… Это деньги, да? Значит, все хорошо, да? А что наши? Целы? Где Козырь?

Грин имел время подготовиться, и потому снес быстрые, щекотные поцелуи не дрогнув. Оказывается, это было вполне возможно.

— Стережет, — ответил он спокойно. — Сейчас

я два, он два, и всё.

Когда вернулись с остальными четырьмя мешками, Жюли точно так же кинулась целовать Козыря, и Грин окончательно уверился, что опасность миновала. Больше сбить его не удастся, воля выдержит и это испытание.

— Пересчитывать будете? — сказал он. — А то выбирайте два любых. Четыре отнесем в сани, и я уеду.

— Нет-нет! — воскликнула Жюли и, еще раз чмокнув своего любовника в губы, метнулась к подоконнику. — Я знала, что все будет хорошо. Смотрите — у меня за окном бутылка «клико». Надо выпить по бокалу.

Козырь подошел к лежащим мешкам. С размаху ударил носком по одному, по другому, как бы проверяя, плотно ли набиты. Потом чуть повернулся и так же пружинисто, но с утроенной силой двинул Грина в пах.

От неожиданности и боли в первый миг стало темно, Грин согнулся пополам, и на затылок обрушился еще один удар. Перед самыми глазами вдруг оказались доски пола. Значит, упал.

Справляться с болью, даже такой острой, он умел. Нужно сделать три судорожных вдоха, три форсированных выдоха и отключить болевую

зону из области физического восприятия. В свое время он долго упражнялся с огнем (жег себе ладонь, внутренний сгиб локтя, под коленкой) и вполне освоил это трудное искусство.

Но удары продолжали сыпаться градом — по ребрам, по плечам, по голове.

— Забью, тварь, — приговаривал Козырь. — В навоз размажу! Нашел себе баклана.

Бороться с болью было некогда. Грин повернулся навстречу очередному удару, принял его животом, но зато вцепился в бурку и уже не отпустил. Бурка вблизи оказалась не такая уж белая: в пятнышках грязи и кровавых брызгах. Он рванул ее на себя, валя Козыря с ног.

Выпустил бурку, чтобы добраться пальцами до горла, но противник увертливо откатился в сторону.

Вскочили одновременно, лицом друг к другу.

Плохо, что револьвер остался в кармане казакина. Вон он, висит на вешалке. Далеко, да и что толку — все равно стрелять в комнате нельзя, вся гостиница сбежится.

Жюли застыла у стены. Остановившиеся от ужаса глаза, раскрытый рот. В одной руке судорожно зажата большая бутылка шампанского, пальцы другой непроизвольно отдирают золо-

тую фольгу.

— Что, сучка, — зло улыбнулся налетчик, — променяла Козыря на фоску? Ты погляди на него, урода. Он же на мертвяка похож.

— Ты всё выдумал, Козырненький, — дрожащим голосом пролепетала Жюли. — Всё напридумывал. Ничего такого не было.

— Ври, «не было». У Козыря на измену глаз соколиный — враз чую. Потому и по земле хожу, а не в каторге гнию.

«Специалист» пригнулся, выдернул из бурки узкое, тонкое лезвие.

— Сейчас я тебя, пустоглазый, резать буду. Не сразу, по лоскуточкам.

Грин вытер рукавом разбитую бровь, чтоб кровь не мешала видеть и выставил вперед голые руки. Нож был потрачен на Рахмета. Ничего, можно обойтись и без ножа.

Маленькими шажками Козырь приблизился, от правого хука легко увернулся и чиркнул Грина по запястью. На пол закапали красные капли, Жюли взвизгнула.

— Это тебе на закуску, — пообещал Козырь. Грин же попросил:

— Тише, Жюли. Кричать нельзя.

Он попробовал схватить противника за ворот-

ник, но опять лишь зачерпнул воздух, а острое жало, проколов поддевку, обожгло бок.

— Это заместо супца.

Козырь цапнул левой графин со стола и швырнул. Чтобы не попало в голову, пришлось пригнуться, на миг выпустить «специалиста» из поля зрения. Нож немедленно этим воспользовался, вжикнул у самого уха, и ухо вспыхнуло огнем, словно подожженное прикосновением. Грин поднял руку — верхняя часть ушной раковины висела на тонкой ленточке кожи. Оборвал, кинул в угол. По шее заструилось горячее.

— Это было мясное, — объяснил Козырь. — А щас и до сладкого дойдет.

Нужно было менять тактику. Грин отступил к стене, встал неподвижно. Не обращать внимания на лезвие. Пусть режет. Самому рвануться навстречу клинку, схватить противника одной рукой за подбородок, другой за темя и резко вывернуть. Как в восемьдесят четвертом, во время драки на Тюменской пересылке.

Но Козырь теперь лезть не спешил. Остановился в трех шагах, поиграл пальцами, и ножик замелькал между ними сверкающей змейкой.

— Ну что, Жюльетка, кого выбираешь? — явно издеваясь, спросил он. — Хочешь, оставлю тебе

его? Это ничего, что он побитый-порезанный, ты зализешь. Или со мной поедем? У меня теперь деньжищ немеряно. Можно в матушку-Россию вовсе не возвращаться.

— Тебя выбираю, тебя, — сразу ответила Жюли и, всхлипывая, бросилась к Козырю. — А его мне не надо. Поиграть хотела, силу свою попробовать. Прости, Козырненький, ты же мою натуру знаешь. Он против тебя тьфу, только обслюнявил всю, а интереса никакого. Убей его. Он опасный. Всю революцию по твоему следу пустит, и в Европе не спрячешься.

Налетчик подмигнул Грину:

— Слыхал, что умная баба советует? Я бы, само собой, и без совета тебя кончил. А Жюльетке скажи спасибо. Быстро отойдешь. Хотел я с тобой еще поиграться, нос и зенки тебе повы…

Не договорил. Зеленая бутыль с сухим треском обрушилась на макушку «специалиста», и он обрушился прямо под ноги Грину.

— Ай! Ай! Ай! Ай! — тоненько, через равные промежутки, вскрикивала Жюли, испуганно глядя то на отбитое горлышко бутылки, то на лежащего, то на быстро растекающуюся кровь, которая пузырилась, смешиваясь с разлитым шампанским.

Грин перешагнул через неподвижное тело, взял Жюли за плечи и крепко встряхнул.

Глава седьмая, в которой расследование оказывается у разбитого корыта

Во вторник Эраст Петрович намеревался с самого что ни на есть раннего утра приступить к поиску, но с раннего не получилось, потому что во флигеле на Малой Никитской опять ночевала гостья.

Эсфирь появилась без предупреждения, уже заполночь, когда статский советник ходил по кабинету и перебирал четки, пытаясь определить приоритетную версию. Вид у гостьи был решительный, и времени на разговоры она тратить не стала — прямо в прихожей, еще не скинув собольей ротонды, крепко обняла Эраста Петровича за шею, и вновь сосредоточиться на дедукции он смог очень нескоро.

Собственно, вернуться к делу получилось только утром, когда Эсфирь еще спала. Фандорин тихонько выбрался из постели, сел в кресло и попробовал восстановить прерванную нить. Выходило неважно. Любимые нефритовые четки, строгим и сухим щелканьем дисциплиниро-

вавшие работу мысли, остались в кабинете. Прохаживаться взад-вперед, чтобы мышечное движение давало стимул мозговой деятельности, тоже было рискованно. Малейший шум, и Эсфирь проснется. А из-за двери доносилось сопение Масы — слуга терпеливо ждал, когда можно будет делать с господином гимнастику.

Тяжелые обстоятельства — не помеха благородному мужу, чтобы размышлять о высоком, напомнил себе статский советник изречение великого мудреца Востока. Словно подслушав про «тяжелое обстоятельство», Эсфирь высунула из-под одеяла голую руку, провела по соседней подушке и, никого там не обнаружив, жалобно промычала, но сделала это бессознательно, еще во сне. Тем не менее, думать следовало быстрей.

Диана, решил Фандорин. Начать нужно с нее. Все равно остальные линии уже разобраны.

Таинственная «сотрудница» связана и с Жандармским управлением, и с Охранкой, и с революционерами. Очень вероятно, что предает всех. Совершенно безнравственная особа, причем, судя по поведению Сверчинского и Бурляева, не только в политическом смысле. Впрочем, в революционных кругах, кажется, и в самом деле на взаимоотношения полов смотрят свободнее,

чем принято в обществе?

Эраст Петрович с некоторым сомнением посмотрел на спящую красавицу. Алые губки шевельнулись, произнеся что-то беззвучное, длинные черные ресницы дрогнули, между ними вспыхнули два влажных огонька и уже не погасли. Эсфирь широко раскрыла глаза, увидела Фандорина и улыбнулась.

— Ты что? — сказала она хрипловатым со сна голосом. — Иди сюда.

— Я хочу тебя с-спросить… — начал было он и, заколебавшись, сбился.

Достойно ли использовать приватные отношения для сбора розыскных сведений?

— Спрашивай, — она зевнула, села на кровати и сладко потянулась, отчего одеяло сползло вниз, и Эрасту Петровичу пришлось сделать над собой усилие, чтобы не отвлекаться.

Он решил моральную проблему так.

Про Диану расспрашивать, конечно, не следует. Про революционное окружение тем паче — да и вряд ли Эсфирь причастна к какой-то серьезной антиправительственной деятельности. Что допустимо — получить сведения самого общего, можно даже сказать, социологического характера.

— Скажи, Эсфирь, п-правда ли, что женщины из революционных кругов придерживаются… совершенно свободных взглядов на любовные отношения?

Она расхохоталась, подтянула к подбородку колени и обхватила их руками.

— Так я и знала! Какой же ты предсказуемый и буржуазный. Если женщина не исполнила перед тобой весь положенный спектакль неприступности, ты готов заподозрить ее в распущенности. «Ах, сударь, я не такая! Фи, какая грязь! Нет-нет-нет, только после свадьбы!» — противным, сюсюкающим голоском передразнила она. — Вот какого поведения вы от нас хотите. Еще бы, законы капитала! Если хочешь хорошо продать товар, надо сначала сделать его желанным, чтоб у покупателя потекли слюнки. А я не товар, ваше высокородие. И вы не покупатель, — взгляд Эсфири загорелся праведным негодованием, тонкая рука грозно рассекала воздух. — Мы, женщины новой эпохи, не стесняемся своего естества и сами выбираем, кого любить. Вот у нас в кружке есть одна девушка. Мужчины от нее шарахаются, потому что она, бедняжка, ужасно некрасивая — уродина такая, что просто кошмар. Но зато ее все уважают за ум, больше чем иных раскраса-

виц. Она говорит, что свободная любовь — это не свальный грех, а союз двух равноправных существ. Разумеется, временный, потому что чувства — материя непостоянная, их пожизненно в тюрьму не заточишь. И ты не бойся, я тебя к венцу не потащу. Я вообще тебя скоро брошу. Ты совершенно не в моем вкусе и вообще ты просто ужасен! Я хочу поскорее тобой пресытиться и окончательно в тебе разочароваться. Ну, что ты таращишься? Немедленно иди сюда!

Маса наверняка подслушивал под дверью, потому что именно в эту секунду в открывшуюся щель просунулась круглая узкоглазая голова.

— Добурое уцро, — просияла голова радостной улыбкой.

— Пошел к черту со своей гимнастикой! — воскликнула решительная Эсфирь и метко кинула в голову подушкой, но Маса принял удар, не дрогнув.

— Письмо от борьсёго господзина, — объявил он и показал длинный белый конверт.

«Большим господином» японец называл генерал-губернатора, так что причину вторжения следовало признать уважительной. Эраст Петрович вскрыл конверт, достал карточку с золотым гербом.

Текст был большей частью отпечатан типографским образом, только имя и приписка внизу были выведены ровным, старомодным почерком его сиятельства.

> Милостивый государь.
>
> По случаю сырной недели и грядущей широкой масленицы прошу пожаловать на блины. Сердечный ужин в узком кругу начнется в полночь. Господ приглашенных просят не утруждать себя ношением мундира. Дамы вольны выбирать платье по своему усмотрению.
>
> ***Владимир Долгорукой***
>
> Эраст Петрович, непременно приходите. Расскажите мне о деле.
>
> И приводите Вашу новую пассию — ужин неофициальный, а мне, старику, любопытно посмотреть.

— Что там? — недовольно спросила Эсфирь. — Грозный царь зовет? Собачью голову к седлу и на службу — головы рубить?

— Вовсе нет, — ответил Фандорин. — Это приглашение в генерал-губернаторскую резиденцию

на блины. Вот, послушай.

И прочитал, разумеется, опустив приписку. Осведомленность князя о частной жизни своих ближайших помощников Фандорина ничуть не удивила — успел привыкнуть за годы совместной службы.

— Кстати, если хочешь, п-пойдем вместе, — сказал он, совершенно уверенный, что на блины к генерал-губернатору Эсфирь иначе как в кандалах и под конвоем не затащить.

— А что такое «в узком кругу»? — спросила она, брезгливо наморщив нос. — Это значит только султан и визири с особо доверенными евнухами?

— Масленичные блины у князя — это традиция, — принялся объяснять Фандорин. — Ей больше двадцати лет. «Узкий круг» — это семьдесят — восемьдесят приближенных чиновников и почетных горожан с женами. Всю ночь сидят, едят, пьют, танцуют. Ничего интересного. Я всегда ретируюсь пораньше.

— И что, правда, можно приходить в любом платье? — задумчиво произнесла Эсфирь, глядя не на Эраста Петровича, а куда-то в пространство.

* * *

Распрощавшись с Эсфирью до вечера, Фандорин несколько раз телефонировал по номеру, который позавчера назвал операторше подполковник Бурляев, однако абонент не отвечал. Уверенности, что капризная «сотрудница» согласится принять неучтивого статского советника, все равно не было, и Эраст Петрович начал подумывать — не воспользоваться ли отсутствием агентки, чтобы произвести в арбатском особнячке негласный обыск.

Уже подобрав необходимые инструменты, он на всякий случай протелефонировал еще раз, и трубка вдруг на американский манер отозвалась протяжным, ленивым шепотом:

— Хелло-о?

Против ожиданий, про то, что статский советник объявлен «персоной нон грата», Диана не вспомнила и на встречу согласилась сразу.

И ждать у запертой двери на сей раз тоже не пришлось. Позвонив в колокольчик, Фандорин потянул за медную ручку, и створка неожиданно подалась — выходит, замок был отперт заранее.

Уже знакомым путем Эраст Петрович поднялся по ступенькам в надстройку, постучал в дверь

кабинета и, не дождавшись ответа, вошел.

Как и в прошлый раз, тонкие шторы в комнате оказались плотно задвинуты, а женщина на диване была в берете с вуалью.

Поклонившись, чиновник хотел сесть в кресло, но женщина поманила его:

— Сюда. Трудно шептать через всю комнату.

— Вы не находите все эти меры п-предосторожности чрезмерными? — не удержался Фандорин, хоть и знал, что злить хозяйку не следует. — Было бы вполне достаточно того, что я не вижу вашего лица.

— Не-ет, — прошелестела Диана. — Мой шум — шорох, шепот, шипенье. Моя стихия — тень, темнота, тишина. Садитесь, сударь. Мы будем тихо разговаривать, а в промежутках слушать молчание.

— Извольте.

Эраст Петрович сел вполоборота на некотором отдалении от дамы и попробовал рассмотреть сквозь вуаль хоть какие-то особенности ее лица. Увы, в комнате для этого было слишком темно.

— Знаете ли вы, что в кругу передовой молодежи вы теперь считаетесь интригующей личностью? — насмешливо спросила «сотрудница». — Ваше позавчерашнее вмешательство

в операцию милейшего Петра Ивановича раскололо моих революционных друзей на два лагеря. Одни усматривают в вас государственного чиновника нового типа, провозвестника грядущих либеральных перемен. А другие…

— Что д-другие?

— А другие говорят, что вас нужно уничтожить, потому что вы хитрее и опаснее тупых ищеек из Охранки. Но вы не беспокойтесь, — Диана легонько тронула чиновника за плечо. — У вас есть заступница, Фирочка Литвинова, а у нее после того вечера репутация настоящей героини. Ах, у красивых мужчин всегда находятся заступницы.

И раздался придушенный, почти беззвучный смех, произведший на статского советника исключительно неприятное впечатление.

— Правду ли у нас говорят, что Ларионова казнила БГ? — пытливо наклонила голову Диана. — Прошел слух, что он был провокатором. Во всяком случае, наши его имени больше не поминают. Как у дикарей — табу. Он и в самом деле был «сотрудником»?

Эраст Петрович не ответил, потому что подумал о другом: теперь стало понятно, отчего Эсфирь ни разу не обмолвилась о покойном инженере.

— Скажите, сударыня, а известна ли вам особа

по прозвищу Игла?

— Игла? Впервые слышу. Какова она собой?

Фандорин повторил то, что слышал от Рахмета-Гвидона:

— На вид лет тридцати. Худая. Высокая. Невзрачная… Пожалуй, всё.

— Ну, таких у нас сколько угодно. Я могу знать ее по имени, а по кличке ее зовут в конспиративных кругах. Мои связи обширны, мсье Фандорин, но неглубоки, до самого подполья не достают. Кто вам рассказал про эту Иглу?

Он снова не ответил. Пора было подбираться к главному.

— Вы необычная женщина, Диана, — с притворным воодушевлением заговорил Эраст Петрович. — В п-прошлый раз вы произвели на меня поистине неизгладимое впечатление, и я всё время о вас думал. Кажется, впервые я встречаю настоящую femme fetale, из-за которой солидные м-мужчины теряют голову и забывают о служебном долге.

— Говорите-говорите, — шепнула женщина без лица и голоса. — Такие речи приятно слушать.

— Я вижу, что вы совершенно свели с ума и Бурляева, и Сверчинского, а это весьма трезвые и серьезные господа. Они сгорают от ревности друг

к другу. И я уверен, что подозрения обоих небезосновательны. Как изящно вы играете д-двумя этими людьми, которых боится вся Москва! Вы смелая женщина. Другие только говорят о свободной любви, вы же исповедуете ее всей своей жизнью.

Она довольно рассмеялась, запрокинув голову.

— Никакой любви нет. Есть человеческое существо, в одиночку живущее и в одиночку умирающее. Ничто и никто этого одиночества разделить не может. И в чужую жизнь влиться тоже никому не дано. Но можно поиграть в чужую жизнь, попробовать ее на вкус. Вы умный человек, господин Фандорин. С вами я могу быть совершенно откровенной. Видите ли, по призванию я — актриса. Мне бы блистать на сцене лучших театров, вызывая слезы и смех публики, но… жизненные обстоятельства лишили меня возможности использовать свой талант по прямому назначению.

— Какие обстоятельства? — осторожно спросил Эраст Петрович. — Вы имеете в виду высокое происхождение? Я слышал, вы принадлежите к хорошему обществу?

— Да, нечто вроде этого, — ответила Диана, помолчав. — Но я не жалею. Играть в жизни куда

интересней, чем на сцене. С глупыми молодыми людьми, начитавшимися вредных книжек, я исполняю одну роль, с Бурляевым другую, со Сверчинским совсем третью… Я счастливее многих, господин Фандорин. Мне никогда не бывает скучно.

— Я понимаю различие между ролью нигилистки и «сотрудницы», но разве так уж по-разному нужно в-вести себя с жандармским полковником Сверчинским и жандармским подполковником Бурляевым?

— О-о, сразу видно, что вы ничего не смыслите в театре, — она увлеченно всплеснула руками. — Это две совершенно разные роли. Хотите я скажу вам, как нужно добиваться успеха у мужчин? Думаете, нужна красота? Вовсе нет! Какая у меня может быть красота, если вы даже не видите моего лица? Всё очень просто. Нужно понимать, что представляет собой мужчина, и играть по контрасту. Это как в электричестве: противоположные заряды притягиваются. Возьмем Петра Ивановича. Он человек сильный, грубый, склонный к прямому действию и насилию. С ним я слаба, женственна, беззащитна. Прибавьте сюда служебный интерес, аромат тайны, на который мужчины так падки — и бедненький Бурляев

становится податливей воска.

Эраст Петрович почувствовал, что цель вот она, совсем близко — только бы не сорваться.

— А Сверчинский?

— Ну, этот совсем из другого теста. Хитрый, осторожный, подозрительный. С ним я простодушна, бесшабашна, грубовата. Про интерес и тайну я уже говорила — это компонент непременный. Верите ли, Станислав Филиппович на прошлой неделе у меня тут в ногах валялся, умолял сказать, состою ли я в связи с Бурляевым. Я выгнала его и велела без вызова не показываться. Какова «сотрудница», а? Главный губернский жандарм у меня, как пудель, на «апорт» откликается!

Вот он, результат номер один: Сверчинский не бывал здесь с прошлой недели, а значит, от него получить сведения о приезде Храпова Диана не могла.

— Блестяще! — одобрил статский советник. — Значит, несчастный Станислав Филиппович уже целую неделю п-пребывает в ссылке? Бедняжка! То-то он так бесится. Поле битвы осталось за Охранным отделением.

— Ах нет! — закисла от тихого смеха роковая женщина. — В том-то и дело, что нет! Бурляеву я тоже дала недельную отставку! Он должен был

счесть, что я предпочла ему Сверчинского!

Эраст Петрович нахмурился:

— А на самом деле?

— А на самом деле… — «сотрудница» наклонилась и доверительно шепнула. — А на самом деле у меня были обычные женские неприятности, и я в любом случае должна была отдохнуть от обоих своих возлюбленных!

Статский советник поневоле отшатнулся, а Диана еще пуще зашлась в приступе своего шипяще-свистящего веселья, очень довольная произведенным эффектом.

— Вы — кавалер деликатный, чопорный и придерживающийся строгих правил, поэтому вас я интригую цинизмом и нарушением условностей, — беззаботно призналась несостоявшаяся актриса. — Но делаю это не из практического интереса, а исключительно от любви к искусству. Женские неприятности у меня закончились, но вам, мсье Фандорин, надеяться не на что. Напрасно вы тут разливаетесь соловьем и осыпаете меня комплиментами. Вы совершенно не в моем вкусе.

Эраст Петрович поднялся с дивана, охваченный ужасом, обидой и разочарованием.

Ужас был самым первым из чувств: как могла

эта кошмарная особа вообразить, будто он ее домогается!

Обида подступила вместе с воспоминанием: уже во второй раз за день женщина объявляла ему, что он не в ее вкусе.

Но сильнее всего, конечно, было разочарование: утечка сведений произошла не через Диану.

— Уверяю вас, сударыня, что на мой счет вы находитесь в совершеннейшем з-заблуждении, — холодно сказал статский советник и направился к двери, провожаемый шелестящим, задушенным смехом.

В пятом часу, мрачный и подавленный, Фандорин заехал в Большой Гнездниковский.

Единственная из перепавших ему перспективных версий самым постыдным образом провалилась, и теперь оставалось лишь играть жалкую роль нахлебника. Статский советник не привык питаться крохами с чужого стола и, предвидя унижение, чувствовал себя скверно, однако получить сведения о ходе расследования было совершенно необходимо, ибо ночью предстояло докладывать генерал-губернатору.

Охранное будто вымерло. В дежурной на первом этаже ни одного филера, только полицейский надзиратель и письмоводитель.

Наверху в приемной томился Зубцов. Эрасту Петровичу обрадовался как родному:

— Господин статский советник! Что-нибудь есть?

Фандорин угрюмо покачал головой.

— У нас тоже пусто, — вздохнул молодой человек и уныло покосился на телефонный аппарат. — Верите ли, сидим тут целый день, как прикованные. Ждем весточки от Гвидона. Я и господин Пожарский.

— Он здесь? — удивился Эраст Петрович.

— Да, и очень спокоен. Я бы даже сказал, безмятежен. Сидит в кабинете у Петра Ивановича, журнальчики почитывает. Сам господин подполковник поехал в студенческое общежитие на Дмитровку, допрашивать подозрительных. Евстратий Павлович со своими абреками, по его собственному выражению, «отправился по грибы по ягоды». Сверчинский с утра затеял объезжать все московские заставы и с каждой считает необходимым телефонировать. Я уж князю и докладывать перестал. Вечером неутомимый Станислав Филиппович лично проверит, как работают его люди на вокзалах, а ночевать собирается на Николаевском, вот какое служебное рвение, — иронически усмехнулся

Зубцов. — Изображает активность перед новым начальством. Только князь не из дураков, его показным усердием не обманешь.

Эраст Петрович припомнил вчерашние смутные угрозы Сверчинского в адрес столичного гостя и покачал головой: вполне возможно, что дело здесь было вовсе не в усердии, а имелся у хитроумного жандармского начальника и какой-то иной умысел.

— Так от Гвидона н-ничего?

— Ничего, — вздохнул Зубцов. — Минут десять тому телефонировал некий мужчина, а я как назло был в кабинете у князя. У аппарата оставил письмоводителя. Пока меня подзывали, связь разъединилась. Мне этот звонок покою не дает.

— А вы пошлите справиться на т-телефонную станцию, — посоветовал Эраст Петрович. — Пусть установят, с какого номера поступил вызов. Технически это вполне возможно, я проверял. Войти можно? — слегка покраснев, показал он на дверь кабинета.

— Ах, ну что же вы спрашиваете, — удивился Зубцов. — Конечно, входите. Пожалуй, и в самом деле пошлю на станцию. По номеру узнаем адрес и осторожненько проверим, что за абонент.

Постучав, Фандорин вошел в кабинет началь-

ника Охранного отделения.

Пожарский преуютно сидел у лампы, устроившись с ногами в широком кожаном кресле. В руках у вице-директора, флигель-адъютанта и восходящей звезды была раскрытая книжка новомодного журнала «Вестник иностранной литературы».

— Эраст Петрович! — с энтузиазмом воскликнул Глеб Георгиевич. — Вот отлично, что заглянули. Прошу садиться.

Он отложил журнал и обезоруживающе улыбнулся.

— Сердитесь на меня, что я вас от дела оттеснил? Понимаю, сам бы на вашем месте был недоволен. Но высочайший приказ, не волен что-либо изменить. Сожалею лишь, что лишен возможности прибегнуть к помощи вашего аналитического таланта, о котором много наслышан. Давать вам задания я не посмел, поскольку начальством для вас не являюсь, однако же, признаться, очень надеюсь, что вы добьетесь успехов и по линии самостоятельного поиска. Так что, есть результат?

— Какой же может быть результат, если все возможные нити у вас? — с деланым равнодушием пожал плечами Фандорин. — Однако и здесь, кажется, тоже ничего?

Князь уверенно заявил:

— Гвидона проверяют. Это очень хорошо. Он уже сейчас начинает ненавидеть своих бывших товарищей — за то, что предал их. А теперь от нервов проникнется к ним самой что ни на есть жгучей ненавистью. Я человеческую природу знаю. В особенности природу предательства, это уж мне положено понимать по роду занятий.

— И что же, п-предательство всегда имеет одинаковый рисунок? — спросил статский советник, поневоле заинтересовавшись темой.

— Вовсе нет, оно бесконечно разнообразно. Бывает предательство от страха, предательство от обиды, предательство от любви, предательство от честолюбия и еще от самых различных причин, вплоть до предательства от благодарности.

— От б-благодарности?

— Вот именно. Извольте, расскажу вам случай из моей практики, — Пожарский достал из портсигара тонкую папироску, вкусно затянулся. — Одним из лучших моих агентов была милая, чистая, бескорыстная старушка. Добрейшее создание. Души не чаяла в единственном сыне, а мальчишка по молодости и глупости оказался замешан в каторжную историю. Приходила ко мне, умоляла, плакала, всю свою жизнь рассказала. Я

тоже был помоложе и помягче душой, чем теперь — в общем, пожалел. Между нами, пришлось даже пойти на должностное преступление — изъять из дела кое-какие бумаги. Коротко говоря, вышел мальчик на свободу, отделавшись отеческим внушением, которое, по правде говоря, не произвело на него ни малейшего впечатления. Снова связался с революционерами, пустился во все тяжкие. Так что вы думаете? Матушка, проникшаяся ко мне живейшей благодарностью, с тех пор исправно поставляла ценнейшие сведения. Товарищи сына давно знали ее как хлебосольную хозяйку, ничуть не стеснялись безобидной старушки и вели при ней самые откровенные разговоры. Она для памяти записывала все на бумажке и приносила мне. Один раз донесение было написано на обороте кулинарного рецепта. Вот уж поистине, делайте добро и воздастся вам.

Эраст Петрович выслушал эту поучительную историю с нарастающим раздражением и, не удержавшись, спросил:

— Глеб Георгиевич, а не п-противно? Побуждать мать к доносительству на собственного сына?

Пожарский ответил не сразу, а когда заговорил, тон утратил шутливость и стал другим — серьезным, немного усталым.

— Вы, господин Фандорин, производите впечатление умного, зрелого человека. Неужто вы, подобно вчерашнему розовощекому офицерику, не понимаете, что нам сейчас не до чистоплюйства? Вы разве не видите, что идет самая настоящая война?

— Вижу. Конечно, вижу, — горячо сказал статский советник. — Но и на войне есть правила. А за шпионаж с использованием вероломства на войне принято вешать.

— Это не та война, в которой применимы правила, — с не меньшей убежденностью возразил князь. — Воюют не две европейские державы. Нет, Эраст Петрович. Идет дикая, исконная война порядка с хаосом, Запада с Востоком, христианского рыцарства с мамаевой ордой. На этой войне не высылают парламентеров, не подписывают конвенций, не отпускают под честное слово. Здесь воюют по всей безжалостной азиатской науке с заливанием раскаленного свинца в глотку, сдиранием кожи и избиением младенцев. Про то, как облили серной кислотой агента Шверубовича, слыхали? А про убийство генерала фон Гейнкеля? Подорвали весь дом, а в нем кроме самого генерала — кстати говоря, изрядного мерзавца — жена, трое детей, слуги. Выжила только

младшая девочка, семи лет, ее выбросило взрывной волной с балкона. Переломило позвоночник и размозжило ножку, так что пришлось отрезать. Как вам такая война?

— И вы, охранитель общества, готовы воевать на подобных условиях? Отвечать теми же методами? — потрясенно спросил Фандорин.

— А что, прикажете капитулировать? Чтобы взбесившиеся толпы жгли дома и поднимали на вилы лучших людей России? Чтобы доморощенные Робеспьеры залили города кровью? Чтобы наша держава стала пугалом для человечества и откатилась на триста лет назад? Я, Эраст Петрович, не люблю патетики, но скажу вам так. Мы — тонкий заслон, сдерживающий злобную, тупую стихию. Прорвет она заслон, и ничто ее уже не остановит. За нами никого нет. Только дамы в шляпках, старухи в чепцах, тургеневские барышни да дети в матросках — маленький, пристойный мир, который возник на скифских просторах менее ста лет назад благодаря прекраснодушию Александра Благословенного.

Князь прервал страстную речь, очевидно, сам смущенный своей вспышкой, и внезапно сменил предмет:

— Кстати уж о методах… Эраст Петрович, до-

рогой, зачем же вы мне в постель гермафродита подложили?

Фандорин решил, что недослышал:

— Простите, что?

— Ничего особенного, милая шутка. Вчера вечером, отужинав в ресторане, возвращаюсь к себе в номер. Вхожу в спальню — боже, какой сюрприз! В постели лежит очаровательная дама, в совершеннейшем неглиже, над одеялом виден премилый обнаженный бюст. Начинаю ее выпроваживать — она подниматься не желает. А минуту спустя форменное вторжение: пристав, городовые, и портье фальшивым голосом кричит: «У нас приличное заведение!» А из коридора, смотрю, уж и репортер лезет, и даже с фотографом. Дальше еще интересней. Выскакивает моя гостья из постели — батюшки-светы, в жизни такого не видывал! Полнейший ассортимент половых признаков. Оказывается, известная на Москве личность, некий господин — или некая госпожа — по прозвищу Коко. Пользуется популярностью в кругу гурманов, предпочитающих неординарные развлечения. Отлично задумано, Эраст Петрович, браво. Никак от вас не ожидал. Выставить меня в смешном и неприличном свете — самое лучшее средство, чтобы вернуть

себе контроль над расследованием. Государь от слуг престола непотребства не терпит. Прощай, флигель-адъютантский вензель, и карьера тоже прощай, — Глеб Георгиевич изобразил восхищение. — Замысел превосходный, однако ведь и я не первый день на свете живу. При случае сам подобными кунштюками преотлично пользоваться умею, в чем вы могли убедиться на примере нашего Рахмета-Гвидона. Жизнь, милейший Эраст Петрович, научила меня осторожности. Покидая номер, я всегда оставляю на двери невидимый знак, а прислуге в мое отсутствие входить строжайше запрещаю. Посмотрел я на дверь — ба, волосок-то оборван! В двух соседних номерах мои люди живут, из Петербурга с собой привез. Кликнул их, и к себе вошел не один, а при сопровождении. Увидал ваш пристав этих серьезных господ с револьверами наизготовку и пришел в смущение. Схватил диковинное создание за волоса и молчком вытащил за дверь, заодно и газетчиков уволок. Но ничего, портье остался, некто Тельпугов, и уж он-то со мной был вполне откровенен. Разъяснил, что за Коко такое. И про то, как господа полицейские велели наготове быть, тоже рассказал. Вот видите, на какую вы оказались способны предприимчивость, а еще

мои методы осуждаете.

— Я ничего об этом не знал! — возмущенно вскричал Эраст Петрович и тут же покраснел — вспомнил, что Сверчинский вчера бормотал что-то про Коко. Так вот что имел в виду Станислав Филиппович, когда собирался выставить заезжего ревизора всеобщим посмешищем…

— Вижу, что не знали, — кивнул Пожарский. — Разумеется, это не ваша линия поведения. Просто желал удостовериться. На самом деле авторство проделки с Коко, конечно, принадлежит многоопытному полковнику Сверчинскому. Я еще утром пришел к этому заключению, когда Сверчинский начал мне каждый час названивать. Проверяет — догадался ли. Конечно, он, больше некому. Бурляеву для таких фокусов недостаточно фантазии.

В этот самый миг за дверью послышался топот множества шагов, и в кабинет с разбега ворвался сам Бурляев, легок на помине.

— Беда, господа! — выдохнул он. — Только что сообщили, что совершено нападение на карету экспедиции по заготовлению государственных бумаг. Есть убитые и раненые. Шестьсот тысяч похищено! И знак оставлен — БГ.

Унылая растерянность — таково было преобла-

дающее настроение на чрезвычайном совещании чинов Жандармского управления и Охранного отделения, затянувшемся до позднего вечера.

Председательствовал на скорбном синклите вице-директор Департамента полиции князь Пожарский, взъерошенный, бледный и злой.

— Славные у вас тут в Москве порядки, — уже не в первый раз повторил столичный человек. — Каждый божий день экспедируете казенные средства для переправки в глубинные районы империи, а даже инструкции по перевозке таких огромных сумм не имеется! Ну где это видано, чтобы охрана кидалась в погоню за бомбистом, оставив деньги почти без присмотра. Ладно, господа, что уж повторяться, — махнул рукой Пожарский. — Мы с вами были на месте преступления, всё видели. Давайте подводить неутешительные итоги. Шестьсот тысяч рублей перекочевали в революционную кассу, которую я только что с немалыми трудами опустошил. Страшно подумать, сколько злодеяний совершат нигилисты на эти деньги… У нас трое убитых, двое раненых, причем при перестрелке в Сомовском тупике ранен только один, да и то легко. Как можно было не догадаться, что пальба затеяна для отвода глаз, а главное происходит возле кареты! — снова

загорячился князь. — И еще этот наглый вызов — визитная карточка БГ! Какой удар по престижу власти! Мы неверно расценивали количественный состав и дерзость Боевой Группы. Там никак не четыре человека, а по меньшей мере десяток. Я потребую подкреплений из Петербурга и особенных полномочий. А какова техника исполнения! У них были точнейшие сведения о маршруте следования кареты и охране! Действовали быстро, уверенно, безжалостно. Свидетелей не оставляли. Это опять к нашей дискуссии о методах, — Глеб Георгиевич взглянул на Фандорина, сидевшего в дальнем углу бурляевского кабинета. — Правда, одному, кучеру Куликову, удалось уйти живым. От него нам известно, что в основной группе было два налетчика. Один, судя по описанию, наш ненаглядный господин Грин. Второго называли Козырем. Вроде бы зацепка, так нет же! На постоялом дворе «Индия» обнаружен труп мужчины с проломленным черепом. Одет так же, как Козырь, и опознан Куликовым. Козырь — кличка в уголовной среде достаточно распространенная, означает «лихой, удачливый бандит». Но вероятнее всего, это легендарный питерский налетчик Тихон Богоявленский, по слухам, связанный с нигилистами. Как вам известно, труп отправлен

в столицу на опознание. Да что толку! Господин Грин эту ниточку все равно обрубил. Куда как удобно, да и денежками делиться не надо… — князь сцепил пальцы и хрустнул суставами. — Но ограбление — еще не главная наша беда. Есть обстоятельство печальней.

В комнате стало тихо, ибо представить себе напасть хуже случившегося ограбления присутствующим было трудно.

— Вы знаете, что титулярный советник Зубцов установил абонента, с чьего аппарата незадолго до нападения на карету звонил какой-то мужчина. Это квартира известного адвоката Зимина на Мясницкой. Поскольку Зимин сейчас находится на процессе в Варшаве — об этом пишут все газеты — я послал своих агентов осторожно поинтересоваться, что за стеснительный господин не захотел говорить с Сергеем Витальевичем. Агенты увидели, что свет в квартире не горит, открыли дверь и обнаружили там труп…

Вновь возникшую паузу нарушил Эраст Петрович, негромко спросивший:

— Неужто Гвидон?

— Откуда вы знаете? — быстро развернулся к нему Пожарский. — Вы не можете этого знать!

— Очень просто, — пожал плечами Фандо-

рин. — Вы сказали, что произошло событие, еще б-более печальное, чем похищение шестисот тысяч. Мы все знаем, что вы сделали главную ставку в расследовании на агента Гвидона. Чье еще убийство могло бы расстроить вас до такой степени?

Вице-директор раздраженно воскликнул:

— Браво, браво, господин статский советник. Где вы только были раньше со своей дедукцией? Да, это Гвидон. Признаки явного самоубийства: в руках зажат кинжал с буквами БГ, в сердце колотая рана, нанесенная тем же клинком. Выходит, что я ошибся, неверно определил психологическое устройство этого субъекта.

Было видно, что самобичевание дается Глебу Георгиевичу с трудом, и Фандорин оценил жест по достоинству.

— Вы не так уж ошиблись, — сказал он. — Очевидно, Гвидон хотел выдать своих товарищей и даже связался с Отделением, но в последний момент проснулась совесть. Такое б-бывает и с предателями.

Пожарский понял, что чиновник возвращает его к давешнему разговору, и коротко улыбнулся, но тотчас же помрачнел и досадливо обратился к подполковнику Бурляеву:

— Ну где же ваш Мыльников? На него наша последняя надежда. Козырь мертв, Гвидон мертв. Неизвестный, обнаруженный за церковной оградой в Сомовском тупике, тоже мертв, но если мы установим личность, может появиться новый след.

— Евстратий Павлович поднял всех околоточных, — пробасил Бурляев, — а его агенты сверяют фотокарточку мертвеца по всем нашим картотекам. Если москвич, непременно установим.

— И снова обращаю ваше внимание, Эраст Петрович, в продолжение нашей дискуссии, — взглянул на статского советника Пожарский. — Неизвестный был всего лишь ранен в шею, несмертельно. Однако соучастники его с собой не взяли, добили выстрелом в висок. Вот каковы их нравы!

— А может быть, раненый з-застрелился сам, чтобы не обременять товарищей? — усомнился Фандорин.

На такое прекраснодушие Глеб Георгиевич только закатил глаза, а полковник Сверчинский привстал и с готовностью предложил:

— Прикажете, господин вице-директор, мне лично возглавить опознание? Я всех московских дворников сгоню, в хвост выстрою. Тут одного

Мыльникова и его филеров мало будет.

Уже в который раз за вечер Станислав Филиппович пытался проявить полезную инициативу, но князь упорно не желал обращать на него внимания. Теперь же вдруг Пожарского будто прорвало:

— А вы молчали бы! — закричал он. — Это ваше ведомство отвечает за порядок в городе! Хорош порядок! Вы чем собирались заниматься? Вокзалами? Вот и поезжайте, смотрите там в оба! Бандиты наверняка попытаются вывезти награбленное, и скорее всего в Петербург, чтобы пополнить партийную кассу. Смотрите, Сверчинский, если вы и это провалите, я вам припомню всё сразу! Идите!

Полковник, смертельно побледнев, смерил Пожарского долгим взглядом и молча направился к двери. За ним опрометью кинулся адъютант, поручик Смольянинов.

Из приемной им навстречу влетел счастливый Мыльников.

— Есть! — крикнул он с порога. — Опознан! Проходил по прошлому году! В картотеке есть! Арсений Николаев Зимин, сын присяжного поверенного! Мясницкая, собственный дом!

Наступила такая тишина, что было слышно

прерывистое дыхание недоумевающего Евстратия Павловича.

Фандорин отвернулся от князя, потому что боялся, не прочтет ли тот в его взоре злорадства. Злорадство не злорадство, но невольное удовлетворение статский советник испытал, чего, впрочем, сразу же и устыдился.

— Что ж, — размеренным, бесцветным голосом произнес Пожарский. — Стало быть, и этот ход привел нас в тупик. Поздравим друга друга, господа. Мы у разбитого корыта.

Вернувшись домой, Эраст Петрович едва успел сменить сюртук на фрак с белым галстуком, и уже пора было ехать за Эсфирью на Трехсвятскую, в знаменитый на Москве дом Литвинова.

Этот помпезный мраморный палаццо, выстроенный несколько лет назад, будто перенесся на тихую, чинную улочку прямиком из Венеции, разом потеснив и затенив вековые дворянские особняки с облупленными колоннами и одинаковыми треугольными крышами. Вот и сейчас, в предполуночный час, соседние строения тонули во тьме, а красавец-дом весь сиял и переливался, похожий на сказочный ледяной дворец: роскошный фронтон по самоновейшей американской моде подсвечивался электрическими огнями.

Статский советник был наслышан о богатстве банкира Литвинова, одного из щедрейших благотворителей, покровителя русских художников и усердного церковного жертвователя, чье недавнее христианство с лихвой искупалось рьяным благочестием. Тем не менее в большом московском свете к миллионщику относились со снисходительной иронией. Рассказывали анекдот о том, как, получив за помощь сиротам звезду, дававшую права четвертого класса, Литвинов якобы стал говорить знакомым: «Помилуйте, что ж вам язык ломать: «Авессалом Эфраимович». Называйте меня попросту «ваше превосходительство». Литвинова принимали и в самых лучших московских домах, но при этом, бывало, говорили шепотом другим гостям, как бы оправдываясь: «Жид крещеный что вор прощеный».

Однако войдя в обширный, каррарского мрамора вестибюль, украшенный хрустальными светильниками, необъятными зеркалами и монументальными полотнами из русской истории, Эраст Петрович подумал, что, если финансовые дела Авессалома Эфраимовича и дальше будут складываться столь же успешно, не миновать ему баронского титула, и тогда иронический шепоток поутихнет, потому что люди не просто богатые,

а сверхбогатые и титулованные национальной принадлежности не имеют.

Величественному лакею, который, несмотря на позднее время, был в раззолоченном камзоле и даже при напудренном парике, Фандорин только назвал свое имя, а про цель визита объяснять не пришлось:

— Сию минуту-с, — церемонно поклонился валет, судя по виду, ранее служивший в великокняжеском дворце, если не того выше. — Барышня сейчас спустятся. Не угодно ли вашему высокородию обождать в диванной?

Эрасту Петровичу было не угодно, и лакей поспешно, но при этом умудряясь не терять величавости, поднялся по белоснежной, сияющей лестнице на второй этаж. Еще через минуту в обратном направлении резиновым мячиком скатился маленький, юркий господин с чрезвычайно подвижным лицом и аккуратным зачесом на лысоватой голове.

— Боже мой, ужасно, ужасно рад, — быстро заговорил он еще с середины лестницы. — Много слышал, причем в самом что ни на есть лестном смысле. Чрезвычайно рад, что у Фирочки столь почтенные знакомства, а то, знаете ли, все какие-то волосатые, в нечищенных сапогах, с грубыми

голосами… Это, конечно, у нее по молодости. Я знал, что пройдет. Я, собственно, Литвинов, а вы, господин Фандорин, можете не представляться, особа известная.

Эраста Петровича несколько удивило, что банкир у себя дома во фраке и при звезде — вероятно, тоже куда-то собрался. Но уж во всяком случае, не на блины к Долгорукому, для этого Авессалому Эфраимовичу нужно было сначала дождаться баронства.

— Такая честь, такая честь для Фирочки попасть на интимный ужин к его сиятельству. Очень, очень рад, — банкир уже оказался в непосредственной близости от гостя и протянул ему белую, пухлую ладошку. — Сердечно рад знакомству. У нас по четвергам журфиксы, будем душевно рады вас видеть. Ах, да что журфиксы, приезжайте запросто, когда заблагорассудится. Мы с женой очень поощряем это Фирочкино знакомство.

Последняя фраза своим простодушием повергла статского советника в некоторое смущение. Еще больше он сконфузился, заметив, что дверь, ведущая во внутренние покои первого этажа, приоткрыта, и из-за нее его внимательно кто-то рассматривает.

Но по лестнице уже спускалась Эсфирь, и одета

она была так, что Фандорин разом забыл и о двусмысленности своего положения, и о загадочном соглядатае.

— Папа, ну что ты снова нацепил эту свою цацку! — грозно крикнула она. — Сними немедленно, а то он подумает, что ты так с ней и спать ложишься! На журфикс, поди, уже пригласил? Не вздумай приходить, Эраст. С тебя станется. А-а, — Эсфирь заметила приоткрытую дверь, — мамочка подглядывает. Не трать зря время, замуж я за него не выйду!

Сразу стало понятно, кто в этих мраморных чертогах главный. Дверь немедленно затворилась, папенька испуганно прикрыл звезду и робко задал вопрос, очень занимавший и Эраста Петровича:

— Фирочка, ты уверена, что к его сиятельству можно в таком наряде?

Мадемуазель Литвинова обтянула короткие черные волосы золотой сеткой, отчего казалось, будто голова упрятана в сверкающий шлем; алая туника свободного греческого покроя сужалась к талии, перетянутой широким парчовым кушаком, а ниже растекалась просторными складками; более же всего потрясал разрез, опускавшийся чуть не до самой талии, — даже не

столько из-за своей глубины, сколько из-за очевидного отсутствия лифа и корсета.

— В приглашении сказано: «Дамы вольны выбирать платье по своему усмотрению». А что, — с тревогой взглянула Эсфирь на Фандорина, — разве мне не идет?

— Очень идет, — обреченно ответил он, предвидя эффект.

Эффект превзошел самые худшие опасения Эраста Петровича.

На блины к генерал-губернатору мужчины пришли хоть и без орденов, но в черных фраках и белых галстуках; дамы — в платьях полуофициальной бело-серой гаммы. На этом гравюрном фоне наряд Эсфири пламенел, как алая роза на несвежем мартовском снегу. Фандорину пришло в голову и еще одно сравнение: птица фламинго, по ошибке залетевшая в курятник.

Поскольку ужин имел статус непринужденного, его сиятельство еще не выходил, давая гостям возможность свободно общаться друг с другом, но фурор, произведенный спутницей статского советника Фандорина, был так силен, что обычный в подобных обстоятельствах легкий разговор никак не склеивался — пахло если не скандалом, то уж во всяком случае пикантностью, о которой

завтра будет говорить вся Москва.

Женщины рассматривали туалет стриженой девицы, скроенный по новейшей бесстыдной моде, которая пока еще вызывала возмущение даже в Париже, с брезгливым поджатием губ и жадным блеском в глазах. Мужчины же, не осведомленные о грядущей революции в мире дамской одежды, остолбенело пялились на привольное покачивание двух полушарий, едва прикрытых тончайшей тканью. Это зрелище впечатляло куда больше, чем привычная обнаженность дамских плеч и спин.

Эсфирь казалась нисколько не смущенной всеобщим вниманием и разглядывала окружающих с еще более откровенным любопытством.

— Кто это? — спрашивала она статского советника громким шепотом. — А эта, полногрудая, кто?

Один раз звонко воскликнула:

— Господи-боже, ну и кунсткамера!

Эраст Петрович поначалу держался мужественно. Учтиво раскланивался со знакомыми, делая вид, что не замечает прицела многочисленных взглядов, как невооруженных, так и усиленных лорнетами. Однако когда к чиновнику подошел Фрол Григорьевич Ведищев и шепнул: «Зовут», —

Фандорин оправдался перед Эсфирью служебной надобностью и с постыдной скоростью устремился во внутренние апартаменты губернаторской резиденции, бросив спутницу на произвол судьбы. У самых дверей, устыдившись, обернулся.

Эсфирь отнюдь не выглядела потерянной и дезертира взглядом не провожала. Она стояла напротив выводка дам и со спокойным интересом их рассматривала, а дамы изо всех сил делали вид, что увлечены непринужденной беседой. Кажется, за мадемуазель Литвинову можно было не волноваться.

Долгорукой выслушал отчет чиновника особых поручений с нескрываемым удовольствием, хоть для виду и поохал по поводу казенных денег, впрочем, все равно предназначавшихся для отправки в Туркестан.

— Не все им по шерстке, — сказал Владимир Андреевич. — Ишь, умники выискались на Долгорукого валить. Попробуйте-ка сами. Значит, уперся столичный ферт лбом в стенку? Поделом ему, поделом.

Ведищев закончил прикреплять князю тугой крахмальный воротничок и осторожно присыпал морщинистую шею его сиятельства тальком, чтоб не натирало.

— Фролушка, вот тут поправь, — генерал-губернатор встал перед зеркалом, повертел головой и указал на неровно сидевший каштановый паричок. — Мне, Эраст Петрович, конечно, Храпова не простят. Получил от его величества очень холодное письмо, так что не сегодня-завтра попросят со двора вон. А все-таки очень хотелось бы напоследок камарилье нос утереть. Сунуть им под нос раскрытое дельце: нате, жрите и помните Долгорукого. А, Эраст Петрович?

Статский советник вздохнул:

— Не могу обещать, Владимир Андреевич. Руки связаны. Но п-попробую.

— Да, понимаю…

Князь направился к дверям, что вели в залу.

— Что гости? Собрались?

Двери распахнулись как бы сами собой. На пороге Долгорукой остановился, чтобы у присутствующих было время обратить внимание на выход хозяина и должным образом подготовиться.

Окинув взглядом собрание, князь встрепенулся:

— Кто это там в алом? Которая единственная спиной стоит?

— Это моя знакомая, Эсфирь Авессаломовна

Литвинова, — печально ответил чиновник. — Вы же сами просили…

Долгорукой прищурил дальнозоркие глаза, пожевал губами.

— Фрол, голубчик, слетай-ка в банкетную и поменяй карточки на столе. Пересади губернатора с супругой подальше, а Эраста Петровича и его даму перемести, чтобы были справа от меня.

— Как-как? В морду? — недоверчиво переспросил генерал-губернатор и вдруг быстро-быстро захлопал глазами — только сейчас разглядел, как у соседки расходятся края выреза на платье.

На верхнем конце стола, где сидели самые именитые из приглашенных, от нехорошего слова стало очень тихо.

— Ну да, в морду, — громко повторила Эсфирь глуховатому старичку. — Директор гимназии сказал: «С таким поведением, Литвинова, я не стану вас держать ни за какие жидовские сребреники». Я и влепила ему в морду. А вы бы как поступили на моем месте?

— Да, в самом деле, выхода не было, — признал Долгорукой и заинтересованно спросил. — Ну, а он что?

— А ничего. Выгнал с волчьим билетом, доучивалась дома.

Эсфирь сидела между князем и Эрастом Петровичем, успевая и отдавать должное знаменитым рассыпчатым блинам, и оживленно болтать с московским властедержателем.

Собственно, в беседе участвовали только двое — его сиятельство и экстравагантная гостья. Все прочие, находившиеся в зоне слышимости, не раскрывали рта, а несчастный статский советник и вовсе окаменел.

Женская чувственность, рабочий вопрос, вредность нижнего белья, черта оседлости — вот лишь некоторые из тем, которые успела затронуть мадемуазель Литвинова за три первые смены блюд. Когда она отлучилась, не преминув сообщить, куда именно отправляется, Владимир Андреевич в полном восторге прошептал Фандорину: «Elle est ravissante, votre elue».[2] Но и Эсфирь, в свою очередь, обернувшись к Эрасту Петровичу, отозвалась о князе одобрительно:

— Милый старичок. И что его наши так ругают?

На шестой перемене блинов, когда после севрюжки, стерляжьего паштета и икорок внесли фрукты, меды и варенья, в дальнем конце бан-

---

[2] Примечания: 2

Она обворожительна, ваша избранница. *(фр.)*

кетной залы появился дежурный адъютант. Позвякивая аксельбантами, он на цыпочках побежал через все длинное помещение, и пробежка не осталась незамеченной. По отчаянному лицу офицера было видно, что стряслось нечто из ряда вон выходящее. Гости заоборачивались, провожая гонца взглядами, и лишь генерал-губернатор пребывал в неведении, шепча что-то на ухо Эсфири Авессаломовне.

— Щекотно, — сказала она, отодвигаясь от его пушистых крашеных усов, и с любопытством уставилась на адъютанта.

— Ваше сиятельство, чрезвычайное происшествие, — тяжело дыша, доложил капитан.

Он старался говорить тихо, но в наступившей тишине слова разносились далеко.

— А? Что такое? — спросил еще недоулыбавшийся Долгорукой. — Какое такое происшествие?

— Только что сообщили. На Николаевском вокзале совершено нападение на исправляющего должность начальника Губернского жандармского управления Сверчинского. Полковник убит. Его адъютант ранен. Есть и другие жертвы. Нападавшие скрылись. Движение поездов на Петербург остановлено.

Глава восьмая
Купили порося

Ночью он спал только два часа. Дело было не в клопах, не в духоте и даже не в пульсирующей боли — подобные мелочи не заслуживали внимания. Имелась проблема куда более насущная.

Грин лежал, закинув руки за голову, и сосредоточенно думал. Рядом на полу тесной каморки спали Емеля и Снегирь. Первый беспокойно ворочался, очевидно, одолеваемый кровососами. Второй тоненько вскрикивал во сне. Удивительно, что вообще уснул после вчерашнего.

Неожиданный исход сотрудничества с Козырем потребовал быстрых действий. Первым делом Грин привел в чувство истерически всхлипывающую Жюли, для чего пришлось легонько побить ее по щекам. Трястись после этого она перестала и выполняла всё, что он ей говорил, только избегала смотреть на неподвижное тело и светлую лужу от вина, которая темнела на глазах, разбавляемая кровью.

Затем наскоро перемотал свои раны. Трудней всего было с ухом, поэтому просто прикрыл его

платком и потуже натянул приказчичью ватную фуражку. Жюли принесла кувшин воды — смыть кровь с лица и рук.

Теперь можно было уходить.

Поставив Жюли сторожить у саней, Грин перетащил мешки из номера. Как прежде, по два за раз, не вышло — не следовало тревожить раненое запястье больше нужного.

Куда везти деньги, он стал думать, только когда благополучно отъехали от «Индии».

На место сбора, в будку виндавского обходчика, опасно. Место голое, кто-нибудь увидит, как затаскивают мешки, заподозрит, что краденый товар из грузового состава.

В другую гостиницу? С мешками в номер не пустят, а отдавать их на сохранение рискованно.

Выход нашла Жюли. Вроде бы сидела молча, нахохленная в своем мещанском платке, ни о чем не спрашивала, думать не мешала. И вдруг говорит:

— А на Николаевский. У меня багаж в камере хранения. Чемоданы заберу, вместо них мешки оставлю. Там порядки строгие, шарить никто не станет. И полиции в голову не придет, что деньги прямо у них под носом.

— Мне там нельзя, — объяснил Грин. — При-

меты.

— Тебе и не нужно. Скажу, что я горничная, за барыниными чемоданами. У меня квитанция. А в мешках, скажу, господские книжки. Какое кому дело. Ты — кучер, в санях останешься, на вокзал не пойдешь. Я носильщиков приведу.

Слышать, как она называет на «ты», было странно и неловко. Но идея про камеру хранения была правильная.

С вокзала поехали в гостиницу «Китеж» близ Красных Ворот, хоть и не первого разряда, но зато с телефоном у стойки, что сейчас имело особенную важность.

Грин протелефонировал связной. Спросил:

— Что они?

Игла дрожащим от волнения голосом ответила:

— Это вы? Слава Богу! С вами все хорошо? Товар у вас?

— Да. Что остальные?

— Все здоровы, только Арсений заболел. Пришлось оставить.

— Лечат? — нахмурился он.

— Нет, поздно, — голос снова дрогнул.

— Пошлите за моими на Виндавский. Пусть в гостиницу «Китеж». Начало Басманной. И вы

сюда. Номер семнадцать. Возьмите спирт, иголку, суровые нитки.

Игла приехала быстро. Коротко кивнула Жюли, едва на нее взглянув, хотя видела впервые. Посмотрела на замотанную голову Грина, на заклеенную бровь, сухо спросила:

— Вы тяжело ранены?

— Нет. Принесли?

Она поставила на стол маленький саквояж.

— Здесь спирт, иголка и нитки, как вы просили. И еще марля, вата, бинт, пластырь. Я училась на курсах милосердных сестер. Только покажите, я всё сделаю.

— Это хорошо. Бок могу сам. Бровь, ухо и руку неудобно. И пластырь правильно. Ребро сломано, стянуть.

Он разделся до пояса, и Жюли жалобно охнула, увидев синяки и мокрую от крови повязку.

— Ножевое, неглубоко, — объяснил Грин про рану в боку. — Важное не задето. Только промыть и зашить.

— Ложитесь на диван, — приказала Игла. — Я вымою руки.

Жюли села рядом. Ее кукольное лицо было искажено страданием.

— Гриночка, бедненький, тебе очень больно?

— Вам тут не нужно, — сказал он. — Вы свое сделали. Пусть она. Отойдите.

Игла быстро, ловко обработала рану спиртом. Суровую нить тоже вымочила в спирте. Прокалила на свече иголку.

Чтобы она не так напрягалась, Грин попробовал сказать шутку:

— Игла с иглой.

Очевидно, получилось недостаточно смешно — она не улыбнулась. Предупредила:

— Будет больно, потерпите.

Но боли он почти не чувствовал — сказывалась тренировка, да и дело свое Игла знала.

С интересом наблюдая, как она кладет мелкие, аккуратные стежки сначала на боку, потом на запястье, Грин спросил:

— «Игла» — из-за этого?

Вопрос вышел неуклюжий, он сам это почувствовал, но Игла поняла.

— Нет. Из-за вот этого.

Быстрым движением подняла руку к тугому узлу волос на затылке и выдернула длинную, острую заколку.

— Зачем? — удивился он. — Защищаться?

Она промыла спиртом разбитую бровь, наложила два шва и только потом ответила:

— Нет. Заколоться, если арестуют. Я знаю, нужно вот сюда, — и показала себе на шею. — У меня клаустрофобия. Не выношу тесных помещений. Могу не выдержать тюрьмы и сломаться.

Ее лицо залилось краской — было видно, что признание далось Игле нелегко.

Вскоре прибыли Емеля и Снегирь.

— Ранен? — испуганно спросил Снегирь. А Емеля, оглядевшись, прищурился:

— Где Рахмет?

На первый вопрос Грин не ответил, потому что было излишне. На второй объяснил:

— Нас теперь трое. Рассказывайте.

Рассказывал Снегирь, Емеля время от времени вставлял реплики, но Грин почти не слушал. Он знал, что мальчику нужно выговориться — в первый раз был на настоящей акции. Однако детали перестрелки значения не имели, думать сейчас надо было о другом.

— …Он отбежал немножко и упал. Ему вот сюда попало, — Снегирь показал повыше ключицы. — Мы с Гвоздем хотели его на руки подхватить, а он быстро так приставил револьвер к виску… Голову в сторону дернуло, и упал. А мы все побежали…

— Хорошо, — перебил Грин, решив, что хватит. — К делу. Мешки с деньгами на вокзале.

Взять взяли, теперь переправить в Питер. Трудно: полиция, жандармерия, филеры. Раньше искали только нас, теперь еще и деньги. А нужно срочно.

— Я думала, — быстро сказала Игла. — Можно отправить шестерых человек, каждому дать по мешку. Не может быть, чтобы все шестеро попались, кто-то непременно проскочит. Завтра этим займусь. Пятеро есть, я буду шестая. Мне как женщине даже легче.

— Завтра так завтра, — потянулся Емеля. — Утро вечера мудренее.

— Я тоже могу взять, — подала голос Жюли. — Только в моем багаже мешок будет смотреться странно. Я переложу пачки в чемодан, ладно?

Грин достал часы. Половина двенадцатого.

— Нет. Завтра они так обложат, что не вывезти. Будут вещи досматривать, нельзя. Сегодня.

— Что сегодня? — недоверчиво спросила Игла. — Деньги провозить сегодня?

— Да. Ночным. В два.

— Но это совершенно невозможно! Уже сейчас поднята вся полиция. Я пока сюда ехала, несколько раз видела, как повозки останавливали. А на вокзале, поди, такое творится…

И тогда Грин изложил свой план.

Предусмотреть нельзя было только одно — что после взрыва начальник вокзала с перепугу задержит отправление петербургского поезда и вообще прекратит движение на железной дороге.

А так всё прошло в точном соответствии с планом.

Без двадцати минут два Грин подвез Иглу и Жюли, одетых барыней и служанкой, к камере хранения, и остался ждать, потому что на вокзале ему показываться было никак невозможно.

Носильщик погрузил мешки на тележку и приготовился катить к поезду, но тут тощая, строгая барыня устроила своей смазливой горничной разнос за какую-то забытую дома картонку, да так увлеклась, что спохватилась только на втором звонке и сама еще на носильщика набросилась — почему медлит, не везет мешки в багажный вагон. Против ожиданий с ролью Игла справилась превосходно.

Одновременно со вторым звонком полагалось вступить Емеле со Снегирем. Времени съездить к Нобелю за снаряженной бомбой у них было достаточно.

И точно — едва тележка с мешками приблизилась к выходу на перрон, едва четверо в штатском

нацелились подойти к носильщику, которого подпихивала сумочкой в спину сварливая барынька, как с той стороны, где платформы, грянул глухой, гулкий взрыв, сопровождаемый криками и звоном стекол.

Филеры, разом забыв о тележке, ринулись на грохот, а барыня толкнула замешкавшегося носильщика, чтобы скорее поворачивался. Мало ли что там на вокзале стряслось — поезд ждать не станет.

Дальнейшего Грин не видел, однако можно было не сомневаться, что Игла и Жюли благополучно достигнут вагона, а мешки будут беспрепятственно помещены в багажное отделение. Жандармам и агентам стало не до досмотра.

Но минуты шли, а последнего звонка все не давали. В двадцать минут третьего Грин решился отправиться на рекогносцировку. Судя по хаотическому мельтешению синих шинелей в окнах, можно было не опасаться, что узнают.

Поговорил с растерянным служителем. Выяснил, что какой-то офицер взорвал большого полицейского начальника и скрылся. Это было хорошо. И еще выяснил, что нынче ночью дорога будет перекрыта. А это значило, что в самом главном акция не удалась.

Почти час ждал, пока Игла и Жюли вернутся с мешками.

Потом оставил женщин и повез деньги на явку, к Виндавским пакгаузам.

Подробности рассказал Емеля.

— Перед тем как из вокзала к поездам выходить, обшарили меня по всей форме. А я чистенький, без багажа, и билет на Питер третьего класса. Что с меня возьмешь. Прохожу на платформу, встаю в сторонке, жду. Смотрю — Снегирек подплывает. С большущим букетом, физия румяная. На него они и не взглянули. Кто про такого херувима вообразит, что у него в букете бомба. Сошлись в месте, где потемнее. Я бомбу тихонько вынул и в карман. Время хоть и ночное, а народу полно. Пассажирский из Питера запоздал, встречающие ждут. На наш двухчасовой публика прибывает. Порядок, думаю. Никто на меня пялиться не станет. Помаленьку присматриваюсь к дежурке. А она, Гриныч, окном прямо на платформу выходит. Шторки раздвинуты, и все внутри видать. За столом наш именинник сидит, около двери офицерик молодой зевает. По временам кто-то заходит, выходит. Не спят люди, работают. Я прошелся мимо, гляжу — мать честная, а фортка-то у них нараспашку. Знать, натоплено сильно. И

так это на душе тепло стало. Э, соображаю, Емеля, рано тебе еще помирать. Раз такая везень, может, еще и ноги унесешь. Снегирек, как уговорено, напротив окна стоит — шагах в двадцати. Я сбоку в тенечке жмусь. Раз колокол ударил. До отправления десять минут, девять, восемь. Стою, молюсь Николе-угоднику и Сатане-греховоднику: только б фортку не закрыли. Трень-брень — второй колокол. Пора! Прошел мимо окошка не спеша и коротко так, как кошка лапой, в форточку бульбу. Аккуратно легла, даже по раме не чиркнула. Успел еще шагов пять пройти, и тут как шарахнет! Что началось — матушки-светы! Бегут, свистят, орут. Слышу, Снегирек звонко: «Вон он, к путям побежал! В офицерской шинели!» Всей толпой туда и затопотали, а мы легохонько, скромнехонько, через боковой и на площадь. А там давай бог ноги.

Грин слушал Емелю, а смотрел на Снегиря. Тот был непривычно молчалив и понур. Сидел на мешке с деньгами, подперев голову. Лицо несчастное, и на глазах слезы.

— Ничего, — сказал ему Грин. — Вы все сделали, как нужно. Что не получилось — не виноваты. Завтра придумаю по-другому.

— Я хотел крикнуть, но не успел, — всхлипнул

Снегирь, по-прежнему глядя вниз. — Нет, вру. Растерялся. Боялся, крикну — Емелю выдам. И второй звонок уже был. А Емеле сбоку не видно было…

— Чего не видно-то? — удивился Емеля. — Выйти он не мог. Я как мимо окна проходил, глаз скосил — синий мундир на месте был.

— Он-то на месте, да как ты двинулся, в дежурную люди вошли. Какая-то дама и с ней мальчик, гимназист. На вид класс пятый.

— Вон оно что… — Емеля насупился. — Жалко мальца. Но ты правильно, что не крикнул. Я бы все равно кинул, только уйти бы трудней было.

Снегирь растерянно поднял мокрые глаза.

— Как все равно? Они же не при чем.

— Зато наши барышни при чем, — жестко ответил Емеля. — Если б мы с тобой замешкали, их бы агентура взяла с деньгами, и всё псу под хвост. Считай тогда, что Арсений впустую смерть принял, и Жюли с Иглой зря пропали, и наших в Одессе никто от веревки не спасет.

Грин подошел к пареньку, неловко положил ему руку на плечо, и попробовал подоходчивей объяснить то, о чем сам не раз думал:

— Понять нужно. Это война. Мы воюем. Там, на той стороне, всякие люди есть. Бывает, что доб-

рые, хорошие, честные. Но на них другой мундир, и значит, они враги. Вот все Бородино, Бородино. Скажи-ка, дядя. Помнишь, да? Там ведь стреляли, не думали, в хорошего или в плохого. Француз — значит, пали. Не Москва ль за нами. А тут враги похуже, чем просто французы. Жалеть нельзя. То есть можно и даже нужно, но не сейчас. Потом. Сначала победить, потом жалеть.

В голове все выходило убедительно, а вслух не очень.

Снегирь вскинулся:

— Я про войну понимаю. И про врагов. Они отца повесили, мать погубили. Но гимназист-то с дамой этой при чем? Когда воюют, ведь мирных жителей не убивают?

— Нарочно не убивают. Но если пушка выстрелила, кто знает, куда попадет снаряд. Может, что и в чей-то дом. Это плохо, это жалко, но это война, — Грин стиснул пальцы в кулак, чтобы фразы не сжимались комками — иначе Снегирь так и не поймет. — Разве они наших гражданских жалеют? Мы хоть по ошибке, ненарочно. Вот ты говоришь, мать. За что ее в каземате сгубили? За то, что отца твоего любила. А что они делают каждый день, год за годом, век за веком, с народом? Обирают, морят голодом, унижают, держат

в свинстве.

На это Снегирь ничего говорить не стал, но Грин видел, что разговор не окончен. Ладно, еще будет время.

— Спать, — сказал он. — День был тяжелый. А завтра обязательно деньги отправить. Иначе и правда всё зря.

— Охо-хо, — вздохнул Емеля, пристраивая под голову мешок со ста тысячами. — Насилу добыли бумажки проклятые, а теперь не чаем, как их сбагрить. Вот уж в самом деле: не было заботы, купили порося.

Думал большую часть ночи, думал утром.

Никак не складывалось.

Шесть мешков — груз немалый. Незаметно не вывезешь, особенно после вчерашнего. Теперь жандармы и вовсе взбеленятся.

Как предлагала Игла, поделить между шестью курьерами? Это возможно. Но вероятнее всего, Жюли и Игла проскочат, а остальные четверо — нет. Молодые мужчины у филеров на первом подозрении. Терять две трети денег, да еще отдавать четверых товарищей — слишком большая цена за двести тысяч.

Послать только женщин, каждую с сотней тысяч, а остальные деньги пока задержать? Воз-

можно, но тоже рискованно. Слишком много неаккуратностей вышло за последние дни. Самая худшая — Рахмет. Наверняка дал охранникам полное описание членов группы, а заодно и Иглы.

Как найти Иглу, Рахмет не знал, но несомненно выдал приват-доцента с Остоженки. Аронзон — еще одна неаккуратность. Через него Охранка может выйти на Иглу.

И еще Арсений Зимин. Труп из Сомовского тупика, конечно, уже опознан. Прослеживают связи и знакомства убитого, рано или поздно что-нибудь зацепят.

Нет, группа должна быть налегке, без груза.

Значит, от денег необходимо поскорей избавиться.

Трудная задача еще больше осложнялась тем, что нужно было отлежаться, восстановить силы. Прислушавшись к себе, Грин пришел к заключению, что сегодня к полноценному действию не приспособлен. После стычки с Козырем организм давал понять, что нуждается в поправке, а своему телу Грин привык доверять. Знал, что лишнего оно не потребует, и раз уж хочет передышки, значит, не может без нее обойтись. Если не придать значения, станет хуже. Если же подчиниться,

организм придет в норму быстро. Лекарства не понадобятся, только полный покой и самодисциплина. Полежать без движения день, а лучше два, и сломанное ребро схватится, швы затянутся, отбитые мышцы восстановят упругость.

Шесть лет назад во Владимире Грин бежал с этапа. Выломал решетку вагона, спрыгнул на рельсы, да неудачно — прямо перед часовым. Получил удар штыком под лопатку. Уходя от погони, петлял меж путей и составов, спина была мокрой от крови. Наконец затаился на складе, среди огромных тюков с овчинами. Выбраться было нельзя — беглеца повсюду искали. Оставаться тоже было нельзя — тюки начали грузить в поезд, их оставалось все меньше и меньше. Распорол один, забрался внутрь, между пахучих и мокрых шкур — видно, нарочно намочили для большего веса. Лишней тяжести из-за этого было незаметно. Грузчики подцепили здоровенный тюк крюками, проволокли по настилу. Снаружи вагон запечатали, и поезд тихонько покатил на запад, мимо оцепления, мимо патрулей. Кому придет в голову проверять запломбированный вагон? Состав шел до Москвы медленно, шесть суток. Грин утолял жажду тем, что сосал волглую, трудно подсыхающую шерсть, а есть совсем не ел,

потому что было нечего. Но не ослабел, а наоборот окреп, так как двадцать четыре часа в сутки направлял волю на латание организма. Пища для этого оказалась не нужна. Когда в Москве на сортировке вагон распломбировали, Грин спрыгнул на землю и спокойно прошел к выходу мимо похмельных, равнодушных грузчиков. Остановить его никто не пытался. Когда добрался до партийного доктора и показал рану на спине, тот поразился — дыра зарубцевалась сама собой.

От давнего воспоминания пришло решение.

Всё получится просто, только бы Лобастов согласился.

Должен согласиться. Уже знает, что БГ управилась без его помощи. Про Сверчинского тоже знает. Поостережется отказывать.

Было и еще одно соображение, пока непроверенное. Уж не Тимофей ли Григорьевич и есть таинственный корреспондент ТГ? Очень вероятно. Хитер, осторожен и жаден до чужих секретов. Не с одним дном человек, ведет свою игру, а какую — только он один и знает.

Если так, то тем более поможет.

Тихо, чтобы не потревожить Снегиря, разбудил Емелю. Вполголоса разъяснил ему поручение — коротко, потому что он хоть по виду и увалень,

а схватывает на лету.

Емеля молча оделся, пригладил пятерней светлые волосы, нацепил картуз. Посмотреть — взгляд не остановится. Обыкновенный фабричный, у Лобастова на мануфактуре таких тысячи.

Вывел из сарая лошадь, покидал в сани мешки, сверху небрежно набросил рогожу и покатил по свежему снегу через пустырь, к темным пакгаузам.

Теперь ждать.

Грин неподвижно сидел у окна, считал удары сердца, и чувствовал, как, покалывая иголками, сходится разрезанная плоть, как сцепляется костяной разлом, как тянутся друг к другу клеточки новой кожи.

В половине восьмого во двор вышел хозяин-обходчик Матвей. Единственную комнату своей будки он уступил гостям, сам спал на сеновале. Угрюмый, неразговорчивый мужик, Грину такие нравились. Ни одного вопроса не задал. Раз прислала людей партия — значит, надо. Раз не объясняют зачем — значит, не положено. Матвей зачерпнул снега, протер лицо и развалисто зашагал в сторону депо, помахивая котомкой с инструментом.

Снегирь проснулся вскоре после десяти.

Не вскочил, как обычно, свежий и жизнерадостный, а медленно поднялся, взглянул на Грина и не произнес ни слова. Пошел умываться.

Ничего не поделаешь. Мальчика больше нет, есть член БГ. Цвет у Снегиря со вчерашнего дня неуловимо переменился: уже не нежно-персиковый — гуще и строже.

А к полудню проблема была решена.

Емеля сам видел, как деньги погрузили в вагон, наполненный мешками с красителем для петербургской фабрики Тимофея Григорьевича, и навесили пломбу. Паровозик укатил вагон на Сортировочную, там его прицепят к товарному, и в три пополудни состав малым ходом отбудет из Москвы.

Об остальном позаботится Жюли.

Сердце работало ровно, удар в секунду. Организм восстанавливал силы. Всё было хорошо.

Глава девятая, в которой много говорят о судьбах России

Остаток ночи — бессонной, беспокойной и бестолковой — Эраст Петрович провел на Николаевском вокзале, пытаясь восстановить картину произошедшего и обнаружить следы преступников. Хоть свидетелей было множество, как синемундирных, так и партикулярных, ясности они не прибавляли. Все говорили про какого-то офицера, якобы бросившего бомбу, но никто, как выяснилось, его не видел. Понятно, что внимание полиции и агентов было сосредоточено на отъезжающих, на окна вокзала никто не смотрел, но все равно выходило странно. В присутствии нескольких десятков людей, приученных к профессиональной наблюдательности, безнаказанно взрывают их начальника, и никто ни сном ни духом. Объяснить беспомощность полиции можно было разве что чрезмерной дерзостью нападения. Непонятно было даже, откуда бросили бомбу. Вероятнее всего из коридора, потому что никто не слышал перед взрывом звона разбитого стекла.

Однако же листок с буквами БГ был обнаружен именно под окном, со стороны перрона. Может быть, снаряд забросили в форточку?

Из четырех человек, находившихся в дежурной в момент взрыва, жив остался только поручик Смольянинов, да и то только потому, что в это время уронил на пол перчатку и полез за ней под дубовый стол. Крепкое дерево уберегло адъютанта от большинства осколков, только в руку вошел кусочек железа, но зато и свидетель из поручика получился неважный. Он даже не мог припомнить, была ли открыта форточка. Сверчинский и неустановленная дама скончались на месте. Гимназиста увезли в санитарной карете, но он был без сознания и явно не жилец.

На вокзале распоряжался Пожарский, которого министр телеграммой назначил временно исправлять должность убитого, Эраст Петрович же чувствовал себя праздным наблюдателем. Многие косились на его неуместный в данных обстоятельствах фрак.

В восьмом часу, окончательно поняв, что здесь ничего выяснить не удастся, статский советник уговорился с Пожарским встретиться позже в управлении и, погруженный в глубокую задумчивость, поехал домой. Намерения его были таковы:

два часа поспать, потом сделать гимнастику и прояснить голову посредством медитации. События развивались столь стремительно, что рациональность за ними не поспевала, требовалось вмешательство глубинных сил души. Сказано: среди бегущих остановись, среди кричащих замолчи.

Но осуществить план не вышло.

Тихонько открыв ключом дверь, Эраст Петрович увидел, что в прихожей, сложив ноги калачиком и привалившись к стене, спит Маса. Это само по себе уже было необычно. Надо полагать, ждал хозяина, хотел о чем-то предупредить, да сморило.

Будить настырного и любопытного камердинера Фандорин не стал, чтобы избежать лишних объяснений. Бесшумно ступая, прокрался в спальню, и тут стало ясно, о чем хотел предупредить Маса.

Поперек кровати раскинулась Эсфирь руки отброшены за голову, ротик приоткрыт, достопамятное алое платье безнадежно измято. Очевидно, отправилась сюда прямо с приема, после того как Эраст Петрович, извинившись, отбыл к месту трагедии.

Фандорин попятился, рассчитывая ретировать-

ся в кабинет, где можно было отлично устроиться в просторном кресле, но задел плечом о дверной косяк. Эсфирь немедленно открыла глаза, села на кровати и чистым, звонким голосом, будто вовсе и не спала, воскликнула:

— Явился наконец! Ну что, оплакал своего жандарма?

После тяжелой и бесплодной ночи нервы статского советника были взвинчены, и потому он ответил в несвойственной ему резкой манере:

— Ради того, чтобы убить одного жандармского полковника, вместо которого завтра же пришлют д-другого, революционные герои заодно раздробили голову ни в чем не повинной женщине и оторвали ноги подростку. Мерзость и злодейство, вот что такое т-твоя революция.

— Ах, революция — мерзость? — Эсфирь вскочила и воинственно уперла руки в бока. — А твоя империя не мерзость? Террористы проливают чужую кровь, но и своей не жалеют. Они приносят свою жизнь в жертву, и потому вправе требовать жертв от других. Они убивают немногих ради благоденствия миллионов! Те же, кому служишь ты, эти жабы с холодной, мертвой кровью, душат и топчут миллионы людей ради благоденствия кучки паразитов!

— «Душат, топчут» — что за д-дешевая риторика.

Фандорин устало потер переносицу, уже пожалев о своей вспышке.

— Риторика? Риторика?! — Эсфирь задохнулась от возмущения. — Да… Да вот, — она схватила газету, валявшуюся на кровати. — Вот, «Московские ведомости». Читала, пока тебя ждала. В одном и том же номере, на соседних страницах. Сначала тошнотворное рабское сю-сю: *«Московская городская Дума постановила поднести памятный кубок от счастливых горожан флигель-адъютанту князю Белосельскому-Белозерскому, доставившему Всемилостивейшее послание Помазанника Божия к москвичам по поводу всеподданнейшего адреса, который был поднесен Его Императорскому Величеству в ознаменование грядущего десятилетия нынешнего благословенного царствования…»*. Тьфу, с души воротит. А рядом, пожалуйста: *«Наконец-то министерство просвещения призвало неукоснительно соблюдать правило о недопущении в университеты лиц иудейского вероисповедания, которые не имеют вида на жительство вне черты оседлости, и во всяком случае не выше установленной процентной нормы. Евреи в России — самое удручающее*

наследие, оставленное нам не существующим ныне Царством Польским. В империи евреев четыре миллиона, всего-то четыре процента населения, а миазмы, исходящие от этой язвы, отравляют своим смрадом…». Дальше читать? Нравится? Или вот: *«Принятые меры по преодолению голода в четырех уездах Саратовской губернии пока не приносят желаемого результата. Ожидается, что в весенние месяцы бедствие распространится и на сопредельные губернии. Высокопреосвященный Алоизий, архиепископ Саратовский и Самарский, повелел отслужить в церквах молебны о преодолении напасти»*. Молебны! И блины у вас в горле не застрянут!

Эраст Петрович, слушавший с болезненной гримасой, хотел было напомнить обличительнице, что и сама она вчера не пренебрегла долгоруковскими блинами, но не стал, потому что это было мелко и еще потому что в главном она была права.

А Эсфирь не унималась, читала дальше:

— Ты слушай, слушай: *«Патриоты России глубоко возмущены олатышиванием народных училищ в Лифляндской губернии. Теперь детей там заставляют учить туземное наречие, для чего сокращено количество уроков, отведенных*

на изучение Закона Божия, якобы необязательного для неправославных». Или из Варшавы, с процесса корнета Барташова: *«Суд отказался заслушать показания свидетельницы Пшемысльской, поскольку она не соглашалась говорить на русском языке, ссылаясь на недостаточное знание оного»*. Это в польском-то суде!

Последняя цитата напомнила Фандорину об обрубленной ниточке — убитом Арсении Зимине, чей отец как раз и защищал в Варшаве злосчастного корнета. От досадного воспоминания Эрасту Петровичу сделалось совсем тошно.

— Да, мерзавцев и дураков в государстве много, — нехотя сказал он.

— Все или почти все. А все или почти все революционеры — люди благородные и героические, — отрезала Эсфирь и саркастически спросила: — Тебя это обстоятельство ни на какую мысль не наводит?

Статский советник грустно ответил:

— Вечная беда России. Всё в ней перепутано. Добро защищают дураки и мерзавцы, злу служат мученики и г-герои.

Такой уж, видно, выдался день: в Жандармском управлении тоже говорили о России.

Пожарский занял осиротевший кабинет

покойного Станислава Филипповича, куда естественным образом переместился и штаб расследования. В приемной у беспрестанно звонившего телефонного аппарата стоял поручик Смольянинов, бледнее обычного и с рукой на эффектной черной перевязи. Он улыбнулся Фандорину поверх переговорного рожка и показал на начальственную дверь: мол, милости прошу.

В кабинете у князя сидел посетитель, Сергей Витальевич Зубцов, что-то очень уж раскрасневшийся и возбужденный.

— А-а, Эраст Петрович, — поднялся навстречу Пожарский. — Вижу по синим кругам под глазами, что не ложились. Вот, сижу, бездельничаю. Полиция и жандармерия рыщут по улицам, филеры шныряют по околореволюционным закоулкам и помойкам, а я засел тут этаким паучищем и жду, не задергается ли где паутинка. Давайте ждать вместе. Сергей Витальевич вот заглянул. Прелюбопытные взгляды излагает на рабочее движение. Продолжайте, голубчик. Господину Фандорину тоже будет интересно.

Худое, красивое лицо титулярного советника Зубцова пошло розовыми пятнами — то ли от удовольствия, то ли еще от какого-то чувства.

— Я говорю, Эраст Петрович, что революцион-

ное движение в России гораздо проще победить не полицейскими, а реформаторскими методами. Полицейскими, вероятно, и вовсе невозможно, потому что насилие порождает ответное насилие, еще более непримиримое, и так с нарастанием вплоть до общественного взрыва. Тут надобно обратить главное внимание на мастеровое сословие. Без поддержки рабочих революционерам рассчитывать не на что, наше крестьянство слишком пассивно и разобщено.

Тихо вошел Смольянинов. Сел у секретарского стола, неловко придавил перевязанной рукой лист и принялся что-то записывать, по-гимназистски склонив голову на бок.

— Как же лишить революционеров рабочей п-поддержки? — спросил статский советник, пытаясь понять, что означают розовые пятна.

— Очень просто, — было видно, что Зубцов говорит давно обдуманное, наболевшее, и не просто теоретизирует, а, кажется, рассчитывает заинтересовать своими идеями важного петербургского человека. — Тот, кому сносно живется, на баррикады не пойдет. Если б все мастеровые жили, как на предприятиях Тимофея Григорьевича Лобастова — с девятичасовым рабочим днем, с приличным жалованьем, с бесплатной боль-

ницей и отпуском — господам Гринам в России делать было бы нечего.

— Но как живется рабочим, зависит от заводчиков, — заметил Пожарский, с удовольствием глядя на молодого человека. — Им же не прикажешь платить столько-то и заводить бесплатные больницы.

— Для того и существуем мы, государство, — Зубцов тряхнул светло-русой головой. — Именно что приказать. Слава богу, у нас самодержавная монархия. Самым богатым и умным разъяснить, чтоб поняли свою выгоду, а потом закон провести. Сверху. О твердых установлениях по условиям рабочего найма. Не можешь соблюдать — закрывай фабрику. Уверяю вас, что при таком обороте дела у государя не будет более верных слуг, чем рабочие. Это оздоровит всю монархию!

Пожарский прищурил черные глаза.

— Разумно. Но трудновыполнимо. У его величества твердые представления о благе империи и общественном устройстве. Государь считает, что царь — отец подданным, генерал — отец солдатам, а хозяин — отец работникам. Вмешиваться в отношения отца с сыновьями непозволительно.

Голос Зубцова стал мягким, осторожным — видно было, что он подбирается к главному.

— Вот и надо бы, ваше сиятельство, продемонстрировать верховной власти, что рабочие хозяину никакие не сыновья, что все они, и фабриканты, и фабричные, в равной степени чада его величества. Хорошо бы, не дожидаясь, пока революционеры окончательно сорганизуют мастеровых в неподконтрольную нам стаю, перехватить первенство. Заступаться за рабочих перед хозяевами, иногда и надавить на заводчиков. Пусть простые люди понемногу привыкают к мысли, что государственная машина охраняет не денежных мешков, а трудящихся. Можно было бы даже посодействовать созданию трудовых союзов, только направить их деятельность не в ниспровергательное, а в законопослушное, экономическое русло. Самое время этим заняться, ваше сиятельство, а то поздно будет.

— Не надо меня «сиятельством» обзывать, — улыбнулся Пожарский. — Для толковых подчиненных я Глеб Георгиевич, а сойдемся поближе, можно и просто Глеб. Далеко пойдете, Зубцов. У нас умные люди с государственным мышлением на вес золота.

Сергей Витальевич залился сплошной розовой краской, уже безо всяких пятен. Фандорин же спросил, внимательно на него глядя:

— Вы что, пришли сюда, в Жандармское, специально, чтобы поделиться с Глебом Георгиевичем своими в-взглядами на рабочее движение? Именно сегодня, когда у нас творится такое?

Зубцов стушевался, явно застигнутый этим вопросом врасплох.

— Разумеется, Сергей Витальевич пришел сюда не для теоретизирования, — сказал Пожарский, спокойно глядя на прожектера. — То есть и для теоретизирования тоже, но не только. Я так понимаю, господин Зубцов, что у вас есть для меня какие-то важные сведения, но предварительно вы решили проверить, разделяю ли я вашу генеральную политическую идею. Разделяю. Целиком и полностью. Окажу всемерную поддержку и вас не обижу. Я же сказал: у нас в ведомстве умные люди на вес золота. А теперь выкладывайте, что там у вас.

Сглотнув, титулярный советник заговорил, но не так, как прежде, свободно и гладко, а с трудом, очень волнуясь и помогая себе руками:

— Я… Я, господа, не хочу, чтобы вы сочли меня двурушником и… доносчиком. Собственно, какое доносительство… Ну хорошо, беспринципным карьеристом… Я исключительно из-за тревоги о пользе дела…

— Мы с Эрастом Петровичем ничуть в этом не сомневаемся, — нетерпеливо перебил его князь. — И довольно вступлений, Зубцов, к делу. Какие-нибудь каверзы Бурляева или Мыльникова?

— Бурляева. И не каверзы. Он подготовил операцию…

— Какую операцию?! — вскричал Пожарский, а Фандорин озабоченно нахмурился.

— По захвату Боевой Группы… Сейчас, по порядку. Вы знаете, что все филеры Мыльникова были брошены на слежку за революционными кругами, через которые можно было бы выйти на БГ. Я давеча неслучайно помянул фабриканта Лобастова. По агентурным сведениям, Тимофей Григорьевич заигрывает с революционерами, иногда дает им деньги. Предусмотрительный человек, подстилает соломки на всякий случай. Так вот, Мыльников в числе прочих установил слежку и за ним. Сегодня утром филер Сапрыко видел, как к Лобастову пришел в контору некий мастеровой, которого почему-то сразу же провели к хозяину. Тимофей Григорьевич отнесся к посетителю очень предупредительно. Долго с ним о чем-то разговаривал, потом вместе с ним куда-то отлучался почти на целый час. Внешно-

стью таинственный рабочий очень напоминал боевика по кличке «Емеля», описанного агентом Гвидоном, но Сапрыко как опытный филер не стал пороть горячку, а дождался этого человека у проходной и осторожно повел. Тот несколько раз проверял, нет ли хвоста, но слежки так и не обнаружил. Объект доехал на извозчике до Виндавского вокзала, там немного попетлял среди путей и в конце концов исчез в будке обходчика. Сапрыко, не покидая укрытия, вызвал свистком ближайшего городового и переслал записку в Охранное. Через час наши обложили домик со всех сторон. Установили, что обходчика зовут Матвеем Жуковым, что живет он один, без семьи. «Емеля» из будки больше не выходил, но еще до того, как прибыло подкрепление, Сапрыко видел, как из дома вышел молодой человек, чья внешность совпала с описанием боевика «Снегиря».

— А Грин? — хищно спросил Пожарский.

— В том-то и штука, что Грина не видно. Похоже, что в будке его нет. Именно поэтому Петр Иванович приказал выжидать. Если Грин так и не объявится, операция начнется в полночь. Господин подполковник хотел раньше, но Евстратий Павлович упросил обождать — вдруг еще какая-нибудь рыбина заплывет.

— Ах, скверно! — вскричал князь. — Глупо! Агент Сапрыко молодец, а Бурляев ваш идиот! Наблюдение надо держать, следить надо! А если они деньги в другом месте хранят? А если Грин там вообще не объявится? Нельзя операцию, ни в коем случае!

Зубцов подхватил скороговоркой:

— Ваше сиятельство, Глеб Георгиевич, так ведь и я о том же! Потому и пришел, переступив через щепетильность! Петр Иванович человек решительный, но слишком уж с нахрапом, ему бы только топором махать. А тут с плеча рубить нельзя, тут деликатненько надо. Он боится, что вы всю заслугу себе заберете, хочет перед Петербургом отличиться, и это понятно, но ставить из-за честолюбия всё дело под угрозу! Только на вас и надеюсь.

— Смольянинов, соединитесь с Гнездниковским! — приказал Пожарский, поднимаясь. — Хотя нет. Тут телефон не годится. Эраст Петрович, Сергей Витальевич, едем!

Казенные сани рванули от подъезда, взметнув снежную пыль. Оглянувшись, Фандорин заметил, как следом от противоположного тротуара трогают еще одни санки, попроще. В них двое мужчин в одинаковых меховых картузах.

— Не беспокойтесь, Эраст Петрович, — засмеялся князь. — Это не террористы, а совсем наоборот. Мои ангелы-хранители. Не обращайте внимания, я уж к ним привык. Начальство приставило — после того, как господа из БГ мне на Аптекарском острове чуть дырок не понаделали.

Толкнув дверь в кабинет Бурляева, вице-директор с порога объявил:

— Подполковник, я отстраняю вас от управления Отделением вплоть до особого распоряжения министра. Временным начальником назначаю титулярного советника Зубцова.

Бурляев и Мыльников были застигнуты внезапным вторжением у стола, на котором была разложена какая-то схема.

Решительное заявление Пожарского они встретили по-разному: Евстратий Павлович в несколько мягких, кошачьих шажков ретировался к стеночке, Петр Иванович же, напротив, не тронулся с места и лишь по-бычьи наклонил голову.

— Руки коротки, господин полковник, — рыкнул он. — Вы, кажется, назначены временно исполнять должность начальствующего Жандармским управлением? Вот и исполняйте, а я Жандармскому управлению не подчиняюсь.

— Вы подчиняетесь мне как вице-директору Департамента полиции, — зловеще тихим голосом напомнил князь.

Выпученные глаза подполковника блеснули.

— Я вижу, в моем ведомстве отыскался иуда, — он ткнул пальцем в бледного, застывшего в дверях Зубцова. — Да только на моих костях вам, сердечный друг Сергей Витальевич, карьеры не сделать. Не на ту лошадку поставили. Вот! — он достал из кармана листок и торжествующе помахал им в воздухе. — Сорок минут как получено! Депеша от самого министра. Я обрисовал положение и послал запрос, могу ли проводить разработанную операцию по арестованию террористической Боевой Группы. Читайте, что пишет его высокопревосходительство: *«Подполковнику отдельного корпуса жандармов Бурляеву. Молодцом. Действуйте по своему усмотрению. Взять подлецов живыми или мертвыми. Бог в помочь. Хитрово».* Так что извините, ваше сиятельство, на сей раз обойдемся без вас. Вы с вашими психологиями уже знатно отличились, когда Рахмета профукали.

— Петр Иваныч, ведь если в лоб пойдем, именно что мертвыми возьмем, а не живыми, — подал вдруг голос доселе молчавший Мыльников. — На-

родец отчаянный, будет палить до последнего. А хорошо бы живьем. И своих жалко, чай, не одного положим. Место вокруг будки голое, пустырь. Скрытно не подойдешь. Может, все-таки выждем, пока они сами оттуда полезут?

Сбитый ударом с тыла, Бурляев резко повернулся к своему помощнику.

— Евстратий Павлович, я своего решения не переменю. Будем брать всех, кто там есть. А про голое место мне объяснять не нужно, не первый год аресты произвожу. Для того и полуночи ждем. В одиннадцать вот здесь, на Марьинском, фонари гасят, совсем темно станет. Выйдем цепочкой из пакгаузов и со всех четырех сторон к дому. Я сам первый пойду. Возьму с собой Филиппова, Гуськова, Ширяева и этого, как его, здоровенный такой, с бакенбардами… Сонькина. Они сразу дверь вышибут и внутрь, за ними я, потом еще четверо, кого назначите, нервами покрепче, чтоб с перепугу в спину нам палить не начали. А прочие останутся вот тут, по периметру двора. И никуда они, голубчики, у меня не денутся. Возьму тепленькими.

Пожарский хранил потерянное молчание, очевидно, так и не оправившись от министрова вероломства, так что последнюю попытку образу-

мить зарвавшегося подполковника предпринял Эраст Петрович.

— Вы делаете ошибку, Петр Иванович. Послушайте г-господина Мыльникова. Арестуйте их, когда будут уходить.

— Уже сейчас по складам вокруг пустыря сидят тридцать филеров и два взвода полиции, — сказал Бурляев. — Если террористы соберутся уходить засветло, тем лучше — как раз попадут к моим в лапы. А если останутся ночевать — ровно в полночь я приду за ними сам. И это мое последнее слово.

Глава десятая
Грину пишут

Солнце медленно переползало по небу, даже в высшей точке подъема далеко не отрываясь от плоских крыш. Грин сидел у окна, не шевелился, смотрел, как светило проходит свой сокращенный зимний маршрут. Педантичному кружку оставалось уже совсем недалеко до конечного пункта — темной громады зернохранилища, когда на пустынной дорожке, что вела от путей к Марьинскому проезду, появилась приземистая фигура.

Место все-таки неплохое, хоть тесно и клопы, подумал Грин. С самого полудня это был первый прохожий, а так ни души, только маневровый паровозик сновал туда-сюда, растаскивая вагоны.

Идущему солнце светило в спину, и кто это, стало видно, только когда человек повернул к будке.

Матвей, хозяин.

Что это он? Говорил, что смена до восьми, а сейчас только пять.

Вошел, вместо приветствия кивнул. Лицо хму-

рое, озадаченное.

— Вот, это вроде как вам…

Грин взял у него помятый конверт. Прочел надпись печатными буквами, чернила фиолетовые. «Г-ну Грину. Срочно».

Коротко взглянул на Матвея.

— Откуда?

— Ляд его знает, — тот сделался еще сумрачней. — Сам не пойму. В кармане тулупа сыскалось. В депо был, в контору вызывали. Народу вокруг много терлось, любой сунуть мог. Я так думаю, уходить вам надо. Где паренек, третий ваш?

Грин разорвал конверт, уже зная, что там увидит: машинописные строки. Так и есть.

> Дом обложен со всех сторон. Полиция не уверена, что вы внутри, поэтому выжидает. Ровно в полночь будет штурм. Если сумеете прорваться, есть удобная квартира: Воронцово поле, дом Ведерникова, № 4.
>
> ***ТГ***

Сначала чиркнул спичкой, сжег записку и конверт. Пока смотрел на огонь, считал пульс. Когда ток крови восстановил нормальную ритмичность, сказал.

— Идите медленно, будто назад в депо. Не оглядывайтесь. Вокруг полиция. Если арестуют — пусть. Скажете, что меня нет, вернусь к ночи. Но арестуют вряд ли. Скорее пропустят и приставят хвост. Надо оторваться и уходить. Скажете товарищам, что я велел вас на нелегальное.

Хозяин и в самом деле оказался крепок. Постоял немного, ни о чем не спросил. Вынул из сундука какой-то узелок, сунул под тулуп и не торопясь зашагал по дорожке обратно к Марьинскому.

Вот почему прохожих не было, понял Грин. А разместиться полиции тут есть где — вон сколько складов вокруг. Хорошо, что сидел сбоку от окна и штора, а то наверняка в несколько биноклей смотрят.

Словно в подтверждение догадки на чердаке ремонтных мастерских вспыхнула искорка. Такие искорки Грин видел и раньше, но значения не придавал. Урок на будущее.

Шестой час. Товарный состав, в котором вагон с лобастовскими красителями, уже ушел в Питер. Через пять минут на курьерском отправится Жюли. Снегирь проверит, уехала ли, и вернется сюда. Конечно, уедет, почему нет. Обгонит товарный и завтра встретит его в Питере. Примет мешки, и у партии появятся деньги. Если нынче

ночью БГ и погибнет, то не задаром.

А может быть, и не погибнет. Еще посмотрим. Кто предупрежден, тот вооружен.

Кстати, вооружен ли?

Грин сдвинул брови, вспомнив, что запас бомб остался на квартире у присяжного поверенного, а одними револьверами много не навоюешь. Осталось немножко гремучего студня и взрыватели, но ни корпусов, ни начинки.

— Емеля! — позвал он. — Одевайся, дело.

Тот поднял маленькие глазки от «Графа Монте-Кристо», единственной книжки, нашедшейся в доме.

— Погоди, Гриныч, а? Тут такое творится! До главы дочитаю.

— Потом. Время будет.

И Грин объяснил ситуацию.

— Купишь в лабазе десять жестянок тушеной свинины, десять помидорной пасты и фунта три двухдюймовых шурупов. Иди спокойно, не оглядывайся. Они тебя не тронут. Если ошибаюсь и все-таки решат брать, стрельни хоть раз, чтоб я подготовился.

Не ошибся. Емеля ушел и вернулся с покупками, а вскоре прибыл и Снегирь. Сказал, Жюли уехала. Хорошо.

До полуночи еще было далеко, на подготовку времени хватало. Емеле Грин разрешил читать про графа — пальцы у верзилы слишком грубые для тонкой работы, а в помощь взял Снегиря.

Первым делом приоткрыли все двадцать консервов ножом, вывалили содержимое в помойное ведро. Мясные банки были фунтовые, помидорные вдвое уже. С узких Грин и начал. Заполнил до половины гремучей смесью — на больше не хватало, но ничего, вполне достанет и этого. Осторожно всунул стеклянные трубочки химических взрывателей. Принцип был простой: при соединении состав запала и гремучая смесь давали взрыв огромной разрушительной силы. Тут требовалась особенная осторожность. Сколько товарищей подорвалось, задев хрупким стеклом о металл корпуса.

Снегирь смотрел, затаив дыхание. Учился.

Осторожно вдавив трубочки в студенистую массу, Грин пригнул обратно оттопыренную крышечку и вставил узкую банку в жестянку из-под свинины. Получилось почти идеально. В промежуток между стенками банок насыпал шурупов, сколько поместилось. Теперь оставалось только залепить верхнюю крышку, и бомба готова. От удара стеклянная трубочка лопнет,

взрыв разнесет тонкие стенки, и шурупы превратятся в смертоносные осколки. Проверено не раз — действует отлично. Недостаток только один: разлет осколков до тридцати шагов, а значит, легко пораниться самому. Но на этот счет у Грина было свое соображение.

В полночь — это замечательно.

Только бы не передумали, не начали раньше.

— Гнида какая этот Вильфор! — пробормотал Емеля, переворачивая страницу. — Чисто наши судейские.

В одиннадцать погасили свет. Пусть полиция думает, что легли спать.

По одному, всякий раз приоткрывая дверь совсем на чуть-чуть, выскользнули во двор, залегли у заборчика.

Скоро глаза привыкли к темноте, и было видно, как без четверти двенадцать к домику по белому пустырю стали стягиваться юркие, бесшумные тени.

Остановились плотным кольцом, не дойдя до заборчика каких-нибудь десяти шагов. Вон сколько их. Но это даже неплохо. Больше будет суматохи.

Прямо впереди, на дорожке, тени собрались в большой ком. Было слышно шепот, позвяки-

вание.

Когда ком двинулся к калитке, Грин скомандовал:

— Пора.

Бросил в надвигающийся ком банку, сразу за ней вторую и упал лицом в снег, закрыв уши.

От сдвоенного грохота все равно ударило в перепонки. А слева и справа тоже громыхнуло: раз, другой, третий, четвертый. Это бросили бомбы Емеля со Снегирем.

Тут же вскочили на ноги и бегом вперед, пока полицейские ослеплены вспышками и оглушены взрывами.

Перескакивая через распростертые на дорожке тела, Грин удивился, что зашитый бок и сломанное ребро совсем не болят. Вот что значит — довериться внутренним силам организма.

Рядом тяжело топал Емеля. Снегирь резвым жеребенком несся впереди.

Когда сзади ударили выстрелы, до спасительных пакгаузов оставалось рукой подать.

Чего теперь стрелять-то. Поздно.

* * *

Квартира на Воронцовом поле оказалась удобная: три комнаты, черный ход, телефон и даже

ванная с подогревом воды.

Емеля сразу уселся с книжкой — будто не было взрывов, бега под пулями через заснеженный пустырь и потом долгого петляния по темным улочкам.

Выбившийся из сил Снегирь упал на диван и уснул.

Грин же внимательно осмотрел квартиру, надеясь обнаружить какую-нибудь ниточку, по которой можно будет добраться до ТГ.

Ничего не обнаружил.

Квартира была полностью меблированная, но без каких-либо признаков настоящей жизни. Ни портретов, ни фотографических карточек, ни безделушек, ни книг.

Здесь явно никто не жил.

Тогда зачем она нужна? Для деловых встреч? На всякий случай?

Но содержать такую квартиру для встреч или «на всякий случай» мог только очень богатый человек.

Опять поворачивало на Лобастова.

Загадочность вселяла тревогу. То есть непосредственной опасности Грин не предполагал — если это ловушка, то зачем выводить Боевую Группу из-под удара Охранки? И все же правильней было

уйти в отрыв.

Он протелефонировал Игле. Объяснять ничего не стал, сказал только, что завтра понадобится новая квартира и назвал свой адрес. Игла сказала, что придет утром. Голос у нее был встревоженный, но спрашивать, умница, ни о чем не стала.

Теперь спать, сказал себе Грин. Устроился в кресле не раздеваясь. На столик перед собой выложил «кольт» и четыре оставшихся бомбы.

Оказывается, устал. И с ребром не так хорошо, как думал. Это из-за быстрого бега. Как только от тряски взрыватели в бомбах не разбились. Вот было бы глупо.

Закрыл глаза, а открыл вроде как через мгновение, однако за окном светило солнце и заливался дверной звонок.

— Кто? — раздался из прихожей густой бас Емели. Ответа было не слышно, но дверь открылась.

Утро, причем не раннее, понял Грин.

Организм все-таки вытребовал свое — по меньшей мере часов десять полного покоя.

— Как ваши раны? Что деньги? — спросила Игла, входя в комнату.

Не дожидаясь ответа, сказала:

— Про то, что было ночью, знаю. Матвей у нас. Вся Москва полна слухами про бой на железке.

Убит сам Бурляев, это известно доподлинно. И еще, говорят, полицейских перебили видимо-невидимо. Но что я вам рассказываю, вы ведь там были…

Глаза у нее были не такие, как всегда, а живые, полные света, и от этого стало видно, что Игла никакой не перестарок. Просто строгая, волевая женщина, перенесшая немалые испытания.

— Вы самый настоящий герой, — произнесла она очень серьезным и спокойным тоном, будто констатировала доказанный наукой факт. — Вы все герои. Не хуже народовольцев.

И посмотрела так, что ему сделалось неловко.

— Раны больше не мешают. Деньги отправлены. Сегодня будут в Питере, — стал отвечать он по порядку. — Что Бурляев, не знал, но это хорошо. Про видимо-невидимо преувеличение, но нескольких положили.

Теперь можно было и к делу:

— Первое — другая квартира. Второе — кончилась взрывчатая смесь. Нужно достать. И взрывателей. Химических, ударного типа.

— Квартиру ищут. К вечеру непременно будет. Взрыватели есть, сколько угодно. В прошлом месяце из Петербурга доставили целый чемодан. С взрывчаткой хуже. Придется делать, — она за-

думалась, поджав тонкие бледные губы. — Разве что к Аронзону… Я слежу за его окнами, сигнала тревоги нет. Думаю, можно пойти на риск. Он химик, наверняка может изготовить. Только захочет ли. Я говорила вам, он противник террора.

— Не нужно, — Грин помял ребра. Боли больше не было. — Я сам. Пусть только ингредиенты достанет. Сейчас напишу.

Пока писал, чувствовал на себе ее неотрывный взгляд.

— Я только сейчас поняла, как вы на него похожи…

Грин не дописал длинное слово «нитроглицерин», поднял глаза.

Нет, она смотрела не на него — поверх.

— Вы черный, а он был светлый. И лицо совсем другое. Но выражение то же самое, и поворот головы… Я звала его Тема, а партийная кличка у него была Фокусник. Он замечательно карточные фокусы показывал… Мы выросли вместе. Его отец был управляющим в нашем харьковском имении…

Про Фокусника Грину слышать приходилось. Его повесили в Харькове три года назад. Говорили, что у Фокусника была невеста, дочь графа. Как Софья Перовская. Вот оно, значит, что. Тут гово-

рить было нечего, да Игла никаких слов, похоже, не ждала. Она сухо откашлялась и продолжать не стала. Остальную часть истории Грин без труда восстановил сам.

— Выходить отсюда мы не будем, — сказал он деловито, чтобы помочь ей справиться со слабостью. — Ждем вашего прихода. Значит, первое — квартира. Второе — химикаты.

Ближе к вечеру снова позвонили. Грин отправил Емелю со Снегирем к черному ходу, а сам пошел открывать, на всякий случай держа в руке бомбу.

На полу прихожей, перед дверью белел прямоугольник.

Конверт. Кто-то бросил в прорезь для писем.

Грин открыл дверь.

Никого.

На конверте печатными буквами: «Г-ну Грину. Срочно».

Редкий случай. Сегодня в 10 часов руководители сыска князь Пожарский и статский советник Фандорин будут одни, без охраны, в Петросовских банях, отдельный кабинет № 6. Куйте железо, пока горячо.

ТГ

Глава одиннадцатая, в которой Фандорин учится летать

— Эта невиданная вакханалия террора после стольких лет относительного затишья ставит под угрозу нашу с вами профессиональную репутацию и саму карьеру, однако в то же время открывает перед нами бескрайние перспективы. Если мы сумеем одержать верх над этими беспримерно дерзкими преступниками, нам, Эраст Петрович, обеспечено почетное место в истории российской государственности и, что для меня еще более существенно, завидное место в российском государстве. Не хочу строить из себя идеалиста, коим ни в малейшей степени не являюсь. Взгляните вон на тот преглупый монумент.

Пожарский небрежно показал тросточкой на бронзовую пару — спасителей престола от польского нашествия. Увлеченный разговором статский советник только теперь заметил, что уже дошли до Красной площади, по левой стороне сплошь заросшей строительными лесами — полным ходом шло строительство Верхних

торговых рядов. Полчаса назад, когда руководители расследования заметили, что повторно обсуждают уже рассмотренную ранее версию (неудивительно, две ночи без сна), Пожарский предложил продолжить беседу на ходу, благо день выдался отменный — солнечно, безветренно и морозец именно такой, как нужно: освежающий, бодрый. Шли по беззаботной Тверской, говорили о насущном, объединенные общей бедой и острой опасностью. Сзади, шагах в десяти, держа руки в карманах, вышагивали князевы ангелы-хранители.

— Полюбуйтесь-ка на этого болвана, моего прославленного предка, — ткнул Глеб Георгиевич в сидящего истукана. — Развалился и слушает, а торговый человек руками машет, соловьем заливается. Вам приходилось слышать о ком-нибудь из князей Пожарских за исключением моего героического тезки? Нет? И неудивительно. Они так и просиживали филейную часть без малого триста лет, пока последние штаны не протерли, а Россия тем временем досталась этаким Мининым. Ну, неважно — Морозовым, Хлудовым, Лобастовым. Мой дед, Рюрикович, имел двух крепостных и сам землю пахал. Мой отец умер отставным подпоручиком. А меня, захудавшего князька, взяли

в гвардию исключительно из-за благозвучности фамилии. Да только что проку от гвардии, если в кармане вошь на аркане? Ах, Эраст Петрович, вы не представляете, какой я произвел фурор, когда подал прошение о переводе на службу из кавалергардов в Департамент полиции. Однополчане стали нос воротить, начальство хотело меня вовсе из гвардии отчислить, да побоялись императора прогневить. И что же? Сейчас мои бывшие сослуживцы в капитанах, только один, который в армию вышел, подполковник, а я уже полковник. И не просто полковник, флигель-адъютант. Тут, Эраст Петрович, дело не в вензеле и не в авантажности, я этому большого значения не придаю. Главное — завтрак наедине с его величеством во время ежемесячного дежурства во дворце. Сие дорогого стоит. И еще важна беспримерность. Доселе не бывало, чтобы офицера, хоть и состоящего по гвардии, но служащего в полицейском ведомстве, удостаивали подобной чести. Флигель-адъютантов у государя чуть ли не сотня, а из министерства внутренних дел я один, вот что ценно.

Князь взял Фандорина под локоть, перевел тембр на доверительность:

— Я ведь вам все это не из простодушного

хвастовства рассказываю. Вы, верно, уже давно поняли, что простодушия во мне немного. Нет, я хочу вас с места сдвинуть, чтобы вы вон тому каменному сидню не уподоблялись. Мы с вами, Эраст Петрович, столбовые дворяне, на таких столбах вся Российская империя держится. Я веду род от варягов, вы — потомок крестоносцев. В наших жилах течет древняя разбойничья кровь, от веков она стала терпкой, как старое вино. Она погуще, чем жидкая киноварь купчишек и приказных. Наши зубы, кулаки и когти должны быть крепче, чем у Мининых, иначе уплывет империя у нас меж пальцев, такое уж подходит время. Вы умны, остры, смелы, но есть в вас этакая чистоплюйская, аристократическая вялость. Если на пути вам встретится, пардон, куча дерьма, вы на нее в лорнетку взглянете и стороной обойдете. Пусть другие наступают, а вы своих нежных чувств и белых перчаток зазгрязнять не станете. Вы простите меня, я сейчас нарочно грубо и зло излагаю, потому что наболело, это давняя моя idée fixe. Смотрите, в каком редкостном положении мы с вами оказались — по воле судьбы и стечению обстоятельств. Убит начальник Жандармского управления, убит начальник Охранного отделения. Остались только мы с вами. Могли бы из

столицы прислать сюда нового начальствующего для руководства расследованием — директора Департамента, а то и самого министра, но эти господа тертые калачи. Боятся за карьеру, предпочли предоставить все полномочия нам с вами. И отлично! — Пожарский энергично махнул рукой. — Нам с вами бояться нечего и терять уже нечего, а приобрести можно очень-очень многое. В адресованной нам высочайшей телеграмме сказано: «Неограниченные полномочия». Вы понимаете, что такое «неограниченные»? Это означает, что и Москвой, и всем политическим сыском империи на ближайший период по сути дела управляем вы и я. Так давайте не толкаться локтями, не мешать друг другу, как это было до сих пор с Бурляевым и Сверчинским. Ей-богу, лавров хватит обоим. Давайте объединим усилия.

На всю многословную филиппику Эраст Петрович ответил одним словом:

— Давайте.

Глеб Георгиевич подождал, не будет ли сказано чего-то еще, и удовлетворенно кивнул.

— Ваше мнение о Мыльникове? — вернулся он к деловому тону. — По старшинству временным начальником Охранного нужно делать его, но я бы предпочел Зубцова. Нового из Петербурга,

по-моему, требовать не нужно. Мы не можем ждать, пока новый человек войдет в ход работы.

— Да, нового нельзя. И Зубцов работник способный. Но нам от Охранного отделения сейчас нужна не столько аналитическая разработка, сколько п-практическая агентурно-розыскная деятельность, а это епархия Евстратия Павловича. Да и обижать его понапрасну я бы не стал.

— Но Мыльников отвечал за подготовку провалившейся операции. Результат вам известен: убит Бурляев и три филера, еще пятеро ранены.

— Мыльников не виноват, — убежденно произнес статский советник.

Пожарский внимательно взглянул на него:

— Нет? В чем же, по-вашему, причина неудачи?

— Измена, — коротко ответил Фандорин и, заметив, как изумленно поползли вверх брови собеседника, пояснил: — Террористы знали, во сколько начнется операция, и были наготове. Кто-то их п-предупредил. Кто-то из наших. Так же, как в деле с Храповым.

— Это ваша версия, и вы до сих пор молчали? — недоверчиво спросил князь. — Ну, знаете, вы просто неподражаемы. Нужно было мне поговорить с вами начистоту раньше. Однако ваше

предположение слишком серьезно. Кого именно вы подозреваете?

— К-круг посвященных в подробности ночной операции был узок. Я, вы, Бурляев, Мыльников, Зубцов. Да, еще поручик Смольянинов мог слышать.

Глеб Георгиевич фыркнул, кажется, находя предположения собеседника нелепыми, однако все же принялся загибать пальцы.

— Ну хорошо, давайте попробуем. Если позволите, начну с себя. Какой тут возможен мотив? Сорвал операцию, чтобы слава поимщика БГ не досталась Бурляеву? Что-то уж чересчур. Теперь Мыльников. Хотел занять место начальника? И при этом не пожалел трех лучших филеров, с которыми носится, как дядька Черномор? Да еще и неизвестно, станет ли начальником… Зубцов. Личность, конечно, в высшей степени непростая, да и в тихом омуте известно, кто водится. Однако зачем ему губить Бурляева? Чтобы избавиться от «неправильного» борца с революцией? Такие чрезмерности, по-моему, не в характере Сергея Витальевича. Правда, он имеет революционное прошлое. Двойной агент, как Клеточников в Третьем отделении? Хм, это нужно проверить… Кто там еще? А, краснощекий Смольянинов. Тут я пас,

не хватает фантазии. Вы его лучше знаете. Кстати говоря, отчего это юноша из такой семьи служит в жандармах? Он не похож на честолюбивого карьериста вроде вашего покорного слуги. Вдруг неспроста? Быть может, заражен демонической романтикой ниспровергательства? Или проще — любовная связь с какой-нибудь нигилисткой?

Начав словно бы в шутку, Пожарский, похоже, увлекся фандоринской гипотезой всерьез. Сделав паузу, он посмотрел на Эраста Петровича с особенным выражением и вдруг сказал:

— Если уж о любви и роковых нигилистках… А не может ли происходить утечка через вашу прекрасную Юдифь, которая произвела такое впечатление на московское общество? Она ведь, кажется, поддерживает подозрительные связи? Отлично знаю, как очаровательные женщины умеют высасывать секреты. Вы часом не оказались в роли Олоферна? Только прошу по-деловому, без обид и картелей.

Эраст Петрович и в самом деле намеревался ответить на чудовищное подозрение князя резкостью, но тут ему внезапно пришла в голову мысль, заставившая статского советника забыть об оскорблении.

— Нет-нет, — быстро произнес он. — Это совер-

шенно невозможно. Но зато очень даже возможно другое. Бурляев мог проговориться Диане. Вероятно, и со Сверчинским без нее не обошлось.

И Фандорин рассказал князю о таинственной женщине-вамп, вскружившей голову обоим начальникам московского политического сыска.

Версия выходила замечательно складная, во всяком случае по сравнению с прочими, однако Пожарский воспринял ее скептически.

— Спекуляция, конечно, любопытная, но мне кажется, Эраст Петрович, что вы чрезмерно сужаете круг подозреваемых. То, что наличествует измена, — безусловно. Нужно пересмотреть всю линию расследования с этой позиции. Но предателем могла оказаться любая пешка, филер или полицейский, использованные в оцеплении, а это восемьдесят человек. Не говоря уж о нескольких десятках извозчиков, мобилизованных для перевозки всей этой бурляевской Grande Armee.[3]

— Филер и тем более извозчик не мог быть п-посвящен в детали, — возразил Фандорин. — Да и со своего места рядовому исполнителю отлучиться было бы затруднительно. Нет, Глеб Георгиевич, это не пешка. Особенно, если вспомнить обстоя-

---

[3] Примечания: 3
Великая армия. *(фр.)*

тельства убийства генерала Храпова.

— Согласен, ваша версия стройнее и литературнее, — улыбнулся князь. — И даже более вероятна. Но мы договорились работать одной упряжкой, потому давайте на сей раз вы будете коренником, а я поскачу пристяжной. Итак, у нас две линии: двойной агент Диана или кто-то из мелкой сошки. Будемте разрабатывать обе. Вы выбираете Диану?

— Да.

— Отлично. А я займусь мелюзгой. Вам одного сегодняшнего дня будет довольно? Время дорого.

Эраст Петрович уверенно кивнул.

— Мне тоже, хоть работа мне достается кропотливая: этакую прорву народа проверить да прощупать. Но ничего, справлюсь. Теперь договоримся о рандеву, — Пожарский надолго задумался. — Раз у нас нет уверенности в собственных работниках, давайте встретимся вне служебных стен, где никто не станет подслушивать и подсматривать. И никому об этой встрече ни слова, хорошо? Вот что, встретимся в банях, в отдельном кабинете. Будем друг перед другом абсолютно открыты, — засмеялся Глеб Георгиевич. — У вас в Москве Петросовские бани очень уж хороши, и расположение удобное. Я прикажу

своим башибузукам, чтобы заказали, ну скажем, шестой номер.

— Никому так никому, — покачал головой Эраст Петрович. — Своих телохранителей на сегодня отпустите — для чистоты поиска. И ничего им о нашей встрече не рассказывайте. Я сам заеду к Петросову и закажу шестой номер. Встретимся наедине, обсудим итоги и разработаем п-план дальнейших действий.

— В десять?

— В д-десять.

— Что ж, — шутливо воздел тросточку Глеб Георгиевич. — Место встречи определено. Время тоже. Вперед, аристократы! Засучим рукава.

Недавно открывшиеся близ Рождественки Петросовские бани уже успели стать одной из московских достопримечательностей. Еще несколько лет назад здесь было одноэтажное бревенчатое здание, где мыли за пятнадцать копеек, пускали кровь, ставили банки и резали мозоли. Приличная публика в этот грязный, пахучий сарай не заглядывала, предпочитая мыться у Хлудова в Центральных. Однако объявился у бань новый хозяин, человек европейской хватки, и перестроил Петросы по самому последнему слову мировой техники. Возвел каменный палас с ка-

риатидами и атлантами, пустил во внутреннем дворике фонтан, стены облицевал мрамором, понавесил зеркал, расставил мягких диванов, и бывшее копеечное заведение превратилось в храм неги, которым не побрезговал бы и сам изнеженный Гелиогабал. «Простонародного» отделения не осталось вовсе, только «купеческое» и «дворянское» для обоего пола.

В «дворянское» Фандорин и направился после того, как разошлись с Пожарским всяк по своему делу.

По утреннему времени посетителей в банях еще не было, и услужливый смотритель повел многообещающего съемщика показывать кабинеты.

Устроено «дворянское» было так: посередине общая зала с большущим мраморным бассейном, окруженным дорическими колоннами; вокруг бассейна галерея, куда выходят двери шести отдельных кабинетов. Однако главный вход в кабинеты не из общей залы, а с другой стороны, из опоясывающего здание широкого коридора. Осмотрел придирчивый чиновник и номера. На серебряные шайки и позолоченные краны не очень-то и взглянул, зато внимательно подергал задвижку на дверях, ведущих в бассейную залу,

и прогулялся по внешнему коридору. Направо по нему можно было выйти к женской половине бань, налево коридор вел к служебной лестнице. Выхода на улицу с этой стороны не было, чем Фандорин почему-то остался особенно доволен.

Договоренность с Глебом Георгиевичем статский советник выполнил не совсем точно. Вернее сказать, перевыполнил — заказал на вечер не только обговоренный шестой номер, но и остальные пять, оставив для прочих посетителей лишь общую залу.

Но это была только первая из странностей поведения Фандорина.

Вторая состояла в том, что к главному делу нынешнего дня, встрече с Дианой, чиновник особых поручений отнесся как-то не очень обстоятельно, можно даже сказать, спустя рукава.

Протелефонировав «сотруднице» из банного вестибюля и условившись о немедленном свидании, Эраст Петрович сразу же и отправился в неприметный арбатский особняк.

В знакомой сумеречной комнате, где пахло мускусом и пылью от вечно задвинутых штор, гостя встретили совсем не так, как в прошлый и позапрошлый раз. Стоило Фандорину переступить порог тихого кабинета, как к нему, шелестя

шелками, метнулась стремительная, узкая тень. Гибкие руки обхватили его за плечи, к груди прижалось закрытое вуалью лицо.

— Боже, боже, какое счастье, что вы пришли, — зашуршал сбивающийся голос. — Мне так страшно! Я глупо вела себя в прошлый раз, ради всего святого, простите. Вы должны извинить самоуверенность женщины, которая слишком увлекалась ролью разбивательницы сердец. Знаки внимания, которыми осыпали меня Станислав Филиппович и Петр Иванович, совсем вскружили мне голову. Бедные, бедные Пьер и Станислас! Могла ли я подумать… — шепот перешел во всхлипывание, на рубашку статского советника упала самая настоящая слеза, а за ней еще одна и еще.

Однако Эраст Петрович и не подумал использовать психологически выгодный момент в интересах расследования. Осторожно отстранив плачущую «сотрудницу», он прошел в комнату и сел не на диван, как в прошлый раз, а в кресло, возле письменного стола, на котором тускло поблескивала никелированными клавишами пишущая машина.

Впрочем, Диану сдержанность гостя нисколько не смутила. Стройная фигурка последовала за

Фандориным, на миг замерла перед креслом и вдруг переломилась пополам — эксцентричная особа рухнула на колени и моляще воздела сцепленные руки:

— О, не будьте так холодны и жестоки! — поразительно, но шепот никоим образом не ограничивал драматических модуляций голоса — очевидно, сказывалась изрядная тренировка. — Вы не представляете, как много я пережила. Я осталась совсем одна, без защитника, без покровителя! Поверьте, я умею быть полезной и… благодарной. Не уходите! Останьтесь, побудьте у меня подольше! Утешьте меня, осушите мои слезы. Я чувствую в вас спокойную, уверенную силу. Только вы можете вернуть меня к жизни. С Бурляевым и Сверчинским я была госпожой, но я могу быть и рабыней! Я исполню любое ваше желание!

— В самом д-деле? — заинтересовался Фандорин, глядя на темный силуэт сверху вниз. — Тогда для начала снимите вуаль и зажгите свет.

— Нет, только не это! — отпрянула, вскочив на ноги, Диана. — Любое другое желание, любое, но только не это.

Статский советник молчал, глядя в сторону, что было уже и не очень учтиво.

— Вы останетесь? — жалобно выдохнула бывшая роковая женщина, прижимая руки к груди.

— Увы, не могу. Дела службы, — сказал Эраст Петрович, поднимаясь. — Я вижу, вы в расстроенных чувствах, а на долгий разговор у меня сейчас нет времени.

— Так приходите вечером, — маняще прошелестел голос. — Я буду ждать вас.

— Вечером тоже не могу, — объяснил Фандорин и доверительно сообщил: — А чтобы вы не восприняли мой отказ как оскорбление, поясню, чем буду занят. У меня назначено свидание совсем иного рода, куда менее романтическое. В десять часов встречаюсь с князем Пожарским, вице-директором Департамента полиции. Представьте себе, в Петросовских банях. Смешно, правда? Издержки к-конспирации. Зато обеспечены конфиденциальность и полнейший тет-а-тет. Первый номер, самый лучший во всем «дворянском» отделении. Вот, сударыня, в каких экзотических условиях вынуждены встречаться руководители расследования.

— Тогда пока только вот это…

Она быстро сделала шаг вперед и, чуть приподняв вуаль, коснулась влажными губами его щеки.

От этого прикосновения Эраст Петрович вздрогнул, посмотрел на «сотрудницу» с некоторым испугом и, поклонившись, вышел.

Дальше статский советник повел себя еще чудней.

С Арбата заехал в Жандармское управление, однако безо всякого видимого дела. Попил кофею со Смольяниновым, окончательно превратившимся в телефонного оператора, ибо положение в большом доме на Никитской сложилось в высшей степени странное: все подразделения и службы действовали в чрезвычайном режиме, однако начальства по сути дела не имелось. Временный начальник князь Пожарский на месте не сидел, а если заезжал, то коротко — выслушать донесения адъютанта, оставить распоряжения — и снова исчезал в неведомом направлении.

Вспомнили покойника Станислава Филипповича, поговорили о раненой руке поручика, о дерзости террористов. Поручик придерживался мнения, что нужно проявить рыцарственность.

— Будь я на месте господина Пожарского, — сказал он горячо, — я бы не стал подсылать к этому Грину шпионов и провокаторов, а напечатал в газете: «Хватит охотиться на нас, слуг престола. Хватит стрелять в нас из-за угла и бросать

бомбы, от которых гибнут невинные люди. Я от вас не прячусь. Если вы, милостивый государь, действительно, верите в свою правду и хотите пожертвовать собой ради блага человечества, то давайте сойдемся в честном поединке, ибо я тоже свято верю в свою правоту и для России не пожалею жизни. Так перестанем же проливать русскую кровь. Пусть Бог — а если вы атеист, то неважно, пусть Фатум или Рок — решит, кто из нас прав». Я уверен, что Грин на такое условие согласится.

Статский советник выслушал суждение молодого человека и с серьезным видом спросил:

— А ну как Грин к-князя убьет? Тогда что?

— Как что? — Смольянинов попробовал взмахнуть раненой рукой и сморщился от боли. — Кого в России больше, террористов или защитников порядка? Если бы Пожарский пал в поединке, то Грина, конечно, следовало бы беспрепятственно отпустить, это дело чести. Но на следующий же день вызов ему послали бы вы. А если бы и вам не повезло, то нашлись бы и другие, — офицер покраснел. — И у революционеров не осталось бы выхода. Уклониться от вызова им было бы невозможно, ибо тогда в глазах общества они потеряли бы репутацию людей храбрых и самоотвержен-

ных. И не осталось бы никаких террористов: фанатики погибли бы в поединках, а прочие вынуждены были бы отказаться от насильственных методов.

— Во второй раз за последнее время п-приходится выслушивать оригинальную идею уничтожения терроризма. И не знаю, какая из них мне нравится больше, — Фандорин поднялся. — Приятно было поговорить, но пора. Сегодня же изложу Глебу Георгиевичу вашу идею.

Он оглянулся на пустую приемную и понизил голос:

— Только вам, по строжайшему секрету. Сегодня в десять вечера у нас с князем важная встреча наедине, где определится весь дальнейший план действий. В Петросовских банях, в «дворянском» отделении.

— Почему в банях? — изумленно захлопал бархатными ресницами поручик.

— Для к-конспиративности. Там отдельные номера, никого постороннего. Мы специально сняли самый лучший кабинет, второй. Непременно предложу Пожарскому попробовать с картелем через газету. Но, еще раз повторяю, о встрече никому ни слова.

Из Управления Фандорин поехал в Гнездни-

ковский.

Здесь роль инстанции, связующей работу всех филерских групп, исполнял титулярный советник Зубцов.

С ним Эраст Петрович выпил не кофею, а чаю. Поговорили о покойном Петре Ивановиче, человеке горячем и грубоватом, но честном и искренне преданном делу. Посетовали о репутации древнепрестольного города, безнадежно подмоченной в глазах государя последними печальными событиями.

— Я вот чего не возьму в толк, — осторожно молвил Сергей Витальевич. — Вся розыскная машина работает на полных оборотах, люди не спят ночами, сбиваются с ног. Следим за Лобастовым, за всеми неблагонадежными, подозрительными и четвертьподозрительными, перлюстрируем почту, подслушиваем, подглядываем. Вся эта рутинная деятельность, конечно, необходима, но как-то не прослеживается единой линии. Разумеется, мне не по чину вторгаться в область высшей тактики — это компетенция ваша и Глеба Георгиевича, однако же, если бы получить представление хотя бы об основном направлении поисков, то я, со своей стороны и в меру отпущенных мне способностей, тоже мог бы принести

некоторую пользу…

— Да-да, — покивал Фандорин. — Не думайте, пожалуйста, что мы с князем что-то от вас скрываем. Мы оба относимся к вам с искренним уважением и немедленно привлечем вас к аналитической работе, как только выяснятся некоторые обстоятельства. В знак д-доверия могу сообщить вам строго конфиденциально, что сегодня в десять вечера мы с Глебом Георгиевичем встречаемся в условленном месте, где и определим ту самую «линию», о которой вы сказали. Встреча произойдет наедине, но о результатах вы будете немедленно извещены. Конспиративность же объясняется тем, — статский советник чуть нагнулся, — что среди наших служащих есть предатель и мы пока не знаем, кто именно. Сегодня это как раз может выясниться.

— Предатель?! — воскликнул Зубцов. — У нас в Охранном?

— Тс-с, — статский советник приложил палец к губам. — Кто он и где именно служит, мы с к-князем сегодня и определим, обменявшись собранными сведениями. Для того и назначена столь таинственная встреча в третьем номере «дворянского» отделения, пардон, Петросовских бань.

Весело улыбнувшись, Эраст Петрович отпил остывшего чаю.

— Кстати, где наш Евстратий Павлович?

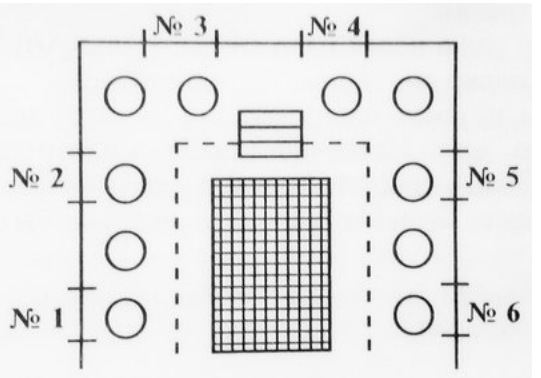
Разговор Фандорина с Евстратием Павловичем Мыльниковым, которого статского советник обнаружил на временном наблюдательном пункте, устроенном на пыльном чердаке близ лобастовской мануфактуры, был отчасти похож на предыдущие, отчасти же от них отличался, ибо помимо Петра Ивановича еще обсудили неудачную ночную операцию, вероломного миллионщика и вопрос о пособии семьям погибших филеров. Однако закончилась беседа точно таким же образом: статский советник точно назвал собеседнику время и место своей встречи с господином вице-директором. Только номер кабинета указал иной — четвертый.

А после посещения наблюдательного пункта Фандорин больше ничего предпринимать не стал. Поехал на извозчике домой, насвистывая арийку из «Гейши», что случалось с Эрастом Петровичем крайне редко и являлось признаком необычайного оптимизма.

Во флигеле на Малой Никитской между Фандориным и его слугой состоялся долгий, обстоятельный разговор по-японски, причем говорил

в основном Эраст Петрович, а Маса слушал и всё повторял: «Хай, хай».

По ходу беседы статский советник нарисовал на листке бумаги схему, которая выглядела вот так:



Потом ответил на несколько вопросов и преспокойно отправился спать, хотя шел всего лишь третий час пополудни и никаких важных дел исполнено не было.

Спал долго, до шести часов. Вставши, с аппетитом поужинал, позанимался гимнастикой и оделся в английский спортивный костюм, легкий и не стеснявший движений: короткий клетчатый пиджак, облегающий шелковый жилет, узкие брюки со штрипками.

На этом туалет Эраста Петровича не закончился. За эластичную ленту подтяжки для правого носка он засунул маленький стилет в легких ножнах из промасленной бумаги; в кобуру на спине сунул велодог — миниатюрный пистолет, изобретенный для велосипедистов, которым докучают бродячие собаки; в другую кобуру, приспособленную для ношения подмышкой, спрятал главное свое оружие — семизарядный «герсталь-баярд», новейшее изобретение льежских мастеров.

Слуга еще попытался пристроить на поясе у Фандорина зловещего вида стальную цепь с двумя тяжелыми шариками, но от этого неконвенционного орудия статский советник решительно отказался, поскольку шарики при ходьбе стукались друг об друга, и это привлекало внимание.

— Сам ничего не предпринимай, — уже не в первый раз сказал Эраст Петрович своему верному помощнику, надевая в прихожей шубу с суконным верхом. — Просто запомни, в какой. Потом стукнешь в шестой условным сигналом, и я тебя впущу. Вакатта?[4]

— Вакаттэмас, — браво ответил Маса. — Дэ

---

[4] Примечания: 4
Понял. *(яп.)*

мо…[5]

Не договорил, потому что в дверь затрезвонили: раз, другой, третий.

— Это ваша новая наложница, — вздохнул камердинер. — Только она звонит так нетерпеливо.

— Ты пришел или уходишь? — спросила Эсфирь, видя, что Эраст Петрович в шубе, а цилиндр держит в руках. Обняла, прижалась щекой к его губам. — Уходишь. Нос теплый. Если бы пришел — нос был бы холодный. И мускусом почему-то пахнешь. Когда вернешься? Я буду ждать, ужасно соскучилась.

— Эсфирь, я же просил тебя телефонировать, — расстроился Фандорин. — Я д-действительно ухожу, а когда вернусь, пока не знаю. И Маса скоро уйдет.

— Терпеть не могу телефона, — отрезала черноокая красавица. — Он какой-то неживой. И куда же ты собрался?

— По одному важному д-делу, — уклончиво ответил Эраст Петрович и вдруг, поддавшись безотчетному порыву, быстро добавил. — Встречаюсь с князем Пожарским в Петросовских банях.

---

[5] Примечания: 5
Понял, но. *(яп.)*

В «дворянском» отделении… пятый номер.

Лицо статского советника тут же залилось краской, длинные ресницы виновато дрогнули.

— То есть не в п-пятом, а в шестом. Я оговорился…

— Господи, какая мне разница, в каком номере ты встречаешься с этим негодяем! Ну и компанию ты себе подобрал! В бане — это просто прелестно! — зло расхохоталась Эсфирь. — Мужские забавы, премного наслышана. Полагаю, еще и девок туда позовете. Прощайте, ваше высокородие, больше вы меня не увидите!

И прежде чем Фандорин успел открыть рот, дверь оглушительно хлопнула. По крыльцу простучали каблучки, заскрипел снег под бегущими шагами.

— Не женщина, а извержение Фудзи в пятом году эры Вечного Сокровища, — восхитился Маса. — Так вы говорите, господин, что оружия мне брать не нужно? Даже самого маленького ножика, который так удобно прятать в набедренной повязке?

* * *

Прятать нож все равно было бы негде, потому что в бассейной зале никто набедренных повя-

зок не носил. Мужчины были совсем голые и, на Масин вкус, весьма уродливые — волосатые, будто обезьяны, с чрезмерно длинными руками и ногами. Особенно неприятно было смотреть на одного, с густой красной шерстью на животе и груди.

Маса не раз и не два с гордостью оглядел свое гладкое, красиво округленное в боках тело. Если прав английский ученый мудрец Тяруридзу Даруин и человек в самом деле произошел от обезьяны, то японцы продвинулись по этому пути гораздо дальше, чем красноволосые.

В бане Масе совсем не понравилось. Вода была недостаточно горячая, неуютные каменные стены слишком сверкали, да и вообще ожидание что-то чересчур затягивалось.

Кроме камердинера в бассейне плескались еще девять человек. Трудно сказать, сколько из них были разбойниками. Насчет одного, хмурого, черноволосого, с большим, как у каппы, носом и поджарым, мускулистым торсом никаких сомнений быть не могло — на боку и на груди у носатого краснели свежие рубцы, а левое ухо было обрезано. Опытным взглядом Маса сразу определил — след скользящих ударов острого клинка. Явный якудза, разве что без красивых

цветных татуировок. К подозрительному человеку Маса старался держаться поближе. Но некоторые из купальщиков выглядели вполне мирно. Например, тоненький белокожий юноша, сидевший на бортике неподалеку. Он рассеянно поигрывал цепочкой, прикованной к бронзовому поручню, который опоясывал весь бассейн. Поручень был для того, чтобы за него держаться, а для чего к нему прицепили железное кольцо с цепочкой, Маса сообразить не смог, но ломать над этим голову не стал, потому что были дела поважнее.

На галерею, расположенную за колоннами, выходило шесть дверей, как и полагалось по схеме. Господин должен был находиться за крайней дверью справа. Туда разбойники не сунутся. Они ворвутся в одну из первых четырех дверей. Надо только запомнить, в какую именно, и бежать к господину. Проще простого.

Но как разбойники обойдутся без оружия? Красноволосые не умеют убивать голыми руками, им обязательно нужна сталь. Откуда же в бане возьмется пистолет или нож?

— Пора, — сказал вдруг человек со шрамами.

Крики и плеск разом смолкли. Четыре руки сзади крепко взяли Масу за его замечательные бока,

подтолкнули к бортику, и прежде чем камердинер опомнился, миловидный юноша вытянул цепочку из воды. На конце у цепочки оказалось еще одно железное кольцо, которое немедленно защелкнулось у Масы на запястье.

— Спокойно, сударь, — сказал юноша. — Стойте тихо, и с вами ничего плохого не случится.

— Э-э, позвольте, господа, что за шутки! — раздался возмущенный крик.

Маса обернулся и увидел, что точно таким же манером к поручням пристегнуты еще трое мужчин, очевидно случайных посетителей. Все остальные купальщики — шестеро молодых людей, включая носатого главаря, — быстро выбрались из бассейна.

В ту же секунду, из двери, ведущей в раздевальню, выбежали еще двое, совершенно одетые, и у каждого в руках еще целый ворох одежды.

Голые разбойники стали быстро одеваться, не обращая внимания на возмущенные крики прикованных.

Маса дернул цепь, но она держала крепко. Это были самые настоящие ручные кандалы, в которые заковывают арестованных преступников, как он только раньше не догадался. Разбойники пришли раньше, прицепили оковы одним кон-

цом к поручню, второй спустили под воду и стали ждать условленного часа. Коварная, нечестная уловка лишила Масу возможности выполнить свой долг. Сейчас бандиты ворвутся в одну из дверей, увидят, что там никого нет и станут проверять остальные, а предупредить господина нет никакой возможности.

Кричать нет смысла. Во-первых, в сияющей зале любой вопль рассыпется бесполезным эхом, сольется с плеском воды и гулкими голосами купальщиков. Конечно, Маса умел кричать очень-очень громко, и, может быть, господин через запертую дверь услышит его голос, но господин не станет скрываться бегством, а наоборот поспешит на помощь. Вот чего ни в коем случае допускать было нельзя.

Вывод?

Дождаться, пока разбойники вломятся в одну из дверей, и тогда уж орать во все легкие.

Тем временем бандиты оделись и в руках у них откуда ни возьмись появились револьверы. Восемь человек с револьверами — это слишком много, подумал Маса. Если бы без револьверов, с ножами, то ничего. Вдвоем можно бы справиться. А так совсем нехорошо: господин один, их восемь, и еще револьверы.

Главный якудза взвел курок и сказал:

— Пожарский ловок. Не мямлить, сразу огонь. Емеля, Гвоздь, вы — дверь.

Двое самых больших разбойников бросились вверх по мраморным ступенькам, остальные держались чуть позади.

Дают первым двоим место для разбега, чтоб вышибить дверь, догадался Маса. Интересно, куда они свернут — налево, к первым трем кабинетам, или направо?

Свернули направо. Значит, в четвертый.

Но бандиты, предназначенные на роль тарана, прошли мимо, даже не взглянув на четвертую дверь. Не остановились и подле пятой.

Маса, хоть и стоял по грудь в горячей воде, от ужаса стал совсем холодный.

— Данна-а-а-а! Ки-о цукэ-э-э!!![6]

* * *

Эраст Петрович прибыл к парадному входу в Петросовские ровно в десять.

— Вас уже ждут в шестом-с, — с поклоном доложил служитель. — В остальные пять еще никто не пожаловал.

---

[6] Примечания: 6
Господин! Берегись!!! *(яп.)*

— Пожалуют, — ответил статский советник. — П-попозже.

Прошел широким коридором, поднялся в бельэтаж, снова коридор, поворот. Справа располагался вход в дамскую половину, слева начинались отдельные кабинеты, за ними служебная лестница. Прежде чем войти в номер, Фандорин еще раз осмотрел локацию и остался удовлетворен. Если придется быстро ретироваться, очень удобно: один прикрывает огнем, второй добегает до угла. Потом наоборот. Перебежки короткие, риск попасть под пулю минимальный. Да и вряд ли дойдет до пальбы.

— Много ли об это время посетительниц в д-дамском? — все же спросил он на всякий случай у сопровождающего.

Тот улыбнулся почтительнейшим образом, с самым легким намеком на игривость:

— Пока много, но новых уже не будет-с. Для слабого полу поздновато-с.

— Тут у них и вход, и выход? — встревожился Фандорин.

— Никак нет-с. Выход с другой стороны. Нарочно устроен. Женщина, ваша милость, не обожает, когда ее после бани наблюдают, с полотенцем на волосах-с. Чем через парадное идти, предпочита-

ют юрк в саночки и адью.

Эраст Петрович дал человеку монетку и вошел в кабинет.

— Как молодой повеса ждет свиданья, так я весь день минуты ждал, когда чего-то там подвал мой тайный! — жизнерадостно приветствовал его голый Пожарский, сидевший в кресле с сигарой в зубах.

Перед князем на столике стояла бутылка «Каше блан», бокалы, ваза с фруктами, лежала раскрытая газета.

— Шампанское? — чуть поднял брови Фандорин. — Имеется п-повод для веселья?

— У меня — да, — загадочно ответил Глеб Георгиевич. — Но по порядку, не будем забегать вперед. Раздевайтесь, окунитесь (он показал на маленький бассейн в полу), а после потолкуем. У вас-то как, добыча есть?

Эраст Петрович взглянул на запертую дверь, что вела в общую залу, и уклончиво произнес:

— Скоро б-будет.

Пожарский с любопытством взглянул на него и обмотал бутылку салфеткой.

— Ну что вы стоите, как покупатель на невольничьем рынке. Раздевайтесь.

Раздеваться в намерения Эраста Петровича не

входило, поскольку план предусматривал вероятность поспешной ретирады, однако разгуливать в одежде перед совершенно голым человеком было глупо и неприлично. Вдруг уловка и вовсе не сработает? Так и стоять в пиджаке? К счастью, удобный и простой спортивный костюм позволял одеться в считанные секунды — в конце концов, нижним трико, жилетом и манжетами с воротничком можно было и пренебречь.

— Вы что, стесняетесь? — засмеялся князь. — Как это на вас похоже.

Статский советник скинул одежду и положил ее на диван, как бы случайно пристроив сверху оба револьвера и стилет.

Пожарский присвистнул:

— Серьезный арсенал. Я с уважением отношусь к предусмотрительности. Сам таков. Покажете потом ваши игрушки? А я вам покажу свои. Но сначала дело. Ныряйте, ныряйте. Одно другому не мешает.

Эраст Петрович еще раз мельком оглянулся на дверь и спрыгнул в бассейн, но плескаться в теплой воде не стал — сразу же и вылез.

— Вы истинный Антиной, — князь оценивающе рассматривал фандоринское телосложение. — Диковинная у нас обстановка для оперативного

совещания. К делу?

— К делу.

Статский советник сел в кресло и тоже закурил, но мышцы ног держал в напряжении, готовый вскочить, как только Маса постучит в дверь.

— Что Диана? — с не вполне понятной веселостью улыбнулся Пожарский. — Призналась в грехах?

Интонация вопроса показалась Фандорину странной, и ответил он не сразу.

— Д-давайте я сообщу вам о своих выводах несколько позже. У меня есть серьезные основания надеяться, что г-главный виновник обнаружится уже сегодня.

Но ожидаемого эффекта эти слова на собеседника не произвели.

— А я знаю, как найти нашу неуловимую БГ, — парировал князь. — И очень скоро всю ее зацапаю.

Эраст Петрович почувствовал, что бледнеет. Если Пожарский говорил правду, значит, он сумел найти еще более действенный и короткий путь к решению сложной задачи.

Поборов уязвленное самолюбие, Фандорин сказал:

— П-поздравляю, это большой успех. Но каким

же…

Договорить не пришлось, потому что в этот миг из-за двери донесся крик. Слов разобрать было невозможно, но вне всякого сомнения кричал Маса. Это могло означать только одно: план нарушен, и нарушен каким-то чрезвычайно неприятным образом.

Эраст Петрович вскочил на ноги, чтобы броситься к одежде, однако тут раздался оглушительный треск, и дверь, что вела в бассейную, слетела от мощного удара с петель.

В кабинет с разбега влетели двое мужчин, за ними лезли еще — целая орава. Фандорину не нужно было производить хронометраж, чтобы понять: ни до одежды, ни до оружия добраться он не успеет. Оставалось лишь надеяться, что хватит времени выскочить в коридор.

Пожарский выхватил из-под газеты маленький двухствольный пистолетик и два раза выстрелил. Самый первый из нападающих всплеснул руками, пробежал по инерции еще несколько шагов и рухнул лицом в бассейн, а князь отшвырнул разряженное оружие и с поразительным проворством метнулся следом за Фандориным.

В дверь они влетели одновременно, столкнувшись голыми плечами. На голову Эрасту Петро-

вичу посыпалась труха — это в косяк ударила пуля, и в следующее мгновение оба руководителя сыска вывалились в коридор. Пожарский, не оборачиваясь, припустил направо. Бежать в том же направлении не имело смысла: первоначальная диспозиция с поочередными перебежками под прикрытием дружественного огня утрачивала всякий резон за неимением оружия.

Статский советник бросился налево, к служебной лестнице, хоть и не имел представления, куда она ведет.

Когда схватился рукой за перила, от стены брызнуло каменной крошкой. Фандорин коротко оглянулся, увидел, что за ним побежали трое, и рванулся вверх — успел заметить, что внизу решетка.

Огромными прыжками, через три ступеньки, преодолел пролет — дверь с висячим замком. Еще два пролета — опять замок.

Внизу грохотали торопливые шаги.

Оставался всего один пролет. На верхней площадке смутно темнела еще какая-то дверь.

Заперта! Железная полоса, замок.

Эраст Петрович взялся руками за холодную ленту металла и, согласно учению о духовном могуществе, вообразил, что она бумажная. Рва-

нул никчемную полоску на себя, и замок вдруг отлетел в сторону, залязгав вниз по каменным ступеням.

Торжествовать было некогда. Фандорин вбежал в какое-то темное помещение с низким косым потолком. Сквозь маленькие оконца просматривалась покатая, тускло мерцающая под луной кровля.

Еще одна дверь, но без замка и хлипкая. Ей хватило одного удара ноги.

Чиновник особых поручений выбежал на крышу и в первый миг задохнулся от ледяного ветра. Но холод был не самое худшее. Беглого взгляда вокруг оказалось достаточно, чтобы уразуметь: деваться отсюда совершенно некуда.

Фандорин бросился к одному краю, увидел далеко внизу освещенную улицу, людей, экипажи.

Метнулся в противоположную сторону. Внизу заснеженный двор.

На дальнейшие исследования времени не осталось. От чердачной надстройки отделились три тени и медленно двинулись к застывшему над пропастью обреченному человеку.

— Быстро бегаете, господин статский советник, — еще издали заговорил один, лица которого было не разглядеть. — Посмотрим, умеете ли вы

летать.

Эраст Петрович повернулся к теням спиной, потому что смотреть на них было неприятно и бессмысленно. Глянул вниз.

Летать?

Увидел под собой голую стену без окон, снег. Хоть бы дерево — можно было б прыгнуть, попробовать ухватиться за ветки.

Летать?

Высшей степенью мастерства у клана Крадущихся, научивших Фандорина искусству управлять духом и телом, считался трюк под названием «Полет ястреба». Эраст Петрович не раз рассматривал рисунки в старинных рукописях, где техника этого невероятного фокуса была изображена подробно, во всех деталях. В древние времена, когда царства страны Солнечного Корня вели многовековую междоусобную войну, Крадущиеся считались непревзойденными лазутчиками. Им ничего не стоило, вскарабкавшись по отвесным стенам, проникнуть в осажденную крепость и выведать все тайны обороны. Однако куда труднее было выбраться с добытыми сведениями обратно. Время на то, чтобы спустить веревочную лестницу или хотя бы шелковый шнур, у лазутчика имелось не всегда. Для этого и

был придуман «Полет ястреба».

Учение наставляло: «Прыгай без толчка, ровно, чтобы зазор между тобой и стеной составлял две ступни, не больше и не меньше. Тело держи идеально прямо. Считай до пяти, потом резко бей пятками по стене, перевернись в воздухе и приземляйся, не забыв сотворить моление Будде Амида».

Рассказывали, что мастера древности умели совершать «Полет ястреба» со стен высотой в сто сяку, то есть пятнадцать саженей, но Эраст Петрович этому не верил. При счете до пяти тело успеет пролететь всего пять-шесть саженей. Последующий кульбит, конечно, смягчит падение, но все же вряд ли возможно уцелеть, прыгая с высоты, превышающей семь-восемь саженей, да и то при условии невероятной ловкости и особенного расположения Будды Амида.

Однако для скептицизма момент был неподходящий. Сзади приближались неспешные шаги — торопиться господам нигилистам теперь было некуда.

Сколько же здесь сяку? — попробовал сообразить статский советник. Не больше пятидесяти. Для средневекового лазутчика сущий пустяк.

Твердо помня, что прыгать надо без толчка, он

вытянулся в струнку и сделал шаг в пустоту.

Ощущение полета показалось Эрасту Петровичу отвратительным. Желудок предпринял попытку выскочить через горло, а легкие замерли, не в силах произвести ни вдох, ни выдох, но всё это было несущественное. Главное — считать.

На «пять» Фандорин что было сил ударил ногами назад, ощутил обжигающее прикосновение твердой поверхности и сделал относительно несложную фигуру «Атакующая змея», именуемую в европейском цирке двойным сальто.

«Наму Амида Буцу»,[7] — успел мысленно произнести Фандорин, прежде чем перестал что-либо видеть и слышать.

Потом ощущения пробудились, но не все: было очень холодно, нечем дышать и все равно ничего не видно. Эраст Петрович в первый миг испугался, что из-за молитвы угодил в буддийский Ледяной ад, где всегда холодно и темно. Но в Ледяном аду вряд ли знали по-русски, а глухие голоса, доносившиеся откуда-то из-под небес, говорили именно на этом языке.

— Шварц, где он? Как сквозь землю прова-

---

[7] Примечания: 7
Славлю Будду Амида. *(яп.)*

лился.

— Вон он! — закричал другой голос, совсем молодой и звонкий. — В сугробе лежит! Просто отлетел далеко.

Только теперь оглушенный падением Фандорин понял, что не умер и не ослеп, а, действительно, лежит лицом вниз в глубоком сугробе. Глаза, рот и даже нос забиты снегом, отчего невозможно дышать и темнота.

— Уходим, — решили наверху. — Если не сдох, так все кости переломал.

И в поднебесье стало тихо.

Если и переломал, то не все — это статский советник понял, когда сумел подняться сначала на четвереньки, а затем и в полный рост. То ли наука Крадущихся спасла, то ли Будда Амида, а вернее всего — кстати подвернувшийся сугроб.

Шатаясь, пересек, двор, через подворотню выбрался в Звонарный переулок — прямо в объятья городовому.

— Осподи, совсем с ума посходили! — ахнул тот, увидев облепленного снегом голого человека. — Палят почем зря, в снегу телешом купаются! Ну, господин хороший, ночевать тебе в околотке.

Эраст Петрович еще немного пошатался, держась за отвороты жесткой, заиндевевшей

шинели, и стал медленно оседать.

Глава двенадцатая
Жирафы

С переездом на новую квартиру возникли сложности — полицейские шпионы прочесывали Москву таким частым гребнем, что обращаться за помощью к сочувствующим сделалось слишком опасно. Поди угадай, за кем из них установлена слежка.

Решили остаться на Воронцовом поле, тем более что возникло и еще одно соображение. Если ТГ так хорошо осведомлен о планах жандармов, то зачем затруднять ему сношения с группой? Кто бы ни был этот таинственный корреспондент и какие бы цели ни преследовал, ясно, что это союзник, и союзник поистине бесценный.

Вечерняя операция в Петросовских банях прошла из рук вон плохо. Во-первых, потеряли Гвоздя, убитого наповал пулей полицейского вице-директора. Этот сверхъестественно увертливый господин вновь ушел, хотя Грин лично возглавил погоню. Со статским советником Фандориным тоже получилось неаккуратно. Емеля, Шварц и Нобель должны были спуститься во

двор и добить его. Глубокий снег мог смягчить падение. Вполне возможно, что чиновник особых поручений отделался пустяками вроде переломанных ног и отбитых почек.

Еще вчера вечером, когда Боевая Группа, пополнившаяся за счет проверенных в деле с эксом москвичей, готовилась к акции в Петросовских банях, Игла принесла химикаты от Аронзона и взрыватели. Поэтому сегодня Грин занялся пополнением арсенала — устроил в кабинете лабораторию. Горелку для разогревания парафина изготовил из керосиновой лампы, для перемолки пикриновой кислоты приспособил кофейную мельницу, роль реторты выполняла склянка из-под оливкового масла, а из самовара получился сносный перегонник. Снегирь готовил корпуса и начинял шурупами.

Остальные отдыхали. Емеля все читал своего «Монте-Кристо» и лишь изредка заглядывал в кабинет, чтобы поделиться эмоциями от прочитанного. От новичков же — Марата, Бобра, Шварца и Нобеля — все равно проку не было. Они устроились на кухне биться в карты. Играли всего лишь на щелчки по лбу, но азартно — с шумом, гоготом и криком. Это было ничего. Ребята молодые, веселые, пусть позабавятся.

Работа по составлению гремучей смеси была кропотливая, на много часов и требовала полнейшей концентрации внимания. Одно неверное движение, и квартира взлетит на воздух вместе с чердаком и крышей.

В третьем часу пополудни, когда процесс был наполовину закончен, раздался телефонный звонок.

Грин снял слуховую трубку и подождал, что скажут.

Игла.

— Приват-доцент заболел, — озабоченно проговорила она. — Очень странно. Вернувшись от вас, я на всякий случай посмотрела на его окна в бинокль — вдруг его химическое пожертвование не осталось незамеченным. Смотрю — шторы задернуты. Алло, — вдруг сбилась она, обеспокоенная молчанием. — Это вы, господин Сиверс?

— Да, — ответил он спокойно, вспомнив, что сдвинутые шторы означают «провал». — Утром? Почему не сообщили?

— Зачем? Если взят, все равно не поможешь. Только хуже бы сделали.

— Тогда почему сейчас?

— Пять минут назад одна штора отодвинулась! — воскликнула Игла. — Я немедленно

протелефонировала на Остоженку, спросила профессора Брандта, как уговорено. Аронзон сказал: «Вы ошиблись, это другой номер». И еще раз повторил, словно просил поторопиться. Голос жалкий, дрожащий.

Условная фраза означала, что Игла должна придти одна — это Грин запомнил. Что же такое могло случиться с Аронзоном?

— Схожу сам, — сказал он. — Проверю.

— Нет, вам нельзя. Слишком большой риск. И, главное, из-за чего? Ну что ему может грозить, а вас нужно беречь. Я отправляюсь на Остоженку, потом буду к вам.

— Хорошо.

Он вернулся в импровизированную лабораторию, но сосредоточиться на деле не получалось, мешала нарастающая тревога.

Странная история: сначала сигнал провала, потом вдруг срочный вызов. Нельзя было посылать Иглу. Ошибка.

— Выйду, — сказал он Снегирю, поднимаясь. — Есть дело. Емеля за старшего. Смесь не трогать.

— Можно с тобой? — вскинулся Снегирь. — Емеля читает, эти в карты режутся, а мне что? Банки я все подготовил. Скучно.

Грин подумал и решил: пусть. Если что — хоть

товарищей предупредит.

— Хочешь — идем.

Посмотреть с улицы — всё было чисто.

Сначала проехали мимо на извозчике, разглядывая окна. Ничего подозрительного. Одна штора задвинута.

Потом, разделившись, прошли по Остоженке пешком. Ни скучающих дворников, ни остроглазых сбитенщиков, ни праздных прохожих.

Слежки за домом определенно не было.

Немного успокоившись, Грин отправил Снегиря в парикмахерскую, расположенную как раз напротив Аронзонова подъезда — сбрить пух на щеках. Велел сесть подле витрины и смотреть за сигнальным окном. Если вторая штора раздвинется, подниматься наверх. Если со шторами более десяти минут ничего происходить не будет, значит, в квартире засада. Тогда немедленно уходить.

У двери с медной табличкой «ПРИВАТ ДОЦЕНТ СЕМЕН ЛЬВОВИЧ АРОНЗОН» остановился и прислушался.

Стоял долго, потому что звуки из квартиры доносились странные: тихое подвывание, будто заперли собаку.

Один раз очень короткий и пронзительный

вскрик, смысл которого был непонятен: словно кто-то собрался заорать во весь голос, да подавился.

Ни с того ни с сего давиться криком никто не станет, и собаки у Аронзона не было, поэтому Грин достал револьвер и позвонил в колокольчик. Оценивающе оглянулся: стены толстые, капитальные. На лестнице стрелять — конечно, услышат, а если внутри, то навряд ли.

Быстрые шаги по коридору. Двое мужчин.

Лязгнула цепочка, створка приоткрылась, и Грин с размаху ударил рукояткой прямо меж пары влажно блестевших глаз.

Толкнул дверь что было сил, перепрыгнул через упавшего (заметил только, что в белой рубашке с засученными рукавами), увидел еще одного, от неожиданности отпрянувшего. Этого схватил за горло, чтобы не крикнул, и с силой стукнул головой о стену. Придержав обмякшее тело, дал ему медленно сползти на пол.

Знакомое лицо, где-то уже видел эти подкрученные рыжие усы, этот камлотовый пиджак.

— Что там? — раздался голос из глубины квартиры. — Взяли? Тащите сюда!

— Так точно! — рявкнул Грин и побежал по коридору на голос — прямо и направо, в гостиную.

Третьего, розоволицего, беловолосого, узнал сразу, а заодно вспомнил и двух первых. Штабс-ротмистр Зейдлиц, начальник охраны генерала Храпова, и двое из его людей. Видел их в Клину, в вагоне.

В комнате было много такого, что требовалось рассмотреть, но сейчас времени на это не имелось, потому что, увидев незнакомого человека с револьвером в руке, жандарм (не в мундире, как в прошлый раз, а песочной тройке) оскалился и полез рукой под пиджак. Грин выстрелил один раз, целя в голову, чтобы наверняка, но попал неточно. Зейдлиц схватился за разорванное пулей горло, забулькал и сел на пол. Его белесые глаза ненавидяще смотрели на Грина. Узнал.

Стрелять еще раз Грин не захотел. Зачем зря рисковать? Шагнул к раненому и проломил ему висок ударом револьверной рукоятки.

Только теперь позволил себе взглянуть на Аронзона и Иглу. Она была привязана к креслу. Платье на груди разорвано, так что видно белую кожу и затененную ложбинку. Во рту кляп, губы разбиты, под глазом набирающий синеву кровоподтек. С приват-доцентом, кажется, было совсем худо. Он сидел у стола, уронив голову на руки, ритмично раскачивался и тихо, беспрерывно

выл.

— Сейчас, — сказал Грин и побежал обратно в коридор. Оглушенные агенты могли в любую секунду прийти в себя.

Сначала добил того, что неподвижно лежал навзничь. Потом повернулся ко второму, который бессмысленно хлопал глазами, привалясь к стене. Взмах, хруст кости. Кончено.

Опять бегом назад. Отдернул штору, чтобы подать сигнал Снегирю и чтобы в гостиной стало посветлее.

Аронзона трогать не стал — было видно, что толку от него не будет.

Развязал Иглу, вынул у нее изо рта кляп. Платком осторожно промокнул кровоточащие губы.

— Простите меня, — вот первое, что она сказала. — Простите меня. Я чуть вас не погубила. Я всегда думала, что не дамся им живой, а когда схватили за локти и поволокли, вся будто оцепенела. И возможность была, когда усадили в кресло. Могла выдернуть иглу и воткнуть себе в горло. Тысячу раз представляла, как это будет. Не вышло…

И вдруг всхлипнула, и слеза покатилась, прямо по синеющей скуле.

— Это все равно, — успокоил Грин. — Если бы и

смогли, я бы все равно пришел. Какая разница.

Объяснение не утешило Иглу, а наоборот, сделало только хуже.

Слезы потекли уже из обоих глаз.

— Правда пришли бы? — задала она вопрос, лишенный смысла.

Грин и отвечать не стал.

— Что здесь? — спросил он. — Что с Аронзоном?

Игла постаралась взять себя в руки.

— Это начальник охраны Храпова. Я не сразу поняла, думала, из Охранного. Но те себя так не ведут, этот сумасшедший какой-то. Они еще с вечера здесь. Между собой разговаривали, я слышала. Этот, белобрысый, хотел сам вас найти. Всю Москву обрыскал, — ее голос стал тверже, глаза были еще мокрыми, но слезы уже не текли. — Квартира Аронзона все эти дни находилась под негласным наблюдением Охранки. Видно, после Рахмета. А этот, — она снова кивнула на мертвого штабс-ротмистра, — подкупил филера, который вел наблюдение.

— Зейдлиц, — пояснил Грин. — Его фамилия Зейдлиц.

— Филера? — удивилась Игла. — Откуда вы знаете?

— Нет, вот этого, — качнул он головой, досадуя, что потратил время на ненужную деталь. — Дальше.

— Вчера филер сообщил Зейдлицу, что у Аронзона была я и ушла с каким-то свертком. Филер пытался меня выследить, но не сумел. Я «хвоста» не видела, но на всякий случай свернула на Пречистенке в одну хитрую подворотню. Привычка.

Грин кивнул, потому что и сам имел такие же привычки.

— А когда филер рассказал Зейдлицу, тот с двумя своими людьми нагрянул к Аронзону. Пытал его всю ночь. Аронзон выдержал до утра, а потом сломался. Я не знаю, что они с ним делали, но вы сами видите… Он все время так сидит. Раскачивается и воет…

Из коридора вбежал Снегирь. Белый, глаза расширены.

— Дверь открыта! — крикнул он. — Убитые!

А потом увидел, что в гостиной, и замолчал.

— Дверь закрыть, — сказал Грин. — Тех перетащи сюда.

И снова повернулся к Игле.

— Чего хотели?

— От меня? Чтоб сказала, где вы. Зейдлиц только спрашивал и ругался, а бил вон тот, с

засученными рукавами. (Смертельно бледный Снегирь как раз волок по паркету за руки агента в рубашке.) Зейдлиц спросит, я молчу. Тогда этот бьет и зажимает рот, чтоб не кричала, — она дотронулась до скулы и поморщилась.

— Не трогайте, — сказал Грин. — Я сам. Но сначала с ним.

Он подошел к невменяемому приват-доценту и коснулся его плеча.

С истошным воплем Аронзон распрямился и прижался к подлокотнику.

Распухшее, ни на что не похожее лицо смотрело на Грина единственным дико выпученным глазом. Вместо второго зияла багровая дыра.

— А-а-а, — всхлипнул Семен Львович. — Это вы пришли. Тогда вам нужно меня убить. Потому что я предатель. И еще потому, что я все равно больше жить не смогу.

Понимать его было трудно, потому что вместо зубов во рту у приват-доцента торчали мелкие, острые осколки.

— Они меня сначала просто били. Потом подвешивали вверх ногами. Потом топили. Это всё в ванной было, там…

Дрожащий палец указал в сторону коридора.

Грин увидел, что вся рубашка у Аронзона в сле-

дах засохшей крови. Пятна были и на пальцах, и даже на брюках.

— Это совершенно безумные люди. Они не понимали, что делают. Я бы всё выдержал — и тюрьму, и каторгу, честное слово, — приват-доцент схватил Грина за руку. — Но я не могу без глаз! Я всегда, с самого детства боялся ослепнуть! Вы даже не представляете… — он весь задрожал и снова закачался, подвывая.

Пришлось сильно тряхнуть его за плечи.

Тогда приват-доцент, очнувшись, зашепелявил вновь:

— Альбинос сказал — уже утро было, а я думал, что ночь никогда не кончится… Сказал: «Где Игла? Спрашиваю последних два раза. После первого раза выжгу кислотой левый глаз, после второго правый. Как ваши сделали с Шверубовичем». Я молчал. Тогда… — из груди Аронзона вырвалось глухое рыдание. — И когда он спросил во второй раз, я всё рассказал. Я больше не мог! Когда она телефонировала, я мог бы ее предупредить, но мне уже было все равно…

Он вцепился в Грина и второй рукой, взмолился исступленным шепотом:

— Вы вот что, вы застрелите меня. Я знаю, вам это ничего не стоит. Для меня так или иначе всё

кончено. Сломленный, с одним глазом, да еще после этого (он дернул подбородком в сторону трупов) я человек пропащий. Меня не простят ни те, ни ваши.

Грин высвободился. Жестко произнес:

— Хотите стреляться — стреляйтесь. Вон у Зейдлица револьвер возьмите. Только глупо. И прощать нечего. У каждого свой предел. А для дела можно пользу и с одним глазом. Даже вовсе без глаз.

— Я бы, наверно, тоже не выдержала, — сказала Игла. — Просто они меня по-настоящему еще не мучили.

— Вы бы выдержали, — Грин отвернулся от них обоих и дал Снегирю инструкцию. — Бери его, вези в больницу. Химик. Взрыв в домашней лаборатории. И сразу уезжай.

— А как же с этим? — Снегирь показал на трупы.

— Сам.

Когда остались вдвоем с Иглой, занялся ее лицом.

Принес из ванной (там было нехорошо — всюду кровь и лужи рвоты) пузырек со спиртом, вату.

Промыл ссадины, смазал синяк.

Игла сидела, откинув голову назад. Глаза ее

были закрыты. Когда Грин тихонько раздвинул ей пальцами губы, она послушно раскрыла рот. Он осторожно потрогал зубы, очень белые и ровные. Правый передний шатался, но несильно. Врастет.

Платье, и без того, растерзанное, пришлось расстегнуть еще дальше. Под ключицей Грин увидел синее пятно. Слегка надавил на кость, обтянутую тонкой, нежной кожей. Цела.

Игла вдруг открыла глаза. Взгляд снизу вверх был смятенный и даже испуганный. У Грина отчего-то перехватило горло, и он забыл убрать пальцы с ее раскрытой груди.

— У вас царапины, — тихо сказала Игла. Он непроизвольно прикрыл расцарапанную щеку, напоминание о глупой неудаче в банях. — А я вся избитая. На меня смотреть неприятно, да? Я и без того некрасивая. Зачем же вы так смотрите?

Грин виновато моргнул, но взгляда не отвел. Она сейчас вовсе не казалась ему некрасивой, хоть синева на скуле проступала все заметней. Удивительно, что это лицо раньше казалось ему неживым, высохшим. Оно было полно жизни и чувства, и насчет цвета вышла ошибка: он у Иглы получался не холодно-серый, а теплый, с отливом в бирюзу. Бирюзовыми оказались и глаза, кото-

рые, оказывается, обладали пугающим свойством — вытягивать из Гриновой души на поверхность давно забытую, безвозвратно поблекшую лазурь.

Пальцам, все еще прижатым к ее коже, вдруг сделалось горячо. Грин хотел отдернуть их, но не смог. А Игла накрыла его руку своей. От этого прикосновения оба вздрогнули.

— Это невозможно… Я дала себе клятву… Совсем лишнее… Сейчас, сейчас пройдет… — бессвязно забормотала она.

— Да, лишнее. Совсем, — горячо согласился он. Порывисто наклонился, припал к ее распухшим губам и ощутил языком привкус крови…

Перед тем, как уйти, остановились на пороге, чтобы навсегда запомнить странное место, где произошло то, чему Грин боялся дать название.

Опрокинутое кресло. Завернувшийся край ковра. Три окровавленных тела. Резкий запах керосина и едва уловимый — пороха.

Игла сказала неожиданное. Такое, что Грин вздрогнул.

— Если будет ребенок… Каким он получится после этого?

Грин зажег спичку и бросил на пол. Веселый огонек синей змейкой побежал через гостиную.

Выла ночь. Тихо.

Все кроме Емели, шелестевшего страницами в кабинете, спали.

Грин сидел в спальне возле кровати, смотрел на Иглу. Она дышала ровно, глубоко, иногда улыбаясь чему-то во сне.

Уйти было нельзя — она крепко держала его за руку.

Он сидел так час и десять минут. Четыре тысячи двести семнадцать ударов сердца.

После того, что было, домой ее отпускать не следовало. Грин привел Иглу на конспиративную квартиру. Весь вечер она молчала, в разговорах не участвовала, только улыбалась мягкой, прежде не бывалой улыбкой. Раньше, до сегодняшнего дня, он вообще не видел, чтобы она улыбалась.

Потом стали укладываться. Парни расположились на полу в гостиной, спальню уступили женщине. Грин сказал, что будет заканчивать приготовление взрывчатой смеси.

Зашел к Игле. Она взяла его за руку. Долго лежала и смотрела. Молчали.

Когда заговорила, то коротко и опять про неожиданное.

— Мы с тобой, как две жирафы, — и тихонько рассмеялась.

— Почему жирафы? — сдвинул он брови, не

понимая.

— В детстве видела картинку в книжке. Две жирафы. Нелепые, долговязые. Стоят, скрестив шеи, и такой вид, будто не знают, что им, нескладным, делать друг с другом дальше.

Игла закрыла глаза и уснула, а Грин думал о ее словах.

Когда ее пальцы, дрогнув, разжались, он осторожно поднялся и вышел из спальни. Нужно было и в самом деле закончить с гремучим студнем.

Выйдя в коридор, случайно глянул в сторону прихожей и замер.

Снова белый прямоугольник. Под прорезью на двери.

В письме было сказано:

> Плохо. Вы упустили обоих. Но есть шанс исправить ошибку. Завтра у Пожарского и Фандорина снова конспиративная встреча. В Брюсовском сквере, в девять утра.
>
> ***ТГ***

Грин поймал себя на том, что улыбается. Еще удивительнее была мысль, пришедшая в голову.

Бог все-таки есть. Его зовут ТГ, он союзник революции, и у него пишущая машина «ремингтон

№ 5».

Кажется, это называлось «шутка»?

Что-то менялось в нем самом и в окружающем мире. Непонятно, к добру или к худу.

Глава тринадцатая, в которой, как положено, происходит несчастье

Очнувшись, Эраст Петрович увидел белое пространство с ярким желтым шаром посередине и не сразу сообразил, что это потолок и стеклянный колпак электрической лампы. Немного повернул голову (причем обнаружилось, что голова находится на подушке, а сам Эраст Петрович лежит в кровати) и встретился взглядом с неким господином, который сидел рядом и смотрел на Фандорина с чрезвычайным вниманием. Человек этот показался статскому советнику смутно знакомым, но откуда — сразу вспомнить не получилось, тем более что внешность у сидящего была самая неинтересная: мелкие черты лица, ровный пробор, скромненький серый пиджак.

Надо спросить, где я нахожусь, почему лежу и который теперь час, подумал Эраст Петрович, но не успел. Господин в сером пиджаке встал и быстро вышел за дверь.

Пришлось находить ответы самостоятельно.

Начал с главного: почему в кровати?

Ранен? Болен?

Эраст Петрович пошевелил руками и ногами, прислушался к себе, но ничего тревожного не обнаружил, если не считать некоторой скованности в сочленениях, как если бы после тяжелой физической работы или контузии.

Тут же все вспомнилось: баня, прыжок с крыши, городовой.

Очевидно, произошло непроизвольное выключение сознания и погружение в глубокий сон, необходимый духу и телесной оболочке, чтобы оправиться от потрясения.

Вряд ли обморок мог продолжаться долее нескольких часов. Судя по лампе и задвинутым шторам, ночь еще не кончилась.

Оставалось определить, куда именно отнесли голого человека, лишившегося чувств посреди зимнего переулка.

Судя по виду комнаты, это была спальня, но не в частном доме, а в дорогой гостинице. На это умозаключение Фандорина навела монограмма, которой были украшены графин, стакан и пепельница, стоявшие на изящном прикроватном столике.

Эраст Петрович взял стакан, чтобы рассмотреть монограмму получше. Буква «Л» под короной.

Эмблема гостиницы «Лоскутная».

Все стало окончательно ясно. Это номер Пожарского.

Заодно определилась и личность неприметного господина — один из «ангелов-хранителей», давеча вышагивавших за Глебом Георгиевичем.

Вместо разрешенных вопросов возник новый: что с князем? Жив ли?

Ответ последовал незамедлительно — дверь распахнулась, и в спальню стремительно вошел сам вице-директор, не только живой, но и, кажется, совершенно целый.

— Ну наконец-то! — воскликнул он с искренней радостью. — Доктор уверил меня, что у вас все цело, что ваш обморок вызван нервным потрясением. Пообещал, что вы скоро очнетесь, но вы никак не желали приходить в себя, добудиться вас было невозможно. Я уж думал, что вы окончательно превратились в спящую красавицу и сорвете мне весь план. Больше суток почивать изволили! Вот уж не ожидал, что у вас такие тонкие нервы.

Выходило, что ночь-то уже следующая. После «Полета ястреба» дух и телесная оболочка Эраста Петровича вытребовали себе отпуск на целые сутки.

— Есть вопросы, — беззвучно просипел статский советник, прочистил горло и повторил, хоть и хрипло, но уже разборчиво. — Есть вопросы. Перед тем, как нас п-прервали, вы сказали, что вышли на след Боевой Группы. Как вам это удалось? Это раз. Что вы предпринимали, пока я спал? Это два. О каком плане вы говорите? Это три. Как вам удалось спастись? Это четыре.

— Спасся я оригинальным образом, который не стал описывать в рапорте на высочайшее имя. Кстати, — многозначительно поднял палец Пожарский, — в нашем с вами статусе произошло существенное изменение. После вчерашнего покушения мы обязаны извещать о ходе расследования уже не министра, а непосредственно канцелярию его императорского величества. Ах, кому я это говорю! Вы, человек далекий — пока еще далекий — от петербургских эмпиреев, не в состоянии оценить смысл этого события.

— Верю вам на слово. Так что же за способ? Вы были раздеты и безоружны, как и я. Направо, куда вы побежали, находился парадный вход, но достичь его вы не успели бы — террористы понаделали бы в вашей спине д-дырок.

— Естественно. Поэтому я не побежал к парадному входу, — пожал плечами Глеб Георгие-

вич. — Разумеется, я нырнул в дамское отделение. Успел проскочить через раздевальню и мыльную, хоть и вызвал своим неприличным видом изрядный ажиотаж. Но одетым господам, которые поспешали за мной, повезло меньше. На них обрушился весь гнев прекрасной половины человечества. Полагаю, что моим преследователям довелось вкусить и кипятка, и ногтей, и тычков. Во всяком случае, по переулку за мной уже никто не гнался, хоть гуляющая публика и оказывала моей скромной персоне некоторые знаки внимания. К счастью, до околотка бежать было недалеко, иначе я бы превратился в снеговика. Труднее всего было убедить пристава, что я вице-директор Департамента полиции. Но как удалось вырваться на улицу вам? Я ломал, ломал над этим голову, обшарил в Петросах все закоулки, но так и не понял. Ведь по лестнице, к которой вы устремились, можно попасть только на крышу!

— Мне просто п-повезло, — уклончиво ответил Эраст Петрович и содрогнулся, вспомнив шаг в пустоту. Приходилось признать, что хитрый петербуржец вышел из затруднения изобретательней и проще.

Пожарский открыл платяной шкаф и стал бро-

сать на кровать одежду.

— Выберите из этого, что подойдет. Пока же поясните мне вот что. Тогда, в шестом номере, вы сказали, что ожидаете разгадки в самом скором времени. Значит ли это, что вы предполагали возможность нападения? Оно должно было вам выдать предателя?

Фандорин, помедлив, кивнул.

— И кто же им оказался?

Князь испытующе смотрел на статского советника, который вдруг сделался очень бледен.

— Вы еще ответили не на все мои вопросы, — наконец вымолвил он.

— Что ж, извольте, — Пожарский сел на стул, закинул ногу на ногу. — Начну с самого начала. Разумеется, вы были правы насчет двойного агента, я сразу это понял. И подозреваемый у меня, как и у вас, был всего один. Вернее, подозреваемая — наша таинственная Диана.

— Зачем же т-тогда…

Пожарский жестом показал, что предвидел вопрос и сейчас на него ответит.

— Чтобы вы не опасались соперничества с моей стороны. Каюсь, Эраст Петрович, я человек без предрассудков. Впрочем, вы и сами давно это поняли. Неужто вы думали, что я буду, как

моська, бегать по всем филерам и извозчикам, задавая им идиотские вопросы? Нет, я незаметно пристроился вам в кильватер, и вы привели меня в скромный арбатский особнячок, где квартирует наша Медуза Горгона. И не нужно так возмущенно делать бровями! Я, конечно, поступил некрасиво, но и вы, знаете, тоже повели себя не по-товарищески. Про Диану рассказали, а адресок утаили? И это называется «совместная работа»?

Фандорин решил, что оскорбляться бессмысленно. Во-первых, у этого потомка варягов нет ни малейшего представления о чести. А во-вторых, сам виноват — нужно быть наблюдательней.

— Я предоставил вам право первой ночи, — озорно улыбнулся князь. — Правда, надолго вы в обители прелестницы не задержались. Когда вы покидали сей чертог, вид у вас был такой довольный, что я грешным делом взревновал. Неужто, думаю, Фандорин ее уже выпотрошил, да еще с этакой быстротой. Но нет, по поведению чаровницы я понял, что вы ушли ни с чем.

— Вы с ней говорили? — поразился статский советник. Пожарский расхохотался, кажется, получая истинное удовольствие от этой беседы.

— И не только говорил… Господи, у него опять брови домиком! Слывете первым московским

донгуаном, а совершенно не понимаете женщин. Наша бедняжка Диана осиротела, почувствовала себя заброшенной и никому не нужной. То вокруг нее вились такие видные, влиятельные кавалеры, а теперь она — обычная «сотрудница», да еще заигравшаяся слишком опасной ролью. Разве она не пыталась найти в вас нового покровителя? Ну вот, вижу по румянцу, что пыталась. Я не настолько самоуверен, чтобы вообразить, будто она влюбилась в меня с первого взгляда. Вы пренебрегли бедной женщиной, а я нет. За что и вознагражден полной мерой. Дамы, Эраст Петрович, одновременно гораздо сложней и гораздо проще, чем мы о них думаем.

— Так выдавала все-таки Диана? — ахнул Фандорин. — Не может быть!

— Она, она, голубушка. Психологически это объясняется очень легко, особенно теперь, когда выяснились все обстоятельства. Вообразила себя Цирцеей, повелительницей мужчин. Ее самолюбию чрезвычайно льстило, что она вертит судьбами грозных организаций и самой империи. Полагаю, Диана испытывала от этого не меньшее эротическое наслаждение, чем от своих амурных похождений. Точнее, одно дополняло другое.

— Но как вы сумели заставить ее п-признать-

ся? — все не мог опомниться Эраст Петрович.

— Говорю же, женщины устроены гораздо проще, чем уверяют нас господа Тургенев и Достоевский. Простите за пошлую похвальбу, но по любовной иерархии я не флигель-адъютант, а по меньшей мере фельдмаршал. Я знаю, как свести с ума женщину, особенно жадную до чувственных удовольствий. Сначала я приложил все свои таланты, чтобы мадемуазель Диана превратилась в подтаявшее мороженое, а потом из сиропного вдруг стал железным. Предъявил имеющиеся факты, припугнул, а более всего подействовал солнечный свет. Отдернул шторы, и она, как вампир, совершенно лишилась сил.

— П-почему? Вы видели ее лицо? И кем же она оказалась?

— О-о, вам это будет интересно, — непонятно чему засмеялся князь. — Сразу поймете, где была собака зарыта. Но об этом после… Так вот, выяснилось, что, получая от Бурляева и Сверчинского секретные сведения, Диана передавала их террористам из БГ, причем действовала не напрямую, а при помощи записочек. Подписывала их буквами «ТГ», что означает «Терпсихора Геликонская» — надеюсь, вы помните, что музы обитают в Геликонских горах. Своеобразный юмор, не на-

ходите? — Пожарский вздохнул. — Это уж мне потом стало ясно, почему она так легко пустилась в откровения. Знала про нашу встречу в бане и была уверена, что живыми ни я, ни вы оттуда не уйдем. А страх и раскаяние разыграла, чтобы я ее не арестовал. Рассчитала, что я захочу ее использовать для поимки террористов. И правильно рассчитала. Умная, бестия, не отнимешь. Еще, поди, посмеивалась над моим триумфальным видом.

— Так это вы сказали ей, что мы с вами будем в шестом номере? — просветлел лицом Эраст Петрович.

Но проглянувший было лучик надежды тут же и погас.

— В том-то и штука, что нет. Ничего подобного я ей не говорил. Но про нашу встречу она знала, в этом нет никаких сомнений. Когда я, уже ночью, пылая жаждой мщения, вновь заявился к Диане, она уставилась на меня так, будто я восстал из ада. Тогда-то я и понял: знала, знала, мерзавка! На сей раз я поступил умнее. Оставил приглядывать за ней своего человечка. Один тут, возле вас дежурил, второй Диану стерег. Однако откуда все-таки она узнала про шестой номер? — вернулся к неприятной теме Пожарский. — Вы никому

не говорили — в Охранном или Жандармском? Наверняка кроме Бурляева и Сверчинского есть у нее кто-то еще.

— Нет, ни в Охранном, ни в Жандармском про шестой номер я никому не г-говорил, — тщательно подбирая слова ответил Фандорин.

Князь склонил голову на бок, со своими соломенными волосами и черными, как угли, глазами сделавшись похож на ученого пуделя.

— Ну-ну. А теперь про мой план, в котором вам отведена самая что ни на есть главная партия. Благодаря коварной Диане мы знаем, где прячется Боевая Группа. Собственно, Диане эта квартира и принадлежит, только наша «сотрудница» давно там не живет. Под казенным кровом ей интересней.

— Вы знаете, где прячется БГ? — Эраст Петрович застыл, недовдев руку в синий, будто по его мерке скроенный сюртук. — И вы до сих пор их не взяли?

— Я что, похож на идиота Бурляева, царствие ему небесное? — укоризненно покачал головой князь. — Их там семь человек, вооружены до зубов. Такое Бородино устроят, что после снова Москву отстраивать придется, как в двенадцатом году. Нет, Эраст Петрович. Мы их аккуратненько

возьмем, в удобном нам месте и в удобное время.

Закончив туалет, Фандорин сел на кровать напротив предприимчивого вице-директора и приготовился слушать.

— Сегодня вечером, часика этак три назад, в квартиру к нашим партизанам подбросили очередную записочку от ТГ. Содержание такое: *«Плохо. Вы упустили обоих. Но есть шанс исправить ошибку. Завтра у Пожарского и Фандорина снова конспиративная встреча. В Брюсовском сквере, в девять утра»*. После чудес ловкости, которые мы с вами проявили в банях, господин Грин бросит против нас всё свое воинство, в этом можно не сомневаться. Вы Брюсовский сквер знаете?

— Да. Отличное место для з-засады, — признал статский советник. — Утром там пусто, никто из посторонних не пострадает. С трех сторон глухие стены. Стрелков можно по крышам расположить.

— И меж зубцов Симеоновского монастыря, архимандрит уже дал благословение ради такого богоугодного дела. Как войдут, запечатаем и переулок. Обойдемся без жандармов. На рассвете из Петербурга прибывает Летучий отряд, я вызвал. Это настоящие мамелюки, цвет Департамента,

лучшие из лучших. Ни один боевик не уйдет, истребим всех до единого.

Эраст Петрович нахмурился:

— Д-даже не попытавшись арестовать?

— Вы шутите? Надо бить без предупреждения, залпами. Перестрелять, как бешеных псов. Иначе своих людей потеряем.

— У наших людей такая служба — рисковать жизнью, — упрямо заявил статский советник. — А без предложения сложить оружие операцию проводить п-противозаконно.

— Черт с вами, будет им предложение. Только смотрите, больше всего риску из-за этого будет для вас.

Пожарский злорадно улыбнулся и пояснил:

— По разработанной диспозиции вам, милейший Эраст Петрович, отводится почетная роль живца. Будете сидеть на скамеечке, якобы поджидая меня. Пусть БГ на вас клюнет, подберется поближе. Пока не появлюсь я, убивать они вас не станут. Все-таки, прошу прощения за нескромность, полицейский вице-директор для них добыча полакомей, чем чиновник, хоть бы даже и особых поручений. Я же предстану их взорам не раньше, чем капкан захлопнется. Поступлю по всей законности — предложу супостатам сдаться.

Сдаваться они, конечно, и не подумают, но мое объявление будет вам сигналом, что пора прыгать в укрытие.

— В к-какое укрытие? — прищурил голубые глаза Фандорин, которому показалось, что план Глеба Георгиевича хорош решительно всем кроме одного: некоему статскому советнику путь из Брюсовского сквера выходил прямиком на погост.

— А вы думали, я вас решил под пулями оставить? — даже обиделся Пожарский. — Там уже всё подготовлено, самым наилучшим образом. Вы садитесь на третью скамью от входа. Справа от нее сугроб. Под снегом яма. Собственно, там начинается канава, тянущаяся до самого переулка. Собираются прокладывать канализационные трубы. Канаву я велел прикрыть щитами и сверху засыпать снегом, ее теперь не видно. Но под сугробом, что возле скамейки, только тонкая фанера. Как только в сквере появляюсь я, вы немедленно прыгаете прямо в снег и на глазах у потрясенных террористов проваливаетесь сквозь землю. Потом канавой пробираетесь под полем брани до переулка и вылезаете живой и невредимый. Каков план? — горделиво спросил князь и вдруг забеспокоился. — А может быть, вы

все же нездоровы? Или не хотите подвергать себя такому риску? Если боитесь — говорите прямо. Не нужно бравировать.

— Хороший п-план. И риск вполне умеренный.

Фандорина сейчас одолевали чувства посильнее страха. Грядущая операция, риск, пальба — всё это было пустяками по сравнению с тяжестью, которая навалилась на Эраста Петровича: вторжение боевиков не куда-нибудь, а именно в шестой номер, могло иметь только одно объяснение…

— Имеется предложение, — сказал князь, выудив из жилетного кармана за цепочку часы. — Время, правда, уже позднее, но вы, я полагаю, выспались, а мне перед серьезной операцией уснуть никогда не удается. Нервы. Давайте-ка наведаемся к нашей милой затворнице. Я покажу вам ее при свете. Обещаю грандиозный эффект.

Статский советник стиснул зубы. Только теперь, после этих слов, произнесенных, как ему показалось, с деланной небрежностью, с глаз бедного Эраста Петровича окончательно упала пелена.

Боже! Неужели ты можешь быть так жесток?

Вот почему темнота и вуаль, вот почему шепот!

И поведение Пожарского становилось окончательно понятным. Зачем бы честолюбец стал дожидаться, пока коллега придет в себя? Мог бы придумать и другой план операции, без участия московского чиновника. Не пришлось бы делиться лаврами.

А, оказывается, и не придется. Фандорину будет не до лавров.

Пожарский не просто карьерист. Ему мало одного служебного успеха, ему нужно ощущение победы над всем и всеми. Он должен всегда быть первым. А теперь у него появилась превосходная возможность растоптать, уничтожить человека, в котором он не мог не чувствовать серьезного соперника.

И упрекнуть князя было не в чем. Разве что в чрезмерной жестокости, но это уж свойство характера.

Статский советник обреченно поднялся, готовый испить чашу унижения до дна.

— Хорошо, едем.

* * *

Дверь арбатского особнячка сама распахнулась навстречу. Тихий господин, очень похожий на того, что сидел в гостинице у кровати, слегка

поклонился и доложил:

— Сидит в кабинете. Дверь я запер. Один раз выводил в ватер-клозет. Два раза просила воды. Более ничего-с.

— Ясно, Коржиков. Можешь возвращаться в гостиницу. Отоспись. Мы тут с его высокородием сами справимся, — и заговорщицки подмигнул Эрасту Петровичу, отчего у последнего возникло секундное, но очень сильное желание взять глумливца двумя руками за шею и переломить на ней позвонки, что соединяют дух с телом.

— Сейчас я вас заново познакомлю с прославленной разбивательницей сердец, непревзойденной актрисой и загадочной красавицей.

Пожарский, злорадно посмеиваясь, первым поднимался по лесенке.

Открыл ключом знакомую дверь, сделал шаг внутрь и повернул ручку газового рожка. Комната наполнилась чуть подрагивающим светом.

— Что же вы, мадемуазель, даже и не обернетесь? — насмешливо спросил Глеб Георгиевич, обращаясь к той, кого Фандорину, все еще находившемуся в коридоре, было не видно.

— Что?! — взревел вдруг князь. — Коржиков, скотина, под суд пойдешь!

Он рванулся с порога внутрь, и статский совет-

ник увидел тонкую женскую фигуру, неподвижно стоявшую лицом к окну. Голова женщины была меланхолично наклонена на бок, а неподвижной фигура казалась только на первый взгляд. Уже при втором взгляде было видно, что она слегка раскачивается из стороны в сторону, да и ноги чуть-чуть не достают до пола.

— Эсфирь… — обессиленно прошептал Эраст Петрович. — Господи…

Князь достал из кармана нож, чиркнул по веревке, и труп грузно повалился на пол. С неживой грацией тряпичной куклы встряхнув руками, тело ткнулось лбом в паркет и теперь уже в самом деле стало совершенно недвижным.

— А, черт, — Пожарский присел на корточки, расстроенно поцокал языком. — Свою полезность она исчерпала, но все равно жалко. Незаурядная была особа. Да и хотелось вас побаловать… Ничего не поделаешь, увидите эту красу уже увядшей.

Он взял покойницу за плечи и перевернул на спину.

Эраст Петрович непроизвольно зажмурился, но, устыдившись собственной слабости, заставил себя открыть глаза.

Увидел такое, что снова зажмурился — от неожиданности. А потом несолидно захлопал

ресницами.

Женщину, лежавшую на полу, Фандорин видел впервые — такое лицо, раз увидев, не позабудешь. Одна его половина была вполне обыкновенной и даже не лишенной миловидности, зато с другой стороны черты были сплющены, полураздавлены, так что разрез глаза получился почти вертикальный, а скула наезжала на ухо.

Пожарский рассмеялся, очень довольный произведенным эффектом.

— Хороша, чертовка? Родовая травма. Акушер неудачно щипцами прихватил. Теперь понятны мотивы поведения мадемуазель Дианы? Как еще могла она относиться к мужчинам, которые при свете дня шарахались от нее в ужасе? Только с ненавистью. Вот почему ей нравилось жить в этом заколдованном замке, где царили мрак и тишина. Тут она была не несчастной уродиной, а писаной раскрасавицей, какую только может представить мужское воображение. Бр-р-р, — передернулся Глеб Георгиевич, глядя на страшную маску, и пожаловался. — Вам-то что, а я как подумаю, что вчера полдня ублажал этакое чудище, мороз по коже.

Эраст Петрович стоял в полном онемении чувств, еще не оправившись от потрясения, но

уже знал, что первой эмоцией, которую испытает в самом скором времени — только вот сердце немного отойдет — будет острейший стыд.

— Впрочем, возможно, в аду, куда несомненно отправилась новопреставленная, именно такие и почитаются первейшими красотками, — философски заметил князь. — Однако наш план, Эраст Петрович, остается в силе. Сугроб справа, не забудьте.

Глава четырнадцатая
Яма

Пожарский опаздывал.

Шесть минут десятого. Грин спрятал часы в карман шинели. Там же лежал «кольт», и пальцы плотно обхватили удобную рифленую рукоятку.

Не так уж плохи дела у революции, если сыскное начальство вынуждено встречаться конспиративно, тайком от собственных подчиненных. Вражеский лагерь охвачен тревогой и неуверенностью, там боятся собственной тени, никому не доверяют. И правильно делают.

Или догадываются про ТГ?

А всё просто: не может победить дело, сторонники которого больше всего пекутся о собственном благе. Вот почему торжество революции неизбежно.

Только ты до него не доживешь, напомнил себе Грин, чтобы загнать вглубь лазурь, после вчерашнего так и норовившую вылезти на поверхность. Ты — спичка. Ты и так горишь дольше обычного. А радость жизни ты исключил из своего существования сам.

Статский советник Фандорин сидел на соседней скамейке. Скучливо постукивал перчаткой по колену, рассматривал галок, прыгавших по ветвям старого дуба.

Сейчас этот красивый, щегольски одетый человек умрет. И никогда уже не узнать, о чем он думал в последние минуты своей жизни.

От неожиданной мысли Грин вздрогнул. Когда целишься во врага, нельзя думать про его мать и детей, напомнил он себе то, что не раз говорил Снегирю. Раз человек надел вражеский мундир — значит, превратился из мирного обывателя в солдата.

Шинель на Грине была толстая, хорошего сукна. Нобель принес из дому, у него отец — отставной генерал.

Игла прицепила Грину седые усы и бакенбарды. Отличная маскировка.

По дорожке шел Снегирь, одетый гимназистом. Ему полагалось проверить переулок — всё ли чисто. Проходя мимо, чуть кивнул и сел на скамейку возле Фандорина. Зачерпнул свежего снега, сунул в рот. Волнуется.

Нобель и Шварц скребли лопатами аллею. Емеля стоял по ту сторону решетки, изображал городового. Марат и Бобер, в чуйках и валенках,

играли в свайку возле самого входа. Отличное время выбрали для беседы Пожарский и Фандорин. Ни гуляющих, ни даже прохожих.

— Хрен тебе, а не алтын! — крикнул Марат, отскакивая в сторону. — Накося, выкуси!

И, насвистывая двинулся по аллее. Руки небрежно сунул в карманы.

Это был сигнал. Значит, появился Пожарский.

Бобер кинутся за Маратом:

— Ты чё, ты чё! — крикнул Бобер (отличный, спокойный парень из бывших студентов). — Гони должок!

А за ними показался и долгожданный господин вице-директор.

В гвардейской шинели, белой свитской шапке, при сабле. Хорош конспиратор.

Пожарский остановился у входа в сквер, широко расставил ноги в сверкающих сапогах и, картинно ухватившись за портупею, крикнул:

— Господа нигилисты! Вы окружены со всех сторон! Рекомендую сдаваться!

И в ту же секунду проворно нырнул за ограду, исчез позади заснеженных кустов.

Грин оглянулся на Фандорина, но и статский советник, пробудившись от мечтательности, проявил удивительную прыткость. Схватил

Снегиря за воротник, притянул к себе и вместе с ним зачем-то бросился в сугроб, возвышавшийся справа от скамейки.

Со всех сторон затрещало, загрохотало, загремело, будто кто-то с хрустом рвал напополам весь белый свет.

Грин увидел, как Марат, всплеснув руками, дернулся, словно от сильного толчка в спину, как Бобер стреляет из-под локтя куда-то вверх и вбок.

Выхватив из кармана «кольт», ринулся выручать Снегиря. Пулей сбило с головы шапку, чиркнуло по темени. Грин покачнулся, не устоял на ногах и рухнул в сугроб, что был слева от соседней скамейки.

Дальше случилось невероятное.

Сугроб оказался гораздо глубже, чем можно было вообразить по его внешнему виду. Что-то затрещало, на миг сделалось темно, а затем последовал весьма ощутимый удар о твердое. Сразу же сверху обрушилась белая лавина, и Грин забарахтался в ней, перестав понимать, что происходит.

Кое-как вскочив на ноги, он увидел, что стоит в глубокой яме, по грудь утонув в снегу. Было видно небо, облака, ветки дерева. Стрельба сделалась еще громче, отдельные выстрелы стали почти

неразличимы, подхваченные и усиленные эхом.

Наверху шел бой, а он, стальной человек, отсиживался в щели!

Грин подпрыгнул, коснулся пальцами края ямы, но ухватиться было не за что. Тут обнаружилось, что при падении он уронил револьвер, и искать его в этой снежной каше представлялось делом долгим, а возможно, и безнадежным.

Неважно, только бы выбраться.

Он принялся остервенело утрамбовывать снег — руками, ногами, даже ягодицами. И тут вдруг пальба прекратилась.

От этой тишины Грину впервые за долгие годы стало страшно. А он думал, что никогда больше не ощутит этого знобкого, стискивающего сердце чувства.

Неужели все? Так быстро?

Он влез на утоптанный снег, высунул из ямы голову, но сразу присел. К ограде густой цепью шли люди в штатском, держа в руках дымящиеся карабины и револьверы.

Даже не застрелишься — не из чего. Сиди, как угодивший в яму волк, и жди, пока вытащат за шиворот.

Опустился на корточки, стал лихорадочно шарить в снегу. Только бы найти, только бы найти.

Большего счастья Грин сейчас вообразить не мог.

Бесполезно. Револьвер, наверное, где-то там, на самом дне.

Грин развернулся и вдруг увидел черную дыру, уходившую куда-то вбок. Не раздумывая, шагнул в нее и понял, что это подземный ход: узкий, чуть выше человеческого роста, пропахший мерзлой землей.

Удивляться было некогда.

Он побежал в темноту, наталкиваясь плечами на стенки лаза.

Довольно скоро, шагов через пятьдесят, впереди забрезжил свет. Грин убыстрил бег и вдруг оказался в разрытой траншее. Она была огорожена досками, сверху над ней нависала каменная стена дома и вывеска «Мёбиус и сыновья. Колониальные товары».

Тут Грин вспомнил: в переулке, что выводил к скверу, была какая-то канава, а по краям — наскоро сколоченная изгородь. Вот оно что.

Он выбрался из ямы. В переулке было пусто, но из сквера доносился гул множества голосов.

Прижался к стене дома, выглянул.

Люди в штатском сволакивали тела на аллею. Грин увидел, как двое филеров тащат за ноги

какого-то полицейского и не сразу понял, кто это, потому что полы завернувшейся шинели прикрывали убитому лицо. Из-за отворота выпала пухлая книжка в знакомом переплете. «Граф Монте-Кристо». Емеля взял с собой на акцию — боялся, вдруг не доведется вернуться на квартиру, и он не узнает, отомстил граф иудам или нет.

— Чего это, а? — раздался сзади напуганный голос.

Из подворотни высовывался дворник. В фартуке, с бляхой.

Посмотрел на засыпанного снегом человека с остановившимися глазами и виновато пояснил:

— Я ничего, сижу, не высовываюсь, как велено. Это вы кого, а? Хитровских? Или бонбистов?

— Бомбистов, — ответил Грин и быстро пошел по переулку.

Времени было совсем мало.

— Уходим, — сказал он открывшей дверь Игле. — Быстрее.

Она побледнела, но ни о чем спрашивать не стала — сразу кинулась обуваться.

Грин взял два револьвера, патроны, банку с гремучей смесью и несколько взрывателей. Готовые корпуса пришлось оставить.

Только когда спустились на улицу и благопо-

лучно свернули за угол, стало ясно, что квартира не обложена. Видно, полиция была уверена, что БГ сама придет в капкан, и решила воздержаться от наружного наблюдения, чтобы ненароком себя не выдать.

— Куда? — спросил Грин. — В гостиницу нельзя. Будут искать.

Поколебавшись, Игла сказала:

— Ко мне. Только… Ладно, сам увидишь.

Извозчику велела везти на Пречистенку, к дому графа Добринского.

Пока ехали, Грин вполголоса рассказал, что произошло в Брюсовском. Лицо у Иглы было неподвижное, но по щекам одна за другой катились слезы.

Сани остановились у старинных чугунных ворот, украшенных короной. За оградой виднелся двор и большой трехэтажный дворец, когда-то, наверное, пышный и нарядный, а ныне облупившийся и явно заброшенный.

— Там никто не живет, двери заколочены, — словно оправдываясь, объяснила Игла. — Как отец умер, я всех слуг отпустила. А продать его нельзя. Отец завещал дом моему сыну. Если будет. А если не будет, то после моей смерти — управе Георгиевского ордена…

Значит, про невесту Фокусника говорили правду, что графская дочь, рассеянно подумал Грин, чей мозг потихоньку начинал подбираться к главному.

Игла повела его мимо запертых ворот, вдоль решетки к маленькой пристройке с мезонином, выходившей крыльцом прямо на улицу.

— Здесь когда-то семейный лекарь жил, — сказала Игла. — А теперь я. Одна.

Но он уже не слушал.

Не глядя по сторонам прошел за ней через какую-то комнату, даже не посмотрев по сторонам. Сел в кресло.

— Что же теперь делать? — спросила Игла.

— Мне нужно подумать, — ровным голосом ответил Грин.

— А можно я посижу рядом? Я не буду мешать…

Но она мешала. Ее мягкий, бирюзовый взгляд не давал мысли организоваться, в голову лезло второстепенное и вовсе ненужное.

Усилием воли Грин заставил себя не сбиваться с прямой линии, сосредоточиться на насущной задаче.

Насущная задача называлась ТГ. Кроме Грина решить ее было некому.

Чем же он располагал?

Только хорошо тренированной памятью.

К ней и следовало обратиться.

Всего ТГ прислал восемь писем.

Первое — про екатериноградского губернатора Богданова. Поступило вскоре после неудачного покушения на Храпова, 23 сентября минувшего года. Невесть откуда появилось на обеденном столе конспиративной квартиры на Фонтанке. Напечатано на машине «ундервуд».

Второе — про жандармского генерала Селиванова. Само собой обнаружилось в кармане Гринова пальто 1 декабря минувшего года. Дело было на партийной «свадьбе». Пишущая машина — снова «ундервуд».

Третье — про Пожарского и неведомого «важного агента», который оказался членом заграничного ЦК Стасовым. Нашлось на полу в прихожей квартиры на Васильевском 15 января. Пишущая машина та же.

Четвертое — про Храпова. На колпинской даче. Емеля подобрал записку, обернутую камнем, под открытой форточкой. Это было 16 февраля. ТГ опять воспользовался «ундервудом».

Итак, первые четыре письма были получены в Петербурге, причем между первым и последним

миновало почти пять месяцев.

В Москве же ТГ залихорадило: за четыре дня — четыре послания.

Пятое — про предательство Рахмета и про то, что Сверчинский ночью будет на Николаевском вокзале. Пришло во вторник, 19-го. Опять, как со «свадьбой», загадочным образом оказалось в кармане висящего пальто. Машина сменилась, теперь это был «ремингтон № 5». Очевидно, «ундервуд» остался в Питере.

Шестое — про полицейскую блокаду у железнодорожных пакгаузов и про новую квартиру. Это было в среду, 20-го. Письмо принес Матвей, кто-то незаметно подсунул ему конверт в карман тулупа. Напечатано на «ремингтоне».

Седьмое — про Петросовские бани. Брошено в почтовую щель 21 февраля. «Ремингтон».

Последнее, восьмое, заманивающее в ловушку, поступило тем же образом. Было это вчера, в пятницу. Машина — «ремингтон».

Что же из всего этого следует?

Почему ТГ сначала оказывал бесценные услуги, а потом предал?

Потому же, почему предают другие: был арестован и сломлен. Или был раскрыт и сам стал жертвой провокации. Неважно, это второсте-

пенное.

Главное — кто он?

В четырех случаях из восьми ТГ или его посредник находился в непосредственной близости от Грина. В остальных четырех подобраться к Грину почему-то не захотел или не смог и действовал не изнутри, а снаружи: через открытую форточку, через дверь, через Матвея.

Ну, в Колпине понятно: после январского экса Грин объявил группе карантин — сидели на даче, никуда не выходили, ни с кем не встречались.

В Москве же ТГ имел прямой доступ к Грину всего в одном случае, 19 февраля, когда Козырь проводил инструктаж перед нападением на карету экспедиции государственных бумаг. Затем ТГ по какой-то причине прямого доступа лишился.

Что произошло между вторником и средой?

Грин дернулся в кресле, осененный арифметической простотой разгадки. Как только он не додумался раньше! Просто не было истинной, категорической необходимости, которая так обостряет работу мысли.

— Что? — испуганно спросила Игла. — Тебе нехорошо?

Он молча схватил со стола карандаш, лист бумаги. Помедлил с минуту и быстро набросал

несколько строк, сверху приписал адрес.

— Это на телеграф. Сверхсрочным тарифом.

Глава пятнадцатая, в которой Фандорин учится гибкости

Грин оказался не таким, каким представлял его Эраст Петрович. Ничего злодейского или особенно кровожадного в человеке, сидевшем на соседней скамье, статский советник не усмотрел. Суровое, чеканное лицо, которое трудно вообразить улыбающимся. И совсем еще молодое, несмотря на неуклюжий маскарад в виде седых усов и бакенбардов.

Похоже, что кроме самого Фандорина и террористов в Брюсовском сквере никого и не было. Пожарский отлично выбрал место для операции. По ту сторону решетки прогуливался городовой, несомненно ряженый. Двое молодых дворников с неестественно длинными бородами и интеллигентными лицами неуклюже скребли фанерными лопатами снег. Еще двое парней поодаль играли в свайку, но что-то не больно увлеченно — слишком часто поглядывали по сторонам.

Девять уже миновало, но Пожарский медлил.

Очевидно ждал, пока вернется самый юный из боевиков, изображающий гимназиста.

Но вот и он. Насвистывая, прошел аллеей, сел на расстоянии вытянутой руки от Эраста Петровича, как раз рядом с дырявым сугробом и жадно сунул в рот пригоршню снега. Надо же, подумал статский советник, совсем ребенок, а уже приучен к убийствам. В отличие от фальшивого генерала «гимназист» смотрелся вполне убедительно. Вероятно, это и был Снегирь.

Появился Пожарский, и игроки в свайку потянулись к центру сквера. Эраст Петрович внутренне подобрался. Князь крикнул, что предлагает нигилистам сдаваться, и Фандорин пружинисто вскочил с места, легко подцепил «гимназиста» за воротник шинели и потянул за собой в спасительный сугроб. Умирать мальчишке было рано.

Снег мягко принял статского советника, но пустил недалеко — вряд ли больше, чем на аршин. Снегирь упал сверху и забарахтался, но из крепких рук Эраста Петровича вырваться было непросто.

Со всех сторон грянули выстрелы. Фандорин знал, что стрелки Летучего отряда, усиленные мыльниковскими филерами, бьют с монастырских стен, с окрестных крыш и не прекратят

огонь, пока в сквере шевелится хоть что-то живое.

Где же обещанная яма?

Эраст Петрович слегка сдавил юному террористу нервный узел, чтобы перестал брыкаться и раз, другой, третий ударил кулаком по земле. Если там, под снегом, была фанера, она пружинила бы, но нет, твердь оставалась твердью.

«Гимназист» больше не пытался высвободиться, только время от времени вздрагивал, будто от электрического тока, хотя вздрагивать ему было вроде бы нечего — Фандорин надавил несильно, минут на десять полного покоя.

Несколько раз со свирепым шипением в снег входили пули — совсем близко. Эраст Петрович колотил по неподатливой фанере все яростней и даже пробовал подпрыгнуть, насколько это было возможно в лежачем положении, да еще с грузом. Нет, яма раскрываться не желала. То ли фанера задубела за ночь, то ли еще что.

А пальба между тем стала редеть и вскоре стихла совсем.

На аллее раздались голоса:

— Этот готов. Чистое решето.

— Этот тоже. Ишь рожу-то разворотило, не опознаешь.

Вылезать из сугроба было бы неблагоразумно — сразу всадят десяток пуль, поэтому Эраст Петрович, не вставая, крикнул:

— Господа, я Фандорин, не стреляйте!

И лишь потом, стянув с себя мирно покоящегося Снегиря, поднялся, вероятно, похожий на снежную бабу.

Сквер был полон людей в штатском. Их было, пожалуй, не меньше полусотни, а за оградой виднелись еще.

— Все вчистую, ваше высокородие, — сказал один из «летучих», седоусый, но моложавый. — Некого арестовывать.

— Один все-таки живой, — ответил Эраст Петрович, отряхиваясь. — П-примите-ка его и уложите на скамью.

Агенты взяли было «гимназиста» на руки, но сразу же положили обратно.

— Как же, живой, — пробормотал седоусый. — Дырок с десяток будет.

И верно: лицо мальчика, хоть еще и не сбросило румянца, было явно и недвусмысленно мертвым. Снег на шинели в нескольких местах покраснел от крови, а во лбу, чуть пониже линии волос, чернело отверстие. Теперь стало понятно, отчего беднягу так дергало.

Эраст Петрович растерянно смотрел на безжизненное тело, заслонившее его от пуль, и потому не заметил, как сзади налетел Пожарский.

— Живы? Слава Богу! — закричал он, сзади обхватив Фандорина за плечи. — Я уж не чаял! Ну скажите Бога ради, что вас в левый сугроб-то понесло! Я ведь сто раз повторил: в правый прыгайте, в правый! Это просто чудо, что вас не задело!

— Так вот он, правый! — возмущенно воскликнул статский советник, разом вспомнив о своих тщетных прыжках в лежачем положении. — Я в него и п-прыгнул!

Князь захлопал глазами, посмотрел на Фандорина, на скамейку, на сугроб, потом снова на Фандорина и неуверенно хихикнул.

— Ну да, естественно. Я ведь на скамейку не садился, я на нее отсюда смотрел. Вот я, вот сугроб, справа от скамейки. А если сидеть, то он, разумеется, слева… Ой, не могу! Два мудреца… Два стратега…

И полицейского вице-директора согнуло пополам в пароксизме удушающего, неудержимого хохота, отчасти, несомненно, объясняемого спадом нервного напряжения.

Эраст Петрович улыбнулся, потому что веселье

Глеба Георгиевича было заразительно, но снова зацепил взглядом тонкую фигурку в гимназической шинели и посерьезнел.

— Где Г-Грин? — спросил он. — Он сидел вон там, одетый отставным генералом.

— Такого, ваше высокородие, нет, — насупился седоусый, обернувшись к разложенным на аллее телам. — Раз, два, три, четыре, пять, гимназист шестой. А боле никого. Эй, черти, где седьмой? Их семь было!

Князь больше не хохотал. Он обреченно огляделся по сторонам и, стиснув зубы, застонал.

— Ушел! Через ту самую канаву и ушел. Вот вам и победа. А я уж и реляцию в голове сочинил: потерь нет, Боевая Группа полностью истреблена.

Он схватил Фандорина за руку и крепко стиснул.

— Беда, Эраст Петровича, беда. У нас в руках остался хвост от ящерицы, а сама ящерица сбежала. Хвост она отрастит новый, ей не привыкать.

— Что б-будем делать? — спросил статский советник. Его тревожные голубые глаза смотрели в такие же тревожные черные глаза князя.

— Вы — ничего, — вяло ответил Глеб Георгиевич. Вид у него был уже не триумфальный, а померкший и очень усталый. — Вы поставьте

свечку в церкви, потому что сегодня Господь явил вам чудо, и отдыхайте. Теперь и от меня-то проку мало, а от вас тем более. Вся надежда, что филеры с агентами его где-нибудь зацепят. На квартиру он, конечно, не вернется, не дурак. Все известные нам красные, розовые и даже чуточку малиновые будут под негласным наблюдением. Гостиницы тоже. Я же иду спать. Если что, меня разбудят, а я дам знать вам. Только навряд ли… — он махнул рукой. — Завтра утром будем снова строить козни. А сегодня всё, je passe.[8]

Свечку в церкви Эраст Петрович ставить не стал, потому что суеверие, да и отдыхать почитал себя не вправе. Долг требовал отправляться к генерал-губернатору, у которого статский советник по разным неподвластным ему обстоятельствам не показывался уже четыре дня, и предоставить подробный отчет о состоянии розыска и расследования.

Однако являться в резиденцию его сиятельства вывалянным в снегу, с надорванным воротничком и в помятом цилиндре было немыслимо, так что пришлось заехать домой, но не более чем на полчаса. В четверть двенадцатого Фандорин,

---

[8] Примечания: 8
Я пас. *(фр.)*

в свежем сюртуке и безукоризненной сорочке с галстуком-дерби, уже входил в приемную его высокопревосходительства.

В просторной комнате кроме князева секретаря никого не было, и статский советник по всегдашнему обыкновению намеревался войти без доклада, но Иннокентий Андреевич, деликатнейше кашлянув, предупредил:

— Эраст Петрович, у его сиятельства посетительница.

Фандорин склонился над столом и написал на листке:

> Владимир Андреевич, готов доложить о сегодняшней операции и всех предшествовавших ей событиях.
>
> ***Э.Ф.***

— Прошу срочно п-передать, — сказал он очкастому чиновнику, и тот, с поклоном приняв записку, нырнул в дверь кабинета.

Фандорин встал перед самой дверью, уверенный, что будет немедленно впущен, однако секретарь, вынырнув обратно, ничего ему не сказал и уселся на свое место.

— Владимир Андреевич прочитал? — недовольно спросил статский советник.

— Этого я не знаю, однако же шепнул его сиятельству, что записка от вас.

Эраст Петрович кивнул, нетерпеливо прошелся по ковровой дорожке — раз, другой. Дверь оставалась закрытой.

— Да кто там у него? — не выдержал Фандорин.

— Какая-то дама. Молодая и очень красивая, — охотно отложил перо Иннокентий Андреевич, кажется, и сам заинтригованный. — Имени не знаю, вошла без доклада. Фрол Григорьевич провел.

— Так Ведищев тоже там?

Отвечать секретарю не понадобилось, потому что высокая белая дверь тихонько скрипнула, и в приемную вышел сам Ведищев.

— Фрол Григорьевич, у меня срочное дело к его сиятельству, чрезвычайной в-важности! — раздраженно произнес Фандорин, но князев камердинер повел себя загадочным образом: приложил палец к губам, потом тем же пальцем поманил Эраста Петровича за собой и, шустро переставляя полусогнутые ноги в войлочных полуваленках, заковылял по коридору.

Статский советник, пожав плечами, пошел за стариком, подумав: возможно, не так уж

несправедливы сетования петербуржцев, утверждающих, что московское начальство начинает от преклонных лет выживать из ума.

Ведищев открыл одну за другой пять дверей, несколько раз сворачивал то вправо, то влево и, наконец, вывел в узкий коридорчик, который, как было известно Фандорину, соединял кабинет генерал-губернатора с внутренними апартаментами.

Здесь Фрол Григорьевич остановился, снова приложил палец к губам и слегка толкнул низкую дверку. Та бесшумно приоткрылась, и обнаружилось, что в щель отлично видно всё, что происходит в кабинете.

Эраст Петрович увидел Долгорукого, сидевшего спиной, а перед ним, на удивительно близком расстоянии, какую-то даму или барышню. Собственно говоря, никакого расстояния не было вовсе — посетительница уткнулась лицом в грудь его сиятельства, из-за плеча с золотым эполетом виднелась лишь верхушка головы. Тишину нарушали только всхлипы, сопровождаемые жалобным пришмыгиванием.

Фандорин недоуменно оглянулся на камердинера, и тот вдруг выкинул очень странную штуку — подмигнул статскому советнику мор-

щинистым глазом. Вконец сбитый с толку, Эраст Петрович вновь заглянул в щель. Увидел, как князь поднимает руку и осторожно гладит плачущую по черным волосам.

— Ну-ну, голубушка, будет, — ласково сказал его высокопревосходительство. — Молодец, что пришла к старику, что душу облегчила. И что поплакала, правильно. А про него я тебе так скажу. Выкинь ты его из сердца. Не пара он тебе. И никому не пара. Ты девочка прямая, горячая, наполовинку жить не умеешь. А он — хоть и люблю я его — неживой какой-то, будто инеем прихваченный. Или пеплом присыпанный. Не отогреешь ты его, не оживишь. Уж многие пробовали. Послушай моего совета, не трать на него душу. Найди себе какого-нибудь молодого, простого, ясного. С такими больше счастья, уж поверь старому человеку.

Эраст Петрович слушал речь князя, и точеные брови недоверчиво сдвигались к переносице.

— Не хочу я ясного, — гундосым от слез, но вполне узнаваемым голосом провыла черноволосая посетительница. — Вы ничего не понимаете, он живее всех, кого я знаю. Только я боюсь, что он любить не умеет. И еще все время боюсь, что его убьют…

Дальше Фандорин подслушивать не стал.

— Зачем вы меня сюда привели? — яростно прошептал он Фролу Григорьевичу и быстро вышел из коридора.

Вернувшись в приемную, статский советник, до чернильных брызг налегая на перо, написал генерал-губернатору новую записку, существенно отличавшуюся от предыдущей и по тону, и по содержанию. Но передать ее секретарю не успел — белая дверь распахнулась и послышался голос Владимира Андреевича:

— Ну иди, иди с Богом. И про совет мой помни.

— Здравствуйте, Эсфирь Авессаломовна, — поклонился статский советник вышедшей в приемную красавице.

Та смерила его презрительным взглядом. Невозможно было даже вообразить, что эта надменная особа только что всхлипывала и сморкалась, как оставленная без мороженого приготовишка. Разве что глаза, еще не просохшие от слез, блестели ярче обычного. Не удостоив Эраста Петровича ответом, Царица Савская удалилась прочь.

— Эх, — вздохнул Владимир Андреевич, глядя ей вслед. — Где мои шестьдесят пять… Да вы входите, голубчик. Извините, что заставил ждать.

По молчаливому уговору о недавней посети-

тельнице говорить не стали, а сразу перешли к делу.

— Обстоятельства сложились таким образом, что я не имел возможности явиться к вашему сиятельству с д-докладом раньше, — начал Фандорин официальным тоном, но генерал-губернатор взял его за локоть, усадил в кресло напротив себя и уютно, добродушно сказал:

— Всё знаю. Фрол имеет доброжелателей и в Охранном, и в прочих местах. Донесения о ваших приключениях получал регулярно. И о сегодняшней баталии полностью осведомлен. Получил подробную реляцию от коллежского асессора Мыльникова, со всеми подробностями. Славный человек Евстратий Павлович. Очень хочет на освободившееся после Бурляева место. А что ж, можно перед министерством словечко замолвить. Я уж и депешку о сегодняшнем геройстве его величеству отбил — пораньше, чем ваш князек. Тут ведь главное, кто раньше доложит. Про вашу доблесть расписал в самых ярких красках.

— За это п-покорнейше благодарю, — в некоторой растерянности ответил Эраст Петрович, — однако же хвастать особенно нечем. Главный п-преступник скрылся.

— Один скрылся, а шестеро обезврежены. Это

большущая удача, голубчик. У полиции давненько такой не бывало. И победа одержана у нас в Москве, хоть и с привлечением помощи из столицы. Из моей депеши государь поймет, что шестеро террористов, которые перебиты, — наша, московская заслуга, а что седьмой ушел — так это Пожарский проворонил. Я депешки-то составлять умею. Почитай, полвека по чернильным морям плаваю. Ничего, милостив Господь. Может, и поймут там (морщинистый палец князя ткнул в потолок, адресуясь не то к государю, не то непосредственно к Господу), что рано еще Долгорукого на помойку выкидывать. Прокидаются! И про ваше застрявшее представление на обер-полицеймейстерство я в депеше тоже помянул. Посмотрим, чья возьмет…

Из генерал-губернаторского дворца Эраст Петрович вышел в задумчивости. Надевая перчатки, остановился у афишной тумбы, зачем-то прочел набранное огромными буквами объявление:

Чудо американской техники!

В Политехническом музее проводится демонстрация новейшего фонографа Эдисона. Г-н Репман, заведывающий отделом прикладной физики, лично проведет

опыт по записыванию звука, для чего исполнит арию из оперы «Жизнь за царя». Входная плата — 15 коп. Число билетов ограничено.

В спину статскому советнику ударил снежок. Эраст Петрович изумленно обернулся и увидел у тротуара легкие санки-двойку. На бархатном сиденье, откинувшись на гнутую спинку, сидела черноглазая барышня в собольей шубке.

— Садись, — сказала барышня. — Едем.

— Ябедничать начальству ходили, м-мадемуазель Литвинова? — со всей доступной ему ядовитостью осведомился Фандорин.

— Эраст, ты дурак, — коротко и решительно заявила она. — Молчи, а то опять поссоримся.

— А как же совет его сиятельства?

Эсфирь вздохнула.

— Совет хороший. Обязательно им воспользуюсь… Но не сейчас. Позже.

* * *

Перед входом в известный каждому москвичу большой дом на Тверском бульваре Фандорин остановился, одолеваемый противоречивыми чувствами. Итак, назначение, о котором так долго

говорилось и в реальность которого Эраст Петрович уже перестал верить, наконец свершилось.

Полчаса назад во флигель на Малой Никитской явился курьер и с поклоном сообщил вышедшему в халате статскому советнику, что его незамедлительно ожидают в обер-полицеймейстерстве. Это приглашение могло означать только одно: вчерашняя депеша генерал-губернатора на высочайшее имя возымела действие, причем быстрее, чем ожидалось.

Стараясь производить как меньше шума, Фандорин наскоро совершил утренний туалет, надел мундир с орденами, прицепил шпагу — событие требовало формальности — и, оглянувшись на прикрытую дверь спальни, на цыпочках вышел в прихожую.

В карьерном смысле производство на должность второго по значимости лица в древней столице империи означало взлет в почти заоблачные выси: непременное генеральство, огромную власть, завидное жалованье и, главное, верный путь к еще более головокружительным высотам в будущем. Однако путь этот был усыпан не только розами, но и терниями, к худшему из которых Фандорин относил полное прощание с приватностью. Обер-полицеймейстеру полага-

лось жить в казенной резиденции — парадной, неуютной и к тому же соединенной с канцелярией; участвовать во множестве обязательных официальных мероприятий, причем в качестве центральной фигуры (например, на крестопоклонной неделе намечалось торжественное открытие Общества попечительства народной трезвости под патронажем главного городского законоблюстителя); наконец, подавать московским обывателям пример нравственной жизни, что, с учетом нынешних личных обстоятельств Эраста Петровича представлялось делом трудно выполнимым.

Вот почему Фандорину требовалось собраться с духом, прежде чем переступить порог своего нового обиталища и своей новой жизни. Как обычно, утешение отыскалось в изречении Мудрейшего: «Благородный муж знает, в чем его долг, и не пытается от него уклониться».

Уклониться было невозможно, медлить глупо, и Эраст Петрович, вздохнув, пересек роковую черту, с которой начинался отсчет новой службы. Кивнул откозырявшему жандарму, окинул долгим взглядом знакомый нарядный вестибюль и скинул шубу на руки швейцару. С минуты на минуту должна была подъехать генерал-губер-

наторская карета. Владимир Андреевич введет своего питомца в служебный кабинет и торжественно вручит ему печать, медаль на цепи, символический ключ от города — атрибуты обер-полицеймейстерской власти.

— Как трогательно, что вы в мундире и при орденах! — раздался сзади веселый голос. — Значит, уже знаете? А я хотел вас удивить.

На широкой и короткой, в четыре мраморных ступени лестнице стоял Пожарский, одетый совсем не торжественно — в визитку и клетчатые брюки, но зато с широчайшей улыбкой на устах.

— Принимаю поздравления с благодарностью, — шутливо поклонился он. — Хотя, право, такая торжественность излишня. Прошу в кабинет. Я вам кое-что покажу.

Эраст Петрович не выдал себя ни единым жестом, но, случайно увидев в зеркале, как ослепительно сияют его ордена и золотое шитье на мундире, мучительно покраснел от постыдности своей ошибки. «Когда мир предстает совсем черным, благородный муж ищет в нем белое пятнышко», — пришел на помощь Мудрейший. Статский советник сделал усилие, и белое пятнышко тут же отыскалось: зато не придется председательствовать над народной трезвостью.

Ни слова не говоря, Эраст Петрович проследовал за Пожарским в обер-полицеймейстерский кабинет и остановился в дверях, не зная, куда сесть — диван и кресла были закрыты чехлами.

— Не успел еще обустроиться. Вот, давайте сюда, — Пожарский сдернул с дивана белое полотно. — Телеграмма о моем назначении получена на рассвете. Но это для вас не самое главное. А главное вот: присланный из Петербурга текст для газет. Предназначен для опубликования двадцать седьмого. Долгорукому же направлен именной указ. Читайте.

Эраст Петрович взял телеграфный бланк с грифом «совершенно секретно», заскользил взглядом по длинному столбцу, состоявшему из плотно наклеенных ленточек.

> Сегодня, в высокоторжественный день рождения Его Величества Государя императора, Москва была осчастливлена великою, небывалою Царскою милостью: Самодержавный Повелитель России поручил первопрестольную столицу Своей Империи непосредственному попечению Своего Августейшего Брата, Великого Князя Симеона Александровича, назначив

Его Высочество московским генерал-губернатором.

В этом назначении лежит глубокий исторический смысл. Москва вновь вступает в непосредственное общение с Августейшим Домом Русских Царей. Вековая духовная связь, соединяющая Верховного Вождя русского народа с древнею русскою столицей, принимает ныне тот внешний, осязаемый вид, который имеет такое глубокое значение для ясного сознания всего народа.

Ныне Государь Император признал за благо еще более возвысить значение Москвы как национального палладиума, назначив в ней Своим представителем никого иного, как Августейшего Брата Своего.

Москвичи никогда не забудут той легкой доступности, которою отличался князь Владимир Андреевич, той сердечной предупредительности, с которою он относился ко всем обращавшимся к его помощи лицам, о той энергии, с которою…

— Про легкую доступность уже прочли? — спросил Пожарский, которому, видно, не терпелось поскорей перейти к разговору. — Дальше можете не читать, там еще много, да всё пустое. Вот так, Эраст Петрович, вашему патрону конец. И теперь настало время нам с вами окончательно объясниться. Москва отныне меняется и такой, как при Володе Большое Гнездо, больше уже никогда не будет. Власть в городе устанавливается настоящая, крепкая, безо всякой «легкодоступности». Ваш шеф не понимал истинной природы власти, не отделял ее священную функцию от практической, и от этого ваш город застрял в патриархальности, никак не продвигаясь навстречу грядущему веку.

Князь говорил серьезно, убежденно, энергично. Пожалуй, именно таков он и был на самом деле, когда не лицедействовал и не хитрил.

— Священную власть в Москве будет представлять его высочество, мой покровитель, интересы которого я, собственно, здесь с самого начала и представлял. Теперь могу говорить об этом без утайки. Великий князь — человек мечтательного склада и особенных вкусов, о которых вы, вероятно, наслышаны.

Эраст Петрович вспомнил, что о Симеоне

Александровиче поговаривали, будто он любит окружать себя хорошенькими адъютантами, однако было неясно, это ли имеет в виду Пожарский.

— Это, впрочем, не столь важно. Существенно то, что его высочество ни в какие дела кроме парадно-представительских вмешиваться не будет, то есть не станет замутнять мистический ореол власти «доступностью и сердечностью». Практическая же, то есть истинная власть над миллионным городом достанется московскому обер-полицеймейстеру, каковым с сегодняшнего дня являюсь я. Знаю, что писать доносы и наушничать вы не станете, потому и почитаю возможным быть полностью откровенным.

Глеб Георгиевич взглянул на ордена собеседника и чуть поморщился.

— Я иногда увлекаюсь и, кажется, вас обидел. Вы должны меня простить. У нас с вами возник род глупого мальчишеского соперничества, и я не смог отказать себе в удовольствии подшутить над вами. Шутка получилась злой. Еще раз прошу извинения. Я знал о вчерашней депеше, в которой ваш патрон просил государя утвердить на должность обер-полицеймейстера вас. Долгоруковский секретарь, тишайший Инно-

кентий Андреевич, давно уже уловил, в какую сторону дует зефир, и сделался для нашей партии поистине незаменимым помощником. Но моя телеграмма легла на стол государю на полчаса раньше. Неужто вы подумали, что я после Брюсовского сквера и в самом деле спать пошел?

— Я об этом вовсе не д-думал, — сухо сказал Эраст Петрович, в первый раз нарушив молчание.

— Все-таки обижены, — констатировал Пожарский. — Ну виноват, виноват. Ах, да забудьте об этой шалости. Речь идет о вашем будущем. Я имел возможность оценить ваши незаурядные качества. Вы обладаете острым умом, решительностью, отвагой, а более всего я ценю в вас талант выходить из огня, даже не опалив крылышек. Я сам человек везучий и умею распознавать тех, кого опекает сама судьба. Давайте проверим, чья удача крепче, ваша или моя?

Он вдруг вынул из кармана маленькую колоду карт и показал ее статскому советнику.

— Угадайте, какая карта сверху, черная или красная.

— Хорошо, только положите к-колоду на стол, — пожал плечами Эраст Петрович. — Доверчивость в этой игре однажды чуть не стоила мне жизни.

Князь ничуть не оскорбился, а наоборот, одобрительно рассмеялся.

— Правильно. Фортуна фортуной, но нельзя загонять ее в угол. Итак?

— Черная, — не задумываясь, объявил Фандорин. Пожарский подумал и сказал:

— Согласен.

Верхняя карта оказалась семеркой пик.

— Следующая т-тоже черная.

— Согласен.

Вышел валет треф.

— Опять черная, — терпеливо, словно играя с ребенком в скучную детскую игру, сказал Эраст Петрович.

— Маловероятно, чтоб три раза подряд… Нет, пожалуй, красная, — решил князь и открыл трефовую даму.

— Так я и подозревал, — вздохнул Глеб Георгиевич. — Вы истинный баловень судьбы. Мне было бы жаль лишиться такого союзника. Знаете, я ведь поначалу счел вас субъектом хоть и полезным, но опасным. А теперь я вас больше за опасного не держу. При всех блестящих качествах у вас есть огромный недостаток. Вы начисто лишены гибкости, не умеете менять цвет и форму применительно к обстоятельствам,

не способны сворачивать с намеченного пути на кружную тропинку. А стало быть, не подсидите и не воткнете нож в спину. Это искусство вы, конечно, уже не постигнете никогда, что меня вполне устраивает. Что же до гибкости, то тут я мог бы многому вас научить. Я предлагаю вам союз. Вместе мы сможем своротить горы. Речь пока не идет о какой-то определенной должности для вас, об этом мы еще договоримся. Мне нужно пока ваше принципиальное согласие.

Статский советник молчал, и Пожарский обезоруживающе улыбнулся:

— Хорошо, не будем спешить. Давайте пока просто сойдемся поближе. Я поучу вас гибкости, а вы меня — умению угадывать масть. Идет?

Фандорин немного подумал и кивнул.

— Отлично. Предлагаю перейти на «ты», а вечером скрепим и брудершафтом, — просиял князь. — Так что? «Ты» и «Эраст»?

— «Ты» и «Глеб», — согласился Эраст Петрович.

— Друзья зовут меня «Глебчик», — улыбнулся новоиспеченный обер-полицеймейстер и протянул руку. — Что ж, Эраст, до вечера. Мне скоро уезжать по важному делу.

Фандорин поднялся и руку пожал, но уходить не спешил.

— А как же поиски Грина? Разве мы не будем ничего п-предпринимать? Кажется, ты, Глеб, — не без усилия выговорил статский советник непривычное обращение, — говорил, что мы будем «строить козни»?

— Об этом не беспокойся, — ответил Пожарский с улыбкой Василисы Премудрой, говорящей Ивану Царевичу, что утро вечера мудренее. — Встреча, на которую я спешу, поможет окончательно закрыть дело о БГ.

Сраженный этим последним ударом, Фандорин ничего больше не сказал, а лишь уныло кивнул на прощанье и вышел вон.

По лестнице он спустился все той же понурой походкой, медленно пересек вестибюль, накинул на плечи шубу и вышел на бульвар, меланхолично помахивая цилиндром.

Однако стоило Эрасту Петровичу чуть удалиться от желтого здания с белыми колоннами, как в его поведении произошла разительная перемена. Он вдруг выбежал на проезжую часть и махнул рукой, останавливая первого же извозчика.

— Куда прикажете, ваше превосходительство? — молодцевато выкрикнул сивобородый владимирец, углядев под распахнутой шубой сверкающий орденский крест. — Доставим в

наилучшем виде!

Важный барин садиться не стал, а зачем-то оглядел лошадку — крепкую, ладную, мохнатую и ударил носком сапога по ободу саней.

— И почем нынче такая упряжка?

«Ванька» не удивился, потому что работал по московскому извозу не первый год и всяких чудаков насмотрелся. Они, кстати, и на чай давали щедрее, чудаки-то.

— Почитай, сот в пять целковых, — похвастал он, конечно, малость приврав для солидности.

И тут барин в самом деле учудил. Достал из кармана золотые часы на золотой же цепке.

— Этому алмазному брегету цена самое малое — т-тысяча рублей. Забирай, а сани с лошадью мне.

Извозчик захлопал глазами и разинул рот, как околдованный глядя на яркие искорки, что заплясали по золоту под солнцем.

— Да соображай живей, — прикрикнул сумасшедший генерал, — а то д-другого остановлю.

«Ванька» схватил брегет, сунул за щеку, да цепь не поместилась — повисла поверх бороды. Вылез из саней, кнут кинул, рыжуху на прощанье по крупу хлопнул и давай Бог ноги.

— Стой! — крикнул ему вслед чудной барин,

видно, одумавшись. — Вернись!

Обреченно извозчик поплелся назад к саням, но добычу из-за щеки пока еще не вынимал, надеялся.

— М-м-ма-м, мымым, мамымы муммы мумы, ма-момокумы, — промычал он с укоризной, что означало: «Грех вам, барин, такие шутки шутить, на водочку бы полагается».

— Д-давай еще меняться, — предложил малахольный. — Твою доху и рукавицы на мою шубу. И шапку тоже снимай.

Натянул бараний тулуп, нацепил овчинный треух, а «ваньке» бросил бобра с суконным верхом и нахлобучил замшевый цилиндр. Да как гаркнет:

— Всё, чтоб д-духу твоего здесь не было!

Ванька подобрал полы длинноватой ему шубы и припустил через бульвар, топоча латаными валенками, только цепь золотой ниткой болталась возле уха.

Фандорин же уселся в сани, почмокал лошади, чтоб не нервничала и стал ждать.

Минут через пять из двора обер-полицеймейстерского дома к подъезду подали крытый возок. Появился Пожарский с букетом чайных роз, нырнул в карету, и она тут же тронулась. Следом

отъехали сани, в которых сидели двое господ — тех самых, Эрасту Петровичу уже знакомых.

Немножко выждав, статский советник залихватски свистнул, гикнул:

— Н-но, ленивая! Вали!

И рыжуха тряхнула расчесанной гривой, звякнула бубенчиком, пошла в разбег.

* * *

Ехали, оказывается, к Николаевскому вокзалу.

Там Пожарский из кареты выскочил, букет расправил и легко, через ступеньку, взбежал по вокзальной лестнице. «Ангелы-хранители» последовали за ним, держа обычную дистанцию.

Тогда мнимый извозчик вылез из саней. Как бы прогуливаясь, приблизился к возку, уронил рукавицу и нагнулся. Распрямился не сразу. Исподтишка поглядел вокруг и вдруг сильнейшим, но из-за молниеносности почти незаметным ударом кулака переломил крепление рессоры. Карета вздрогнула, чуть покосилась. Кучер обеспокоенно свесился с козел, но ничего подозрительного не увидел, потому что Фандорин уже распрямился и смотрел в другую сторону.

Потом, пока сидел в санях, несколько раз отказался от ездоков с питерского поезда, причем

одно предложение было исключительно выгодным: до Сокольников за руль с четвертаком.

Пожарский вернулся не один, а с весьма миловидной молодой дамой. Она прятала лицо в розы и смеялась счастливым смехом. И князь был не таким, как обычно, — его лицо светилось беззаботностью и весельем.

Красотка обняла его свободной рукой за плечи и поцеловала в губы, да так страстно, что у Глеба Георгиевича съехала на бок кунья шапка.

Фандорин поневоле качнул головой, удивляясь неожиданностям человеческой натуры. Кто бы мог подумать, что хищноядный петербуржский честолюбец способен на столь романтическое поведение. Однако при чем здесь БГ?

Стоило князю подсадить свою спутницу в возок, как тот самым решительным образом просел вправо, и сделалось ясно, что ехать в нем нет никакой возможности.

Тогда Эраст Петрович натянул шапку пониже на глаза, поднял воротник и, лихо щелкнув кнутом, подкатил прямо к месту происшествия.

— А вот саночки легкия владимирския! — заорал статский советник фальцетом, не имевшим ничего общего с обыкновенным его голосом. — Садись, ваше благородие, отвезу тебя с мамзелью

куда пожелаешь, и возьму недорого: рупчик, да еще полрупчика и четверть рупчика на чай-сахарок!

Пожарский мельком глянул на удальца, потом на скособоченный возок и сказал:

— Отвезешь барышню на Лубянскую площадь. А я, — обратился он уже к приезжей, — сяду к своим абрекам и на Тверской. Жду известий.

Усаживаясь в сани и накрывая колени медвежьей полостью, красавица сказала по-французски:

— Только умоляю, милый, никаких полицейских штучек, никакой слежки. Он обязательно почует.

— Ты меня обижаешь, Жюли, — ответил Пожарский на том же языке. — Я ведь, кажется, никогда тебя не подводил.

Эраст Петрович дернул вожжи и погнал лошадку по Каланчевке в сторону Садово-Спасской.

Барышня, судя по всему, пребывала в хорошем расположении духа: сначала мурлыкала какую-то песенку без слов, потом тихонько запела про красный сарафан. Голосок у нее был славный, мелодичный.

— Лубянка, сударыня, — объявил Фандорин. — Дальше куда?

Она повертела головой туда-сюда, досадливо пробормотала: «Как он несносен с этой своей конспирацией», — и повелела:

— Ты вот что, покатай-ка меня кругами.

Статский советник хмыкнул и поехал по обводу площади, вокруг заледеневшего фонтана и извозчичьей биржи.

На четвертом круге с тротуара соскочил какой-то человек в черном пальто и легко запрыгнул в сани.

— Я те ща прыгну, разбойник! — заорал «ванька», замахиваясь на шаромыжника кнутом.

А пассажир оказался не простой, особенный: господин Грин, собственной персоной. Только усы светлые приклеил и очки надел.

— Это мой друг, — объяснила красивая барышня. — Его я и поджидала. Куда едем, Гринчик?

Новый седок велел:

— Поезжай через Театральный. Дальше скажу.

— Что стряслось? — спросила певунья. — Что значит «срочное дело»? Я все бросила, предстала перед тобой, как лист перед травой. А может, ты просто соскучился? — в ее голосе прозвучало лукавство.

— Приедем, потом, — сказал особенный пассажир, явно не расположенный к беседе.

Поэтому дальше ехали молча.

Седоки вылезли на Пречистенке, возле усадьбы графов Добринских, но в ворота не пошли, поднялись на крыльцо пристроенного к дворцу флигеля.

Эраст Петрович, вылезший подтянуть подпругу, видел, как дверь открыла молодая женщина с бледным строгим лицом и гладкими, стянутыми в пучок волосами.

Всё, что предпринял статский советник далее, было проделано стремительно и без малейших колебаний, будто он действовал не по наитию, а исполнял ясный, тщательно разработанный план.

Отъехав на полсотни шагов, Фандорин привязал поводья к тумбе, сбросил доху и шапку в сани, сунул шпажонку под сиденье, а сам вернулся обратно к решетке. Выждав, пока улица, и без того немноголюдная, совсем опустеет, он ловко вскарабкался по решетке и спрыгнул наземь с внутренней стороны.

Быстро перебежал через двор к флигелю и оказался аккурат под окном с открытой форточкой. Эраст Петрович постоял без движения, прислушиваясь. Потом без видимого усилия вскарабкался на подоконник и, сжавшись, пролез в маленькое

прямоугольное отверстие, что, несомненно потребовало виртуозной гуттаперчевости.

Труднее всего было спуститься на пол, не произведя никакого шума, однако чиновнику удалось и это. Он увидел, что находится на кухне, маленькой, но опрятной и славно натопленной. Тут опять понадобилось прислушиваться, потому что из глубины флигеля доносились голоса. Определив направление звука, Эраст Петрович достал из поясной кобуры свой «герсталь-баярд» и бесшумно двинулся по коридору.

* * *

Опять, во второй раз за день, Эраст Петрович подсматривал и подслушивал через приоткрытую дверь, но теперь ни смущения, ни угрызений совести не испытывал — только охотничий азарт и трепет радостного предвкушения. Не все сердечному другу Глебу масленица, и поучиться у Фандорина он может не только тому, как карту угадывать.

В комнате были трое. Давешняя женщина с гладкими волосами сидела у стола, вполоборота к двери, и производила странные манипуляции: зачерпывала маленькой ложечкой из банки серую студенистую массу и очень осторожно,

по несколько капель перекладывала в узкую жестянку вроде тех, в которых продают оливковую эссенцию или помидорную пасту. Рядом стояли и другие жестянки, как узкие, так и обыкновенные, полуфунтовые. Делает метательные снаряды, догадался статский советник, и его радость несколько померкла. «Герсталь» пришлось убрать. Вряд ли получится произвести арест — достаточно женщине дернуться от испуга или неожиданности, и от флигеля останутся одни обломки. В разговоре бомбистка не участвовала, беседу вели двое остальных.

— Ты просто сумасшедший, — потерянно произнесла приезжая. — У тебя от подпольной работы сделалась самая настоящая мания преследования. Раньше ты таким не был. Если уж ты и меня подозреваешь…

Сказано это было таким убедительным, искренним тоном, что, если бы Эраст Петрович собственными глазами не видел барышню в обществе Пожарского, то непременно ей бы поверил. Брюнет с неподвижным, чеканным лицом при встрече на вокзале не присутствовал, и все же в его голосе звучала непоколебимая уверенность.

— Не подозреваю. Знаю. Записки подбрасывали

вы. Не знал только, заблуждение или провокация. Теперь вижу — провокация. Вопроса два. Первый: кто? Второй… — главарь террористов запнулся. — Почему, Жюли? Почему?.. Ладно. На второй можете не отвечать. Но первый непременно. Иначе убью. Сейчас. Если скажете, тогда не убью. Партийный суд.

Было ясно, что это не пустая угроза. Эраст Петрович приоткрыл дверь чуть шире и увидел, что «сотрудница» Пожарского с ужасом смотрит на кинжал, зажатый в руке боевика.

— Ты можешь меня убить? — голос агентки жалобно дрогнул. — После того, что между нами было? Неужто ты забыл?

Та, что изготавливала снаряды, звякнула чем-то стеклянным, и Эраст Петрович, мельком повернувшийся на звук, увидел, что она закусила губу и побледнела.

Грин же, наоборот, покраснел, но металла в его голосе не убавилось.

— Кто? — повторил он. — Только правду… Нет? Тогда…

Он крепко взял красотку левой рукой за шею, правую же отвел для замаха.

— Пожарский, — быстро сказала она. — Пожарский, вице-директор Департамента полиции, а

теперь московский обер-полицеймейстер. Не убивай меня, Грин. Ты обещал!

Суровый человек, кажется, был потрясен ее признанием, но кинжал спрятал.

— Зачем ему? — спросил он. — Не понимаю. Вчера понятно, но раньше?

— Об этом меня не спрашивай, — пожала плечами Жюли.

Поняв, что немедленная смерть ей не грозит, она что-то очень уж быстро успокоилась и даже стала поправлять прическу.

— Я вашими играми в казаки-разбойники не интересуюсь. Вам, мальчишкам, только бегать друг за другом, из пугачей палить и бомбы бросать. Нам бы, женщинам, ваши заботы.

— А в чем ваша забота? — Грин смотрел на нее тяжелым, недоумевающим взглядом. — Что в вашей жизни главное?

Тут уж удивилась она:

— Как что? Любовь, конечно. Важнее этого ничего нет. Вы, мужчины, уроды, потому что этого не понимаете.

— Из-за любви? — медленно выговорил самый опасный российский террорист. — Снегирь, Емеля, остальные? Из-за любви?

Жюли наморщила носик:

— А из-за чего же еще? Мой Глеб тоже урод, такой же, как ты, хоть играет не за разбойников, а за казаков. Что просил, то я и делала. Мы, женщины, если любим, то всем сердцем, и тогда уж ни на что не оглядываемся. Пускай хоть весь мир летит к черту.

— Сейчас проверю, — сказал вдруг Грин и снова вынул кинжал.

— Ты что?! — взвизгнула «сотрудница», отскакивая. — Я же призналась! Что еще проверять?

— Кого вы больше любите, его или себя.

Террорист шагнул к ней, а она попятилась к стене и вскинула руки.

— Сейчас вы протелефонируете своему покровителю и вызовете его сюда. Одного. Да или нет?

— Нет! — крикнула Жюли, скользя вдоль стены. — Ни за что!

Она достигла угла и вжалась в него спиной. Грин молча приблизился, держа кинжал наготове.

— Да, — произнесла она слабым голосом. — Да, да. Хорошо… Только убери это.

Обернувшись к сидящей женщине, которая все так же размеренно делала свою опасную работу, Грин приказал:

— Игла, справься, каков номер обер-полицей-

мейстерства.

Носительница странного прозвища — та самая связная, о которой рассказывал Рахмет-Гвидон, — отложила незаконченную бомбу и встала.

Эраст Петрович воспрял духом и приготовился действовать. Пусть Игла отойдет от смертоносного стола хотя бы на десять шагов. Тогда толкнуть дверь; в три, нет, в четыре прыжка преодолеть расстояние до Грина; оглушить его ударом ноги в затылок, а если успеет обернуться, то в подбородок; развернуться к Игле и отрезать ее от стола. Непросто, но выполнимо.

— Сорок четыре двадцать два, — всхлипнув, сказала Жюли. — Легкий номер, я запомнила.

Увы, Игла так и осталась возле своих бомб.

Телефонного аппарата Фандорину было не видно, но, очевидно, он находился здесь же, в комнате, потому что Грин, снова убрав кинжал, показал рукой куда-то в сторону:

— Вызывайте. Скажите, очень срочно. Выдадите — убью.

— «Убью, убью», — усмехнулась Жюли. — Какой ты, Гринчик, скучный. Хоть бы вышел из себя, закричал, ногами затопал.

Какие быстрые переходы от страха и отчаянности к нахальству, подумал статский советник.

Редкостная особа.

И оказалось, что он еще недооценил ее дерзость.

— Значит, меня ты называешь на «вы», а ее на «ты»? — кивнула она на Иглу. — Так-так. Занятная у вас парочка. Посмотреть бы, как вы милуетесь. То-то, наверно, железка о железку лязгает. Любовь двух броненосцев.

Осведомленный о распущенности нравов, характерной для нигилистической среды, статский советник этому сообщению нисколько не удивился, но Игла вдруг пришла в необычайное возбуждение — хорошо хоть стояла, а не сидела над бомбами.

— Что вы знаете про любовь! — крикнула она звенящим голосом. — Один миг нашей любви стоит больше, чем все ваши амурные похождения вместе взятые!

Красотке, кажется, было что на это ответить, но Грин решительно взял ее за плечо и подтолкнул к невидимому аппарату.

— Ну!

Далее Жюли скрылась из поля зрения Фандорина, однако ее голос был отлично слышен.

— Центральная? Барышня, сорок четыре двадцать два, — сказал голос безо всякого выра-

жения, а секунду спустя заговорил по-другому: напористо, властно. — Кто? Дежурный адъютант Келлер? Вот что, Келлер, мне немедленно нужен Глеб Георгиевич. Очень срочно… Жюли, этого довольно. Он поймет… Ах, так?.. Да, непременно.

Звяканье трубки о рычаг.

— Еще не прибыл. Адъютант сказал, что ожидается не позднее, чем через четверть часа. Что делать?

— Через четверть часа позвоните еще, — сказал Грин.

Эраст Петрович беззвучно попятился от двери, потом обернулся и быстро покинул дом — тем же путем, каким вошел.

Рыжая стояла на том же месте, только доху с треухом кто-то успел прибрать — знать, плохо лежали.

Интересную картину могла наблюдать воскресная публика, гуляющая по Пречистенскому бульвару: мчались мимо извозчичьи сани, а в них стоял солидный господин, в мундире и при орденах, по-разбойничьи свистел и настегивал кнутом неказистую мохнатую лошадку.

Еле успел. Столкнулся с Пожарским в дверях обер-полицеймейстерства. Князь был возбужден и явно спешил, нежданной встрече не обрадовал-

ся. Бросил на ходу:

— После, Эраст, после. Ключевой момент настает!

Однако статский советник ухватил высокое начальство железными пальцами за рукав и подтянул к себе.

— Для вас, господин Пожарский, ключевой момент уже настал. Пойдемте-ка в кабинет.

Поведение и тон произвели должное впечатление. Глеб Георгиевич взглянул на Фандорина с любопытством.

— Как, мы снова на «вы»? Эраст, судя по блеску в глазах, ты узнал что-то очень интересное. Хорошо, пойдем. Но не долее пяти минут. У меня неотложное дело.

Князь всем своим видом давал понять, что времени на долгие объяснения у него нет, сам не сел и Фандорину не предложил, хотя мебель в кабинете уже расчехлили. Эраст Петрович, впрочем, садиться и не собирался, ибо был настроен воинственно.

— Вы — провокатор, двойной агент, государственный преступник, — сказал он в холодном бешенстве, проскочив и «п», и «д», и «г» без единой запинки. — Это не Диана, а вы сообщались с террористами из Боевой Группы посредством

писем. Вы погубили Храпова, вы сообщили боевикам про Петросовские бани, и про сугроб нарочно сказали неправильно, хотели от меня избавиться. Вы предатель! Предъявить доказательства?

Глеб Георгиевич смотрел на статского советника все с тем же выражением любопытства, с ответом не торопился.

— Пожалуй, не нужно, — ответил он, подумав. — Верю, что доказательства у тебя есть, а времени на препирательства я не имею. Мне, конечно, очень интересно, как ты докопался, но это ты мне расскажешь как-нибудь после. Так и быть, продлеваю продолжительность нашей беседы с пяти минут до десяти, но больше не смогу. Так что переходи сразу к делу. Ладно, я провокатор, двойной агент и предатель. Я устроил убийство Храпова и целый ряд других замечательных штук вплоть до пары покушений на самого себя. Что дальше? Чего ты хочешь?

Эраст Петрович опешил, так как готовился к долгим и упорным запирательствам. И от этого вопрос, который он собирался задать в самую последнюю очередь, прозвучал жалковато, да еще и с заиканием:

— Но з-зачем? З-зачем вам понадобилась вся эта интрига?

Пожарский заговорил жестко, уверенно:

— Я — человек, который может спасти Россию. Потому что я умен, смел и лишен сантиментов. Мои враги многочисленны и сильны: с одной стороны, фанатики бунта, с другой — тупые и косные боровы в генеральских мундирах. Долгое время у меня не было ни связей, ни протекций. Я бы все равно выбился наверх, но слишком поздно, а время уходит, его у России осталось совсем мало. Вот почему я должен торопиться. БГ — мое приемное дитя. Я выпестовал эту организацию, обеспечил ей имя и репутацию. Она дала мне уже всё, что могла, теперь пришло время поставить в этой истории точку. Сегодня я уничтожу Грина. Слава, которую я создал этому несгибаемому господину, поможет мне подняться еще на несколько ступеней, приблизит меня к конечной цели. Вот суть, коротко и без украшательств. Довольно?

— И все это вы делали ради спасения России? — спросил Фандорин, но его сарказм на собеседника не подействовал.

— Да. И, разумеется, ради самого себя. Я себя от России не отделяю. В конце концов, Россия создана тысячу лет назад одним из моих предков, а другой триста лет назад помог ей возродиться, — Пожарский сунул руки в карманы пальто,

покачался на каблуках. — И не думай, Эраст, что я боюсь твоих разоблачений. Что ты можешь сделать? В Петербурге у тебя никого нет. Твой московский покровитель низвергнут. Никто тебе не поверит, никто тебя не услышит. Кроме косвенных улик и предположений ты ничем располагать не можешь. Обратишься в газеты? Не напечатают. У нас, слава Богу, не Европа. Знаешь, — доверительно понизил голос Глеб Георгиевич, — у меня в кармане револьвер, и нацелен он тебе в живот. Я мог бы застрелить тебя. Прямо сейчас, в этом кабинете. Объявил бы, что ты агент террористов, что ты связан с ними через твою евреечку и пытался меня убить. При нынешнем положении дел мне это легко сойдет с рук, еще и награду получу. Но я противник излишеств. Тебя незачем убивать, потому что ты мне действительно не опасен. Выбирай, Эраст: или играешь со мной, по моим правилам, или выставляешь себя дураком. Впрочем, есть и третий путь, который, возможно, подходит тебе более всего. Промолчи и тихо уйди в отставку. По крайней мере сохранишь достоинство, которое тебе так дорого. Так что ты выбираешь? Играешь, дуришь или молчишь?

Статский советник сделался бледен, брови за-

двигались вверх и вниз, задергался тонкий ус. Князь не без насмешки наблюдал за этой внутренней борьбой, спокойно ожидая ее исхода.

— Ну?

— Хорошо, — тихо молвил Эраст Петрович. — Раз ты этого хочешь, я п-промолчу…

— Вот и прелестно, — улыбнулся триумфатор, взглянув на часы. — Десять минут не понадобилось, хватило и пяти. А насчет игры подумай. Не зарывай таланта в землю, не уподобляйся ленивому и лукавому рабу, о котором пишет Святой Матфей.

С этими словами обер-полицеймейстер направился к двери.

Фандорин дернулся, открыл было рот остановить его, но вместо окрика с его уст сорвались тихие, едва слышные слова:

— «Злом зло искореняя…»

Глава шестнадцатая
Вспышка

Сразу же после казни Пожарского нужно будет уходить. Грин уже решил, как — извозчиком до Богородского, там достать лыжи и через Лосиноостровский лес, в обход застав, до Ярославского тракта. Только бы выбраться из Москвы, дальше всё просто.

Жалко было труда. Бомбы снова придется оставить: склянка с гремучим студнем была еще наполовину полной, банки стояли, снаряженные взрывателями и заправленные шрапнелью, но еще не закрытые. Да и лишняя тяжесть.

В саквояже лежало только самое необходимое: фальшивые документы, белье, запасной револьвер.

Игла смотрела в окно на заколоченный дворец. Через несколько минут ей предстояло покинуть дом, в котором она выросла. Вероятнее всего, покинуть навсегда.

Перед тем, как повторно протелефонировать в обер-полицеймейстерство, Жюли спросила, заглянув в глаза:

— Грин, ты обещаешь, что не убьешь меня?

— Если приедет.

Она перекрестилась и вызвала станцию.

— Алло, Центральная? Сорок четыре двадцать два.

На сей раз Пожарский оказался на месте.

— Глеб, — сказала ему Жюли прерывающимся от волнения голосом. — Миленький, скорей сюда, скорей! У меня одна секундочка, объяснять некогда! Пречистенка, усадьба Добринских, флигель с мезонином, увидишь. Только один приезжай, непременно один. Я открою. Тут такое, ты себе не представляешь! Будешь ручки целовать. Всё-всё-всё, больше не могу!

— Приедет, — уверенно сообщила она, разъединившись. — Примчится немедленно. Я его знаю, — взяла Грина за руку, умоляюще произнесла: — Гринчик, ты дал слово. Что вы со мной сделаете?

— Слово есть слово, — он с отвращением высвободился. — Ты увидишь, как он умрет. Потом отпущу. Пусть партия решает. Приговор известен. Объявят вне закона. Каждый, кто увидит, обязан уничтожить, как гадину. Беги на край света, забейся в щель.

— Ничего, — легкомысленно пожала плечами

Жюли. — Мужчины везде есть. Не пропаду. Всегда мечтала увидеть Новый Свет.

Она сделалась совершенно спокойна и, переведя взгляд с Грина на Иглу, сожалеюще вздохнула:

— Ах, бедные вы бедные. Бросьте вы к черту эти глупости. Ведь она тебя любит, я вижу. И ты ее. Жили бы себе, радовались этакому счастью. Хватит людей-то убивать. Ничего хорошего на этом все равно не построишь.

Грин промолчал, потому что думал о предстоящей акции и потому что дискутировать было незачем. Но Игла, разглядывавшая двойную предательницу с брезгливым недоумением, не выдержала:

— Только о любви ничего больше не говорите. А то ведь я вам честного слова не давала. Могу застрелить.

Жюли нисколько не испугалась, тем более что руки Иглы были пусты.

— Презираете меня за то, что я из-за Глебушки умирать не захотела? Напрасно. Я свою любовь не предавала — я сердца послушалась. Если б оно сказало мне «умри», я бы умерла. А оно сказало: проживешь и без Глеба. Перед другими я притворяться умею, перед собой — нет.

— Ваше сердце ничего другого сказать не могло, — ненавидяще заговорила Игла, а дальше Грин слушать не стал.

Вышел в коридор и встал у окна кухни, чтобы наблюдать за улицей. Пожарский должен был появиться с минуты на минуту. Справедливость свершится, товарищи будут отомщены. Снегирь, Емеля, Бобер, Марат, Нобель, Шварц. И еще Гвоздь.

Взгляд вдруг заметил странность — отпечаток подошвы на подоконнике, прямо под открытой форточкой. В этом знаке содержался какой-то тревожный смысл, но задуматься о нем Грин не успел — звякнул дверной колокольчик.

Открывать пошла Жюли, Грин стоял за дверью с «кольтом» наготове.

— Только попробуйте, — шепнул он.

— Ах, перестань, — отмахнулась она, отодвинула засов и сказала кому-то невидимому. — Глебчик, входи, я одна.

В прихожую вошел человек в темно-сером пальто и куньей шапке. Грина вошедший не заметил и оказался к нему спиной. Жюли быстро поцеловала Пожарского в ухо и щеку, поверх его плеча подмигнула Грину.

— Пойдем, что покажу.

Она взяла обер-полицеймейстера за руку и потянула за собой в комнату. Грин неслышно ступал сзади.

— Кто это? — спросил Пожарский, увидев Иглу. — Минутку, не представляйтесь, я сам… А, догадался! Какой приятный сюрприз. Что это значит, Жюли? Ты сумела склонить мадемуазель Иглу на сторону правопорядка? Умница. Однако где же кумир моего сердца, доблестный рыцарь революции господин Грин?

Тут-то Грин и ткнул ему дуло между лопаток.

— Я здесь. Руки на виду. До стены и медленно лицом.

Пожарский развел руки в стороны, держа их на высоте плеч, сделал десять шагов вперед и развернулся. Лицо его было напряжено, брови сдвинуты.

— Ловушка, — сказал он. — Сам виноват. Я думал, Жюли, что ты меня любишь. Ошибся. Что ж, и на старуху бывает проруха.

— Что такое «ТГ»? — спросил Грин, держа палец на спуске.

Обер-полицеймейстер негромко рассмеялся.

— Вот оно что. А я-то думаю, что это господин Грин мне сразу пулю в затылок не всадил. Все-таки кое-что человеческое нам не чуждо?

Любопытствуем? Ладно уж, по старому знакомству отвечу на все ваши вопросы. Заодно пару лишних минут воздухом подышу. Рад лично познакомиться с давним адресатом. Вы точно такой, каким я вас представлял. Да вы спрашивайте о чем хотите, не стесняйтесь.

— «ТГ», — повторил Грин.

— Ерунда, шутка. Означает «третий радующийся», по-латыни «терциус гауденс». Смысл шутки, я надеюсь, понятен? Полиция истребляет вас, вы истребляете тех, кто мне мешает, а я смотрю на ваши забавы и радуюсь. По-моему, остроумно.

— Как «мешает»? Почему? Губернатор Богданов, генерал Селиванов, предатель Стасов…

— Не трудитесь, я всех отлично помню, — перебил Пожарский. — Богданов? Это не столько деловое, сколько личное. Нужно было сделать любезность вице-директору Департамента, моему предшественнику на этой должности. Он находился в давней связи с женой екатериноградского губернатора и мечтал, чтобы она овдовела. Мечты были совершенно платонического свойства, но однажды ко мне в руки попало письмишко его превосходительства, в котором он неосмотрительно писал своей пассии: «Поскорей бы до твоего благоверного до-

брались террористы. С удовольствием им помог бы». Грех было не воспользоваться. После того как вы столь героически застрелили Богданова, я провел с влюбленным мечтателем конфиденциальную беседу, и место вице-директора освободилось. Генерал-лейтенант Селиванов? О, это совсем другое. Острейшего ума был человек. Добивался того же, чего и я, но опередил меня на несколько ступеней. Он заслонял мне солнце, а это рискованно. За Селиванова вам огромная благодарность. Когда вы отправили его в царство Аида, самым многообещающим защитником престола стал ваш покорный слуга. Далее, кажется, покушение на Аптекарском острове на меня и «сотрудника» Стасова? Тут задача была двойная: во-первых, поднять свое служебное реноме. Раз сама БГ устраивает на меня охоту, значит, отдает должное моим деловым качествам. А во-вторых, Стасов исчерпал свою полезность и просил отпустить его на волю. Отпустить, конечно, можно было, но я решил, что будет больше проку, если он умрет. Опять же престиж нашей с вами Боевой Группы поднимется.

Лицо Грина исказилось, словно от сдерживаемой боли, и Пожарский довольно засмеялся.

— Теперь главное ваше свершение, убийство

Храпова. Признайте, что я подал вам прекрасную идейку, отнюдь ее не навязывая. Я же, в свою очередь, признаю, что вы блестяще справились с делом. Безжалостно казнили жестокого сатрапа, худшее злодеяние которого состояло в том, что он меня на дух не переносил и всеми силами препятствовал моей карьере… Здесь, в Москве, вы доставили мне немало хлопот, но в конечном итоге все устроилось наилучшим образом. Даже ваш фокус с экспроприацией оказался кстати. Благодаря нашей с вами ветреной подружке Жюли я узнал, кто новый партийный казначей и в самом скором времени собирался отобрать казенные денежки обратно. Особенно эффектно было бы сделать это, находясь на должности московского обер-полицеймейстера. Мол, хоть я и не в столице, но высоко сижу и далеко гляжу. Жаль. Видно, не судьба, — фаталистски вздохнул Пожарский. — По крайней мере, оцените изящество замысла… Что там было еще? Полковник Сверчинский? Подлец, гнусный трюкач. Вы помогли мне с ним расквитаться за одну мерзкую шутку. Бурляев? Здесь уж я вам помог, как и в деле с Рахметом. Не хватало еще, чтобы БГ, мое любимое детище, была обезврежена начальником московской Охранки. Так нечестно. Кто зерныш-

ко посадил, тот должен и урожай собирать. Что прикончили Бурляева — молодец. Его ведомство оказалось в полном моем подчинении. Только вот с Фандориным вы дали маху, а он преназойливо путался у меня под ногами. Но за Фандорина я вас не виню, это особый случай… Ну вот, а потом пришло время завершать нашу с вами эпопею. Увы, всё хорошее когда-нибудь заканчивается. Я продумал операцию до мелочей, да вмешалась случайность. Обидно. Я только-только начал разгоняться, еще немного, и остановить меня было бы невозможно… Судьба.

Жюли всхлипнула.

— Ничего, — улыбнулся ей обер-полицеймейстер. — На тебя-то я зла не держу, только на судьбу. С тобой мне было хорошо и весело, а что предала, так, видно, деваться было некуда.

Удивительно, но по лицу Жюли текли слезы. Никогда еще Грин не видел эту жизнерадостную, легкомысленную женщину плачущей. Однако дальнейший разговор был лишен смысла. Всё и так выяснилось. Даже во время еврейского погрома Грин не чувствовал себя таким несчастным, как в эти минуты, перечеркнувшие весь смысл трудной, изобиловавшей жертвами борьбы. Как жить дальше — вот над чем теперь следовало ду-

мать, и он знал, что найти ответ будет непросто. Но в одном ясность имелась: этот улыбчивый человек должен умереть.

Грин навел дуло манипулятору в лоб.

— Э, милейший! — вскинул руку Пожарский. — Что за спешка! Так славно беседовали. Разве вы не хотите послушать про Жюли и нашу с ней любовь? Уверяю вас, это увлекательней любого романа.

Грин покачал головой, взводя курок:

— Неважно.

— Глеб! Не-е-е-ет!

С пронзительным криком Жюли кошкой прыгнула на Грина и повисла на его руке. Ее хватка оказалась неожиданно цепкой, острые зубы впились в кисть, сжимавшую «кольт».

Грин перехватил револьвер левой рукой, но было поздно — Пожарский сунул руку в карман и выстрелил прямо через полу пальто.

Я ранен, подумал Грин, ударившись спиной о стену и сползая на пол. Хотел поднять руку с револьвером, но она не послушалась.

Жюли ударом башмачка отшвырнула «кольт» в сторону.

— Браво, девочка, — сказал Пожарский. — Ты просто чудо. Уж я тянул-тянул время, а все равно

не хватило. Я велел своим ждать на улице ровно десять минут и потом врываться. Он успел бы меня прикончить.

В ушах у Грина шумело и завывало, комната накренялась то вправо, то влево. Непонятно было, как удерживаются на ногах двое мужчин, вбежавших из коридора.

— Выстрел услыхали? — спросил обер-полицеймейстер. — Молодцы. Этого я уложил, кончается. Женщина на вас, это Игла, та самая. Оставлять нельзя, слышала лишнее.

Свет начинал меркнуть. Нельзя было, чтобы лицо Пожарского стало последним видением ускользающей жизни.

Грин повел гаснущим взглядом по комнате, отыскивая Иглу. Она стояла, сцепив руки, и молча смотрела на него, но выражения ее глаз он различить уже не мог.

Что это поблескивает у нее между пальцев, такое тонкое и светлое?

Взрыватель, это взрыватель, догадался Грин.

Игла повернулась к емкости с гремучим студнем и переломила над ней узкую стеклянную трубочку.

Жизнь закончилась так, как и следовало, — мгновенной огненной вспышкой.

Эпилог

У Кутафьей башни извозчика пришлось отпустить и дальше идти пешком. В городе новые порядки пока не чувствовались, но здесь, в Кремле, стало не то, что прежде: строго, ухожено, повсюду караулы, а брусчатку что ни день отскребают от льда и снега, на санях не проедешь. Ныне здесь разместилась верховная власть — новый хозяин древнепрестольной счел ниже своего достоинства жить в генерал-губернаторской резиденции, поселился за высокими краснокирпичными стенами, в Малом Николаевском дворце.

Эраст Петрович шел вверх по Троицкому мосту. Одной рукой прижимал шпагу, другой держал треуголку. День сегодня был высокоторжественный — московское чиновничество представлялось его императорскому высочеству.

Старый князь Владимир Андреевич отбыл в постылую Ниццу, доживать, а в жизни его былых подчиненных намечались коренные перемены — кого повысят, кого переведут на иную должность, кого и вовсе от места отставят. Опытный человек сразу примечал, на какой час ему или

его ведомству прием назначен. Тут чем ранее, тем тревожнее. Всякий знает, что новая метла поначалу крутенько заметает и в первую голову являет строгость. В этом двойной смысл: с одной стороны, сразу на остальных страху нагнать, чтобы ощутили должный трепет, а с другой — начавши с казней, закончить милостями. Опять же издавна было известно, что вперед обыкновенно прогоняют службы поплоше: уездные управы, землеустроительный комитет, сиротское попечительство и разные малозначительные департаменты, а истинно важные службы оставляют напоследок.

По обеим приметам выходило, что статский советник Фандорин — персона важная, отмеченная особым вниманием. Предстать пред ясные очи великого князя он был приглашен самым что ни на есть последним, в половине шестого пополудни, даже после командующего военным округом и жандармских чинов. Это отличие, впрочем, могло означать что угодно, как в лестном, так и в тревожном смысле, поэтому Эраст Петрович пустым догадкам предаваться не стал, а решил целиком и полностью довериться судьбе. Сказано: «Благородный муж встречает гнев и милость высших с равным достоинством».

У стен Чудова монастыря статскому советнику повстречался поручик Смольянинов, тоже в парадном мундире, раскрасневшийся больше обычного.

— Здравствуйте, Эраст Петрович! — воскликнул он. — Представляться? Эк вас поздно-то. Не иначе повышение получите.

Фандорин чуть пожал плечами, вежливо спросил:

— А ваши уже п-представились? И что?

— В Охранном новация. Мыльников оставлен на прежней должности, а начальником назначен Зубцов. Это при чине титулярного советника, каково? Нам в Жандармское кого-то из Петербурга пришлют. Да мне все равно. Я, Эраст Петрович, рапорт подаю. Перехожу из корпуса в драгуны. Сейчас окончательно решил.

Эраст Петрович нисколько не удивился, но все же спросил:

— Что так?

— Не понравилось мне, как его высочество о задачах государственной полиции говорил, — горячо произнес поручик. — Вы, говорит, должны внушать жителям страх и благоговение перед властью. Ваша задача вовремя узревать плевелы и безжалостно их выдергивать, в наущение и

назидание остальным. Говорит, один вид синего мундира должен повергать обывателя в оцепенение. Надо укрепить фундамент российской государственности, иначе нигилизм и вседозволенность его окончательно размоют.

— Может быть, так оно и есть? — осторожно вставил Фандорин.

— Очень возможно. Только я не желаю, чтобы мой вид повергал кого-то в оцепенение! — Смольянинов запальчиво дернул темляк шашки. — Меня учили, что мы должны искоренять беззаконие и защищать слабых, что Жандармский корпус — безупречно чистый платок, которым верховная власть утирает слезы страждущих!

Статский советник участливо покачал головой:

— Вам будет т-трудно в армии. Сами знаете, как офицеры относятся к жандармским.

— Ничего, — упрямо тряхнул головой розовощекий офицер. — Сначала, конечно, станут нос воротить, а потом увидят, что я не какой-нибудь фискал. Как-нибудь приживусь.

— Не сомневаюсь.

Распрощавшись со строптивым адъютантом, Эраст Петрович ускорил шаг, потому что до назначенного времени оставалось менее десяти

минут.

* * *

Аудиенция происходила не в кабинете, а в парадной гостиной — очевидно, для того, чтобы представлявшиеся ощущали высокое значение минуты. Ровно в половине шестого два важных лакея в париках с буклями распахнули створки дверей, дворецкий с раззолоченной булавой вошел первым и громогласно объявил:

— Его высокородие статский советник Фандорин.

Эраст Петрович еще у порога почтительно поклонился и лишь затем позволил себе рассмотреть августейшую особу. Симеон Александрович был разительно не похож на своего быкообразного брата. Сухопарый, стройный, с длинным надменным лицом, острой бородкой и напомаженными волосами, он скорее напоминал какого-то габсбургского принца из веласкесовских времен.

— Здравствуй, Фандорин, — сказал его высочество. — Подойди.

Отлично зная, что обращение к низшим на «ты» у членов царской фамилии является признаком благоволения, Эраст Петрович все же

поморщился. Он подошел к великому князю и пожал белую ухоженную руку.

— Вот ты каков, — Симеон Александрович разглядывал импозантного чиновника с одобрительным интересом. — Пожарский в своих докладах рекомендовал тебя самым лестным образом. Какая трагедия, что он погиб. Талантливейший был человек, беззаветно преданный мне и престолу.

Генерал-губернатор перекрестился, но Фандорин не последовал его примеру.

— Ваше императорское высочество, я должен сообщить вам некоторые п-подробности о действиях князя Пожарского в связи с делом Боевой Группы. Я составил рапорт на имя министра внутренних дел, в котором детальнейшим образом изложил всё, что…

— Читал, — перебил его Симеон Александрович. — Министр счел необходимым переслать твою реляцию мне как московскому генерал-губернатору. Сделал приписку: «Полнейший бред и к тому же опасный». Но я хорошо знал покойного Пожарского и потому поверил каждому твоему слову. Конечно, всё так и было. Ты проницателен и ловок. Пожарский на твой счет не ошибся, он превосходно разбирался в людях. Только вот

рапорт писать не следовало. Это еще имело бы смысл, если бы соперник был жив. Но что за охота трепать дохлого льва?

— Ваше в-высочество, моя записка была написана не для того. Я хотел обратить внимание высшего начальства на методы работы т-тайной государственной полиции… — в смятении запротестовал Эраст Петрович, но великий князь снисходительным жестом остановил его.

— Я, кстати, совершенно не сержусь на Глеба за его шалости. По-своему они даже остроумны. Я вообще очень многое позволяю тем, кто мне искренне предан, — с особенным нажимом сказал его высочество. — И у тебя еще будет возможность в этом убедиться. Что же до твоего рапорта, то я его разорвал и предал забвению. Ничего этого не было. Престиж власти важнее всего, в том числе и истины. Это тебе еще предстоит усвоить. Но твою дотошность я оценил по достоинству. Мне нужны такие помощники, как Пожарский и ты — умные, энергичные, предприимчивые, ни перед чем не останавливающиеся. Место подле меня освободилось, и я хочу, чтобы его занял ты.

Статский советник, потрясенный «шалостями», утратил дар речи. Однако его высочество истолковал молчание иным образом и понимающе

улыбнулся:

— Хочешь знать, что именно я тебе предлагаю? Не прогадаешь, не бойся. Завтра же подпишу указ о назначении тебя московским обер-полицей-мейстером, а это, если не ошибаюсь, двенадцать тысяч жалованья плюс четырнадцать тысяч представительских, плюс выезд и казенная резиденция, да еще особые фонды, которыми ты будешь распоряжаться по своему усмотрению. Должность соответствует четвертому классу, так что в самом скором времени получишь генеральский чин. А камергерское звание я тебе выхлопочу незамедлительно, прямо к Пасхе. Ну что? Как говорят ваши московские купцы, по рукам?

Великий князь раздвинул губы в улыбке и вновь протянул чиновнику узкую ладонь. Однако августейшая десница так и повисла в воздухе.

— Знаете, ваше высочество, я решил оставить государственную службу, — сказал Эраст Петрович ясным, уверенным голосом, глядя вроде бы в лицо его императорскому высочеству, а в то же время словно и сквозь. — Мне больше по нраву частная жизнь.

И, не дожидаясь конца аудиенции, направился к двери.